

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2010
(№ 73)

СОДЕРЖАНИЕ

4 **Памяти профессора А. И. Сухарева**

Проблемы федерализма

7 **И. В. Бахлов.** Федерация как альтернатива развития российской государственности: федеративные проекты имперского периода

Политическое пространство региона и территориальное управление

17 **С. В. Бирюков, А. М. Барсуков.** Этнорегиональные партии как фактор демократизации общеевропейского политического процесса

27 **И. Н. Кузьмина.** Демократизация власти в условиях реализации концепции электронного правительства

38 **А. В. Логинов, А. М. Магдеев.** Влияние на политический процесс российского менталитета и региональной идентичности

52 **Д. В. Ермолаев.** Проблемы повышения эффективности управления социально-экономическим развитием региона

56 **А. В. Захаров.** Система антикризисного управления и обеспечение безопасности региона

63 **В. П. Бабинцев, Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, Ж. А. Шаповал.** Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения

73 **Ю. В. Кузнецов.** Социально-политический универсализм России в историософии евразийцев

Экономика региона

83 **А. Н. Дырдонова.** Оценка эффективности кластерных образований в регионе

89 **А. Ю. Белозерский, В. В. Никитина.** Управление рисками металлургического предприятия как составляющая региональной экономики

96 **Н. А. Киселева, М. С. Терешкина.** Отличия методик государственной кадастровой оценки земель как фактор влияния на земельные отношения и социальную атмосферу в регионе

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 102 **С. А. Бартанов.** Эффективность и динамика энергопотребления в регионе
- 107 **О. Т. Ергунова.** Механизм влияния маркетинга на региональную экономику
- 111 Круглый стол «Маркетинг в системе управления предприятием в посткризисных условиях»
- 113 **Е. А. Неретина.** Качественный маркетинг — ключ к корпоративному успеху
- 117 **Н. Н. Мелькина.** Концептуальные основы управленческого маркетинга
- 121 **Е. В. Лукашова.** Улучшение работы ОАО «Завод „Саранскабель“» на основе эффективного использования маркетинговых инструментов
- 124 **С. С. Новожеева.** Управление стоимостью компании на основе маркетингового подхода
- 127 **С. В. Палкин.** Маркетинг: мифы и ошибки
- 131 **К. Г. Самолькин.** Необходимость и предпосылки реструктуризации ЗАО «Ельниковская ДСПМК» на принципах маркетинга
- 135 **Ю. В. Глухов.** Роль маркетинговой службы в работе сельскохозяйственного потребительского снабженческо-сбытового кооператива
- 138 **А. В. Макаркин.** Востребованность выпускников специальности «маркетинг» на рынке труда Республики Мордовия

Региональные проблемы науки и образования

- 141 **Н. В. Ивашкина.** Формирование этнокультурной образовательной политики в регионе
- 146 **Л. П. Канаева.** Государственно-общественный характер управления системой образования
- 153 **Т. В. Гуськова, И. Ю. Рогашова.** Использование информационных технологий в образовательном процессе высшей школы
- 159 **Е. А. Шевелева.** Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах

Социология региона

- 167 **Е. М. Власова.** Состояние и тенденции развития среднего класса в регионах Среднего Поволжья

- 177 **О. А. Полюшкевич.** Гендерные аспекты социальных представлений населения региона об общественных трансформациях
- 184 **И. Н. Пролина.** От вещи к бренду: символические практики потребления как поиск идентичности
- 192 **Е. В. Желнина.** Профессиональная подготовка персонала: ответ на кризис
- 197 **М. В. Бикеева.** Составляющие социальной среды промышленных предприятий региона
- 204 **А. С. Палибина.** Значимость православных ценностей для современной российской семьи
- 214 **Т. А. Рассадина, Е. А. Семенова.** Человек в условиях «общества риска»
- 224 **Н. С. Кулешова.** Дети как человеческий капитал общества
- 233 **А. А. Сычев, К. В. Фофанова, Л. А. Якина.** Бюджет времени молодой семьи в региональном социуме

Социальное развитие региона

- 239 **К. П. Африкантов.** Уполномоченный по правам ребенка как новый институт в системе социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
- 248 **Л. В. Нечаева.** Теоретико-практические основания изучения проблемы отказов от новорожденных в регионе
- 255 **Е. В. Мозеров.** Ипотека и региональная государственная молодежная политика
- 265 **Л. И. Савинов.** Становление и развитие социальной работы в регионе

Информационное пространство региона

- 274 **В. П. Букин, А. В. Осташков, С. И. Неделько, В. Н. Ретинская.** Социальная ответственность СМИ в контексте модернизационных процессов в регионе
- 281 **Н. С. Кузнецова.** Веб-сайты региона: соотношение этнокультурного и глобального
- 286 **П. Н. Полосин.** Ведущие ежедневные новостные СМИ Пензенской области: опыт сравнительного анализа

Региональная история и историография

- 294 **С. И. Сивцева.** Региональная демографическая история: население Якутии в XX в. (общее и особенное)
- 302 **С. Н. Зеткин.** Хозяйственная и торгово-экономическая деятельность мещан мордовского края второй половины XIX — начала XX в.

Провинциальная культура

- 311 **Е. В. Полутина.** Любительские театры мордовского края как фактор развития провинциальной культуры конца XIX — начала XX в.

Александр Иванович Сухарев
(12.10.1931—24.12.2010)

24 декабря 2010 г. на 80-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался видный российский философ и социолог, общественный и политический деятель, организатор науки и образования, заведующий кафедрой социологии, директор НИИ регионологии Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, директор Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, главный редактор научно-публицистического журнала «Регионология», профессор АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ СУХАРЕВ.

Александр Иванович родился в крестьянской семье 12 октября 1931 г. в с. Белогорское Лямбирского района Мордовской АССР. В 1955 г. окончил Московский государственный уни-

верситет имени М. В. Ломоносова, в 1963 г. — аспирантуру Академии общественных наук СССР. В 1963 г. стал кандидатом, а в 1974 г. — доктором философских наук.

С 1955 по 1960 г. — председатель колхоза «Прогресс» Хотынецкого района Орловской области, секретарь РК КПСС (Хотынецкий район Орловской области). В 1963—1967 гг. — заведующий кафедрой научного коммунизма Орловского педагогического института. С 1968 г. — заведующий кафедрой научного коммунизма Мордовского государственного университета.

В период с 1969 по 1991 г. — ректор Мордовского государственного университета. С 1991 по 2010 г. — директор созданного им НИИ регионологии при Мордовском государственном университете, с 2007 по 2010 г. — директор Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия.

А. И. Сухарев был председателем докторского диссертационного совета по социологическим и философским специальностям. На основе концептуальных идей ученого сложилась научная школа, более 50 представителей которой защитили кандидатские и докторские диссертации.

Научно-педагогическая, организационная и общественно-политическая деятельность А. И. Сухарева была высоко оценена на различных уровнях. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени (1971), Знак Почета (1976), Дружбы народов (1982), орденами Славы II и III степеней (2005, 2006), медалями «За доблестный труд» (1970), им. академика С. И. Вавилова (1987), почетной грамотой Государственного Комитета РСФСР по делам науки и высшей школы (1991), удостоен благодарностей Главы Республики Мордовия и губернатора Пензенской области. А. И. Сухарев — почетный гражданин Республики Мордовия (2001), лауреат премии имени Святого князя Александра Невского за значительный вклад в укрепление Российской государственности (2005), Лауреат премии имени И. Г. Петровского за цикл научно-педагогических работ (2006), лауреат Государственной премии РМ (2007), награжден серебряной медалью имени П. А. Сорокина (2008). Заслуженный деятель науки РСФСР (1980), МАССР (1977). Почетный гражданин РМ (2001), Почетный профессор Мордовского государственного университета (2007).

А. И. Сухарев был депутатом Государственного Собрания Республики Мордовия третьего созыва (2003—2007), секретарем политического совета Мордовского регионального отделения политической партии «Единая Россия» (2002—2007), членом Общественной палаты Республики Мордовия.

Александр Иванович являлся примером беззаветного служения Родине, делу образования и науки. Его отличали многогранность таланта организатора, ученого-исследователя, преподавателя и блестящего лектора. Он всегда проявлял высочайшую работоспособность, настойчивость в достижении цели, порядочность и объективность. Это был человек, увлеченный своим делом. Его умение сплачивать людей, преодолевать трудности, видеть перспективы, меняющие социальный облик республики, — дар выдающейся личности.

Наука и общественность Российской Федерации и Республики Мордовия понесли невосполнимую утрату в связи с безвременной кончиной ученого и педагога профессора АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА СУХАРЕВА.

Коллеги и ученики

И. В. БАХЛОВ

**ФЕДЕРАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ФЕДЕРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ
ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА¹**

Ключевые слова: империя, проекты территориального устройства, российская государственность, союз, унитаризация, федерализация, федерация

Key words: empire, projects of territorial structure, Russian national identity, union, unitarisation, federalisation, federation

В политической истории России явно прослеживались две линии развития: унитарная и федеративная². В условиях унитарного правительственного курса программа федерализации империи могла рассматриваться лишь на теоретическом уровне, причем не только оппозицией, но и отдельными представителями правящей элиты.

О. А. Кудинов считает, что введение некоторых элементов федерализма предусматривалось Государственной Уставной грамотой Российской империи 1820 г., проект которой был разработан под руководством Н. Н. Новосильцева. Так, империя должна была делиться на наместничества, в которых создавались двухпалатные парламенты (местные сеймы), осуществляющие законодательную власть на основе народного представительства. Вся полнота власти в наместничестве осуществлял назначаемый императором наместник вместе с парламентом³. На наш взгляд, подобная структура весьма напоминает модель централизованной федерации с правом интервенции центра практически во все дела управления субъектов (по типу Индийской федерации).

Один из первых оппозиционных проектов федерализации Российской империи был представлен в «Конституции» ру-

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, доктор политических наук.

ководителя «Северного общества» декабристов Н. М. Муравьева⁴. Во-первых, федеративное устройство предполагалось ввести «сверху» конституционным путем децентрализации унитарной империи, что устраняло договорное начало, инициативу «снизу», придающие прочность федерации. Во-вторых, представленный проект не решал проблему автономии бывших государственных образований в составе Российской империи (точнее, решал ее радикальным путем, устраняя саму идею автономии), что в условиях полиэтничности населения и развитых историко-культурных традиций государственности многих из них создавало основу для будущих конфликтов. В-третьих, политико-территориальная организация сочеталась с сильной организацией верховной исполнительной власти: наследственный император сохранял практически всю полноту власти. В-четвертых, положения проекта неоднократно перерабатывались, в том числе в плане федеративной организации государства — в направлении все большей централизации.

Еще один проект федеративного характера был сформулирован главными организаторами Общества соединенных славян братьями П. И. и А. И. Борисовыми. Их взгляды не нашли четкого выражения в каком-либо документе, поэтому о них можно судить лишь по показаниям Следственной комиссии. В них П. И. Борисов заявлял, что «цель Соединенных Славян состояла в том, дабы соединить славянские поколения федеративным союзом; в центре союза построить город, в который бы посылались депутаты от славянских народов и находилось главное управление федеративного союза». Впрочем, как признает сам автор, «верных средств к достижению сей цели мы не имели»⁵. В Славянскую федерацию должны были войти «восемь славянских колен» в виде объединения населенными ими государств и земель — России, Польши, Молдавии, Сербии, Валахии, Богемии, Моравии, Трансильвании, Кроации, Далмации, Венгрии. Каждый народ, входивший в федерацию, должен был иметь свою конституцию, основанную на демократических принципах, с учетом национальных особенностей этого народа. Каждое государство должно было само определять свое внутреннее государственное устройство, законодательство и пр.

Таким образом, этот федеративный проект исходил из панславистских устремлений, предполагая объединение

всех славянских народов; его отличала неразработанность в плане организации территориального устройства и системы органов власти; он был явно утопичным (что признавали и сами декабристы), так как предполагал соединение на равных началах огромной России и сравнительно небольших земель, все из которых находились в зависимости от континентальных европейских империй. В целом федеративный проект Общества соединенных славян был панславистским по духу и конфедеративным по организации предполагаемого объединения.

Таким образом, федералистские проекты, разработанные декабристами, не решали многочисленных проблем Российской империи. В то же время их можно рассматривать как начало широкой дискуссии по решению государственно-территориальных проблем империи среди достаточно широких слоев российского общества, несмотря на то что эти проекты оказались закрытыми для общественности на долгие годы.

Заслуживает внимания федеративный проект, созданный Н. П. Огаревым⁶. В качестве главного принципа организации общества он называл самоуправление общины, из которого необходимо исходить при определении формы территориальной организации государства. Тем самым идеалом государственного устройства выступает конфедерация, основанная на свободном союзе волостей как базовых единиц. Волость — это «высший размер административного единства для нескольких общин». В компетенцию общинно-волостного самоуправления входит «законодательно-судебная и вся от нее зависящая исполнительная власть». Организация конфедерации должна строиться снизу вверх путем добровольного объединения общинно-волостных единиц в географические союзы по «принципу породы» и по «принципу промыслов» (в чем легко заметить сходство с образованными по экономико-географическому принципу ассоциациями). Н. П. Огарев выделял следующие союзы: Среднерусский, Прибалтийский, Польско-Литовский, Беломорский, Волжский, Украинский, Новороссийский, или Черноморский, Урало-Сибирский и Амурский.

Таким образом, Огарев выступал за создание союзного государства не путем децентрализации, разрушения унитарного государства, а путем интеграции, добровольного

союза самоуправляющихся единиц. Базовая единица представляла собой не только или же не столько территориальные единицы, сколько социальные объединения, связанные территориально. Кроме того, следует отметить значительный перевес в плане наделения компетенцией базового уровня — общинно-волостного самоуправления, тогда как к компетенции центрального правительства отнесены лишь пять вопросов, связанных исключительно с практическим обеспечением «междуволостных отношений». Это позволяет говорить о конфедеративном, а не о федеративном характере проекта.

Несколько в ином ключе рассматривал проблемы организации территориального устройства государства Н. Я. Данилевский. Тип идеальной федерации, по его мнению, характеризуется тем, что «именно государственное верховенство должно бы в ней заключаться не в целом, а в самом элементарном общественном союзе — в деревенской или в волостной общине, и взаимная связь и зависимость должна бы быть тем слабее, чем выше порядок группы, этими общинами составляемой, т. е. связь окружная была бы сильнее и теснее уездной, областная — краевой, краевая — государственной». При этом «союз, общество — одним словом, всякая связь лиц, народов и государств, — возможны только при взаимности, обоюдности услуг и выгод; когда же первые требуются только от одной стороны, а вторые достаются только другой, то такие отношения нельзя назвать другим именем, как эксплуатацией слабого, глупого или доверчивого сильным, умным, лукавым, или попросту — одурачиваньем»⁷. По его мнению, один и тот же народ не может составлять федерации, если не удален от своих соседей труднопреодолимыми физическими препятствиями (обширными морями, высокими хребтами и т. п.); не могут составлять постоянной федерации народы, не связанные «племенным средством». Кроме того, смотря по отношениям, существующим между этнографическими элементами, составляющими федерацию, она «должна быть устроена или по типу равновесия частей, или по типу гегемонии»⁸.

Руководствуясь этими соображениями, Н. Я. Данилевский создал свою концепцию Всеславянского союза. Он считал, что «тесность» политической связи, которая должна соеди-

нить родственные между собой народности, определяется не только степенью их родства, но еще и степенью той опасности, которой эти народности подвержены извне. Поэтому политическая форма их сожителства должна служить обороной от нее. Отмечая, что «по этнографическим условиям славяне действительно должны составить федерацию», он полагал, что «федерация эта должна обнять все страны и народы — от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага. Сообразно этим же условиям, а также согласно с фактами истории и с политическим положением в непосредственном соседстве с могущественным и враждебным романо-германским миром, — федерация эта должна быть самая тесная, под водительством и гегемонией цельного и единого Русского государства». При этом «нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общею идеей Всеславянства как в политическом, так и в культурном отношении, и в первом — главнейше и преимущественно для возможности осуществления последнего»⁹.

В концепции Н. Я. Данилевского можно выделить два достаточно явно обособленных компонента: геополитический, связанный с обоснованием создания Всеславянского союза, и российский, предполагающий устройство самой Российской империи. В сфере геополитики он исходил из признания неотвратимости столкновения четырех империй — Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. При этом причинами столкновения становились неудержимое распадение Австро-Венгерской и Османской империй, борьба за Константинополь и черноморские проливы, а также панславянское единство. В сфере внутреннего устройства Российской империи, исходя из его воззрений в плане федерализма, можно предполагать, что он в идеале видел федерацию, организованную снизу, от общины до государства, отличающуюся децентрализованным характером.

Особое направление в российской федералистской мысли представляют М. А. Бакунин и П. А. Кропоткин, развивавшие теорию социального федерализма в русле анархизма. Идеалом общественного устройства у теоретиков анархизма выступала свободная организация общества снизу вверх в виде свободной федерации самоуправляющихся общин, артелей, земледельческих и фабрично-ремесленных ассоциаций

и т. д. При этом федерализм рассматривался ими как путь объединения местных групп и ассоциаций для выполнения сложных функций без центрального правительства путем постепенного изживания государства.

М. А. Бакунин был активным сторонником идеи негосударственного федерализма. В своей работе «Федерализм, социализм и антитеологизм» он выступал за создание единой системы глобальной федерации, в которой выделяются общинный, провинциальный, национальный и международный уровни интеграции. Каждое звено должно иметь судебный, законодательный и исполнительный орган. Идеал федеративного устройства для него — универсальный проект объединения индивидов, ассоциации их и регионов, наций в иерархическую федеративную организацию со сложной системой общественной власти, образованную снизу вверх, от периферии к центру¹⁰.

Особого внимания заслуживает его проект Всеславянской федерации как возможного элемента будущей глобальной федерации, выдвинутый им на Пражском конгрессе славянских народов в 1848 г. М. А. Бакунин призывал славянские народы отказаться от своей государственности, создать «великую и вольную» Всеславянскую федерацию. Ее должны составить народы России, Украины, Белоруссии, Чухонско-Латышского края, Курляндии, возможно, Литвы и Польши, а также славянские народы, населяющие Австрию и Турцию. При этом федерацию должны составить не только территориальные сообщества, но и все исторические субъекты: индивиды, союзы, земледельческие и фабрично-ремесленные рабочие артели, ассоциации, нации и народы как славянского, так и неславянского происхождения, а также союзы славянских народов, составленные из бывших славянских государств¹¹.

П. А. Кропоткин выступал за идею децентрализации как фактор прогресса, а федерализм признавал средством территориальной и функциональной децентрализации власти, так как, по его мнению, только федерация создает реальное единство страны. Говоря о необходимости федерации в России, он подчеркивал, что «единственное спасение России — это превращение ее в тесный союз (федерацию) свободных областей и народов». Однако «не только Россия как целое должна превратиться в добровольный, но тесный

союз свободных областей и народов, но и местное самоуправление, городское и земское, должно быть устроено так, чтобы все отдельные самоуправляющиеся единицы, вплоть до самых мелких, были возможно более свободными и пользовались возможно большими правами». В основе общественного устройства России должен лежать не государственный централизм, а «местная самостоятельность (автономия) и федеративное (союзное) добровольное объединение»¹².

Анархистское направление в отечественной федеративной мысли характеризуется рядом черт. Его представители либо отвергали государственный федерализм как объединение государственно-территориальных единиц, либо признавали его промежуточным этапом между централизованным государством и моделью идеальной федерации, основанной на принципе объединения индивидов и их ассоциаций, что соответствовало важнейшему, по их мнению, фактору прогресса — закону взаимной помощи. Для них характерно также осознание необходимости федеративной формы устройства государства как промежуточной для создания всемирной федерации, субъектом которой может стать любая ассоциация индивидов, организованная не только по территориальному, но и по социально-экономическому и иному признаку, т. е. их учение отличалось глобализмом. Одной из важнейших их идей была концепция образования федерации снизу вверх путем заключения договора самоуправляющихся территориальных и иных единиц, причем автономия рассматривалась ими как самое широкое самоуправление в рамках такой единицы.

В середине XIX в. оформляется новое течение в федеративной мысли Российской империи, которое условно можно назвать сепаративным (автономистским). В нем мы можем выделить два направления: украинский сепаратизм (Н. И. Костомаров, М. П. Драгоманов и др.) и сибирское областничество (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев)¹³. Во-первых, они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития регионов Российской империи на основе широкого предоставления самоуправления. Во-вторых, приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украина, Сибирь), причем признавалась возможность их сохранения в составе России. В-третьих, задачи и методы автономизации понимались по-разному: украинское направ-

ление исходило из предоставления национально-культурной автономии и самобытного развития украинского языка и культуры, тогда как сибирские областники задачу автономизации видели преимущественно в повышении социально-экономической самостоятельности Сибири путем ликвидации признаков ее колониального состояния. В-четвертых, в отстаивании собственных взглядов представители этого течения опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси.

Подводя общий итог анализу проектов, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, существовало значительное многообразие в выборе предлагаемых альтернатив, которое, впрочем, укладывается в несколько общих направлений: панславистское (геополитическое) — создание Всеславянской империи на федеративной основе под эгидой России, сохраняющей свою централизованную государственность (Н. Я. Данилевский); державное — сохранение Российской империи, преобразованной на федеративных началах, с доминированием центра по отношению к периферии (Н. М. Муравьев); анархистское (социальный федерализм), предполагающее коренное изменение всех структур Российской империи и ее преобразование в федерацию добровольно объединившихся ассоциаций самого различного уровня, начиная с базового (общины, волости), с одновременным вхождением в состав глобальной федерации (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин); сепаративное (автономистское), представители которого выступали за повышение прав своего региона, причем предлагали самые разные подходы — от крайне радикальных до сравнительно либеральных (Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, Н. И. Костомаров и др.).

Кроме того, следует отметить, что некоторые концепции сложно отнести к какому-то одному направлению, например, федеративный проект Н. П. Огарева. В его взглядах, бывших достаточно утопичными для своего времени, можно найти много параллелей с активно развивающимися сейчас концепциями социального и кооперативного федерализма (община, союз общин как полноправный участник федеративных отношений, закрепление приоритета базового уровня федеративного государства путем реализации принципа субсидиарности и т. д.).

Во-вторых, представленные концепции различаются по характеру используемых авторами инструментов федерализации, причем определяющее место среди них занимает автономия как основной способ децентрализации прежде унитарного государства. Авторы концепций предлагали автономию, основанную на различных принципах — национально-культурном, национально-территориальном, территориальном или областном, экономико-географическом.

В-третьих, многие авторы федеративных проектов выступали за необходимость развития асимметричных отношений между центром и регионами. Лишь в тех концепциях, которые опирались на территориальный принцип, признавалась симметричность прав субъектов (хотя и в этом случае асимметрия сохранялась в скрытой форме). Явная асимметричность вероятных субъектов федерации чаще всего связывалась с национальным принципом.

В-четвертых, большинство авторов соотносит развитие федерализма в России с наднациональным уровнем, либо определяя Россию (унитарную или децентрализованную) в качестве будущего ядра более широкого объединения, либо отмечая возможность ее вхождения в федерацию европейского или глобального уровня.

В-пятых, во многих концепциях отмечается самобытность, уникальность исторических условий и объективных обстоятельств развития федеративных отношений в России, они связаны с особым характером развития местного самоуправления, древнерусским происхождением федеративного начала, исключительной ролью центра и слабостью периферии и т. д.

В целом необходимо подчеркнуть, что федерация как альтернатива развития Российского государства признавалась далеко не всеми. В дореволюционную эпоху и в последующее время существовала значительная оппозиция в лице сторонников унитаризма, полагавших, что в России отсутствуют необходимые предпосылки (выражаясь словами И. А. Ильина, «жизненные основы») для становления федеративной формы государственности. На фоне дискуссии между федералистами и унитаристами, причем накануне революции и в революционный период доминировали преимущественно вторые, учреждение федерации стало вынужденным ответом центра на вызов периферии (и не только национальных

окраин, так как в период Гражданской войны «волна суверенитетов» охватила и русскоязычные области).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья выполнена в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009—2010 годы). «Внутри- и внешнеполитические факторы эволюции территориальной организации России (специфика разрешения кризисных и переходных ситуаций)» (проект № 2.1.3/1134).

² См.: Королева-Конопляная Г. Идея федерализма в политических программах декабристов и анархистов // Федерализм. 2002. № 1. С. 184.

³ См.: Кудинов О.А. Правительственные проекты конституций Российской империи XIX в. // Государство и право. 2004. № 4. С. 75.

⁴ См.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. I. С. 295—317.

⁵ Там же. С. 36.

⁶ См.: Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения / под общ. ред. М.Т. Иовчука и Н.Г. Тараканова: в 2 т. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952—1956. Т. 2. С. 54—59.

⁷ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: «Книга», 1991. С. 229—230, 397.

⁸ Там же. С. 427.

⁹ Там же. С. 363, 385, 388—389.

¹⁰ См.: Бакунин М.А. Анархия и Порядок: соч. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 149—178.

¹¹ См.: Королева-Конопляная Г. Идея федерализма в политических программах ... С. 193—196.

¹² Обращение Московской Лиги Федералистов о задачах Лиги // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 52—54.

¹³ См.: Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 1. СПб.: Книга, 1903. 731 с.; Драгоманов М.П. Национальный вопрос на Украине и в России // Собр. полит. соч.: в 2 т. Т. 2. Париж: Изд. ред. «Освобождение», 1906. 874 с.; Письма Г.Н. Потанина: в 3 т. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. Т. 1. С. 10—35; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирский хронограф, 2003. 560 с.

Поступила 10.06.10.

С. В. БИРЮКОВ,
А. М. БАРСУКОВ

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПАРТИИ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова: демократия, европейская интеграция, этнорегиональные партии, европейские партии, европейские институты

Key words: democracy, European integration, ethno-regional parties, European parties, European institutions

В Европе продолжают дискуссии о необходимости «оживления» демократии с тем условием, чтобы она отвечала изменившимся общественным условиям. Подобные дискуссии не являлись новыми, так как многие исследователи обсуждали многолетний «дефицит демократии» в современной Европе. В современном обществе демократический контроль основывается на представительной системе правления, придающей демократическому управлению элитистскую природу, даже если высший уровень принятия решений воплощается в форме ассамблеи или совета, члены которого избраны на свободных и демократических выборах. Репрезентативная система характеризуется рядом недостатков, но при этом совершенно очевидно, что весьма сложно найти ей альтернативу, которая была бы одновременно более эффективной и прагматичной, увязывалась с изменениями политического порядка. Между тем протекающие в современном мире изменения настоятельно требуют именно такой обновленной концепции демократии. Связаны эти трансформации с изменением традиционных ролей государства, что в корне изменяет содержание политического порядка.

Государства перестают быть безусловными носителями централизованных властных полномочий и авторитета, подвергаясь принципиальным изменениям. Они остаются ключевым инструментом организации политического порядка, но утрачивают прежнюю политическую монополию

БИРЮКОВ Сергей Владимирович, доцент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета, доктор политических наук.

БАРСУКОВ Александр Михайлович, ассистент кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

в качестве особого «места», ограниченной территории, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации, а также формируются основные политические институты и культурная идентичность. Политика отныне формируется в комплексных сетях в результате деятельности публичных и частных национальных и международных актеров.

Региональные партии можно охарактеризовать как самостоятельные политические образования, формирующие региональную идентичность¹. Территориальный аспект идентичности региональных партий является решающим для их идентификации. Отметим, что многие внешне гетерогенные партийные «образования» могут быть включены в категорию региональных партий. Выделяют несколько типов региональных партий, действующих в политическом пространстве современной Европы: региональные партии, генезис которых лежит в русле конфликта между центром и периферией, и развивавшиеся в качестве автономных представителей территории, что способствовало процессу регионализации; партии, являющиеся «заложниками» сложившейся модели административно-территориального деления и системы электоральных округов в рамках федерации; региональные партии, которые стали «филиалами»-представительствами европейских региональных партий, действуя в масштабах национального государства с определенным электоральным отклонением от общеевропейских результатов; этнорегиональные партии, появившиеся в результате процессов регионализации государств, подъема и эволюции в них национального движения (это стало следствием того, что на национальном уровне произошли фрагментация партийной системы и утрата оригинальности общенациональных партий); региональные партии, возникшие в результате изменения территориально-политической конфигурации (государственные границы, объединение территориальных формирований в пределах нового государства и т. д.)².

Анализ современной европейской политики актуализирует проблему исследования региональных (этнорегиональных) партий в контексте изменения национальных политических систем. В процессе своего становления региональные партии современных стран Европы пережили несколько «волн» подъема и упадка. Подъем этнорегиональных партий при-

шелся на 70—80-е гг. XX в., когда эти партии получали поддержку электората, вследствие игнорирования этнических проблем общенациональными партиями³. В 90-е гг., напротив, произошло снижение активности и популярности этих партий, связанное с социально-экономическим кризисом и разочарованием европейских избирателей в действительности процессов децентрализации и регионализации. В 2000-е гг. начинается новая волна «подъема» региональных партий, связанная с реакцией на неоднозначные процессы европейской интеграции и неизбежное усиление «бюрократических начал».

В то же время региональные партии существуют сегодня во всех странах Западной Европы. Совпадение этничности и региональных движений в странах Западной Европы привело к образованию термина «этнорегионализм». Идейной основой деятельности этнорегиональных партий является национализм, который основывается на особенностях и различиях этнической идентичности и территориальных притязаниях внутри государств. Этнорегиональные партии играют ключевую роль в мобилизации социальных ожиданий этнических групп, в той или иной степени противостоящих государству.

Одной из причин появления этнорегиональных партий была реакция этнических меньшинств на процессы централизации в ходе эволюции государственности стран Европы в конце XIX в. и на изменение государственных границ в результате мировых войн XX в. Так, в Бельгии катализаторами активности этнорегиональных партий стали конфессиональная принадлежность, активизация национальных движений, неравномерность экономического развития основных регионов страны, что привело к дистанцированию Фландрии и Валлонии в политической сфере и потребовало своего «партийного выражения». Усиление региональной идентичности Фландрии и Валлонии привело к невозможности создания эффективной общенациональной партийной системы, что подтверждается кризисами коалиционно-партийных кабинетов и непрекращающимися «институциональными реформами».

Сравнительное изучение этнорегиональных партий до сих пор не получило должного освещения в работах исследователей современного общеевропейского политического процесса.

Отмечается их особая роль как «этнических предпринимателей», указывается неразрывная связь с формированием и защитой региональной идентичности⁴, однако их влияние на общеевропейский политический процесс и формирование общеевропейской политической системы считается при этом незначительным.

Деятельность этнорегиональных партий неразрывно связана с расширением автономии некоторых регионов. Европейская интеграция породила феномен «демократического дефицита», предопределенного «бюрократизацией» системы публичного действия. Европейская интеграция предполагала централизацию процесса принятия властно-политических решений. Это процесс увеличивал разрыв между населением регионов и агентами публичной политики. Одновременно с этим «смещение» главных центров принятия решений и трансформация механизмов формирования политики в отношении регионов побуждали этнорегиональные партии расширить свою электоральную поддержку в регионах.

В то же время европейская интеграция и экономическая глобализация обострили территориальные диспропорции, ослабляя периферийные маргинальные регионы и усиливая мощные регионы-лидеры. Экономические диспропорции усиливались дополняющими их политическими эффектами: в большинстве из маргинальных регионов, в которых европейские субсидии формировали значительную часть от общего совокупного ВРП, политическая этнорегиональная мобилизация была довольно слабой, хотя этнорегиональные партии активно формировались и действовали в развитых регионах. Менялась линия поведения и у главного лоббиста интересов регионов при принятии решений в ЕС — у национальных правительств. Последние интегрировали региональные интересы в национальную систему принятия политических решений, побуждая Брюссель уделять последним большее внимание.

Изначально европейская интеграция означала централизацию принятия решений на европейском уровне в большинстве секторов политики. Показательно, что начало этого процесса многие этнорегиональные партии связывали с последствиями европейского интеграционного процесса, создававшего разрыв между населением регионов и наднациональными центрами власти и управления. Однако по

мере «европеизации» процесса принятия властно-политических решений, как это ни парадоксально, евроскептическая позиция постепенно распространялась и среди тех, кто изначально стоял на позициях еврофилии. В настоящее время в рамках системы европейских этнорегиональных партий выделяются «Демократическая народная партия Европы» и «Европейский свободный альянс», объединившие большинство региональных и автономистских партий в Европе.

Между тем противоречия между этнорегиональными партиями в Европейском парламенте затрудняют образование трансевропейской партии⁵. После выборов 1979 г. члены прорегионалистской Демократической народной партии Европы и Европейского свободного альянса (ДНПЕ-ЕСА) образовали техническую группу в связке с крайне левыми партиями. Впоследствии эта группа была усилена европейскими «зелеными» («Группа радуги»). И только в 1989—1994 гг. удалось создать однородную этнорегиональную партию. С 1999 г. в составе блока остаются три европейские партии, представляющие ДНПЕ-ЕСА партии и объединяющие французских и итальянских радикалов (Европейский радикальный альянс). Наряду с этим ДНПЕ-ЕСА формировал в Европейском парламенте предыдущего состава достаточно сильную этнорегиональную парламентскую группу. В большинстве же случаев этнорегиональные европейские партии занимают незначительное место в межпартийных группах, в которые они объединяются. Это снижает возможности партийной интеграции на арене европейского парламента⁶. С другой стороны, существуют этнорегиональные партии, предпочитающие оставаться верными другим парламентским группам, представляющим блок ДНПЕ-ЕСА. Сегодня ДНПЕ-ЕСА не включает в свой состав транснациональные партии, что серьезно ограничивает мобилизационные возможности партии⁷.

Несмотря на сложность и противоречивость процесса европейской интеграции, которая объективно препятствует реализации долгосрочных целей деятельности этнорегиональных партий, представители которых избираются на прямых выборах в европейский парламент, последние нередко сохраняют благоприятное отношение к этому процессу. Так, ДНПЕ-ЕСА рассматривает европейскую интеграцию со следующих позиций: ЕС создают свободные

люди, живущие в солидарности, в рамках Союза в целях обеспечения надежной защиты прав человека; обеспечивается защита окружающей среды и реализуется устойчивое развитие; продолжается строительство справедливого общества, основанного на солидарности и прогрессивной политике, социальном согласии и равенстве для всех граждан; предполагается участие в европейской политике партий всех идеологических направлений, связанных с территориями, которые они представляют.

Вышеперечисленные принципы и требования были изложены в «Европейском манифесте», подготовленном в 1996 г. межгосударственной конференцией, предложившей более ясную формулировку платформы партий проинтеграционной и федеративной направленности: усиление наднациональных приоритетов в ЕС при принятии решений, воплощение в жизнь социальной европейской политики, которая согласовывалась бы с монетарной политикой Союза, общая безопасность и внешняя политика больше, чем межправительственная форма; расширение ЕС в установленных областях, что позволяло бы странам интегрироваться на базе принципов федерализма, бикамерализма и прямого избрания представителей регионов, что предполагает интеграцию Комитета по делам регионов и Совета регионов; координация законодательных инициатив европейского, национального и регионального парламентов, работающих в тесной связке с Комитетом регионов; создание консультативных комитетов европейских, национальных и региональных партий с целью облегчить взаимодействие между парламентами различных стран; использование единых правовых стандартов по культурным и гражданским вопросам с установлением «страховочного» механизма, позволяющего региональным ассамблеям блокировать европейские решения, которые наносят вред интересам регионов.

Следует отметить, что не все этнорегиональные партии являются приверженцами «политизации этничности». Лиги, например, в меньшей степени отстаивают наднациональную идею и продвигают скорее межправительственную или конфедеративную модель, в которой их регионы могли бы обладать рядом атрибутов государственности. Даже говоря о «Европе регионов», многие из этнорегиональных партий рассматривают этот проект в русле федеративной модели.

Что касается разделения компетенции в Европе между государством и регионами, то позиция этнорегиональных партий исходит из двух базовых устремлений: с одной стороны, из желания расширить возможности взаимодействия на европейском уровне в политической сфере, с другой — расширить компетенцию регионов, компенсируя издержки от «экспансии» ЕС. Однако в последнее время европейская интеграция в целом принимается большинством этнорегиональных партий. Объяснением изменения отношения этнорегиональных партий к этому феномену выступают сокращение издержек «малого независимого государства внутри Европы» и ослабление государства извне и изнутри.

Европа интенсивно инвестировала в развитие депрессивных и отсталых регионов, серьезно поддерживая их экономику и социальную сферу, помимо участия государства, к которому они формально принадлежат. Эти программы усиливали регионы по отношению к центральной власти даже тех государств, где регионы не имеют высокого статуса или обладают незначительными полномочиями. Активно поддерживая политическое сотрудничество на уровне региональной и местной власти, Европейская комиссия приглашает другие заинтересованные группы к участию в нем. Сами же регионы усиливаются благодаря компетенции акторов, представляющих их интересы в Брюсселе и через множество каналов доступа к принятию политических решений в ЕС (Комиссия, Совет, Парламент, Комитет регионов и другие формы взаимодействия регионов и городов, лоббистов и т. д.). Эта модель принятия решений способствует усилению политических сетей, объединяющих широкий круг политических, социально-экономических и административных акторов на региональном, межрегиональном и межгосударственном уровнях. Присутствие в сетях рассматривается как важная форма участия в политическом процессе ЕС. Они позволяют региональными политиками повышать общую привлекательность ЕС с помощью дотаций. В регионах, где этнорегиональные партии являются главными или доминирующими политическими акторами, их лидеры обращают ресурсы в собственные символические дивиденды, в то время как в регионах с незначительной этнорегиональной мобилизацией региональные партии опираются на «ресурс доверия», воспроизводимый с помощью разветвленных

внутрирегиональных сетей. Таким образом, принцип субсидиарности и необходимость лоббирования региональных интересов, будучи введенными в единую региональную политику, объективно ведут к увеличению базы поддержки этнорегиональных партий.

Среди новых европейских партий этнорегиональные партии в меньшей степени уязвимы с точки зрения формальных ограничений, налагаемых на треть партий в рамках мажоритарной электоральной системы⁸. Вследствие особенностей электората этнорегиональные партии являются территориально строго концентрированными. В итоге электоральная система, используемая на европейских выборах, в большинстве случаев более выгодна для них, нежели электоральная система, используемая на обычных выборах. Во-первых, на европейских выборах средний размер избирательного округа во всех странах на региональном уровне больше, чем на обычных выборах. Это призвано сократить предварительные выборы и в большей степени обеспечить пропорциональность распределения мест в Европарламенте.

В итоге европейские выборы способствуют образованию картелей этнорегиональных партий в разных регионах, которые на обычных выборах неизменно демонстрируют различные результаты. На выборах 1999 г. партии основали два крупных этнорегиональных картеля (в отношении мандатов): «Коалиция Европы» и «Коалиция националистов Европы». Получив поддержку по национальному избирательному округу, они формировали электоральные коалиции, «растворяя» электорат этих партий.

Как следствие, европейские выборы чаще рассматриваются как «выборы второго порядка», в которых граждане голосуют, ориентируясь в большей степени на национальные программы партий и правительственное исполнение, чем на европейские проблемы⁹. Благодаря этому партии, не правящие на национальном уровне (как большинство этнорегиональных партий), склонны добиваться лучших результатов на европейских, нежели национальных выборах. Это является следствием того, что европейские выборы дают им шанс продемонстрировать их несогласие с государственной политикой. В итоге следствием их голосования является возмущение, которое было не слишком убедительным, так как европейские выборы не призваны формировать на-

циональные органы исполнительной власти. Поэтому на европейских выборах электорат традиционных партий более открыт к альтернативной точке зрения. Изменение типа голосования на выборах в Европарламент порождает у избирателя неприятие правительственных партий. Любопытно, что европейские выборы стали провальными для социал-демократической партии в большинстве из 13 стран, где были активны этнорегиональные партии.

Следует признать, что для этнорегиональных партий кампании по европейским выборам являются сравнительно более легкими, чем обычные выборы. Выше упоминалось, что количество избирательных округов на выборах в Европарламент является сравнительно небольшим и зачастую совпадает с регионом или страной. Эти партии рекрутируют меньшее число кандидатов и способны сконцентрировать ресурсы кампании на нескольких известных лидерах, создавая весомые основания для общего успеха избирательной кампании.

Этнорегиональные политические партии как потенциальный фактор демократизации общеевропейского политического процесса проявляют себя неоднозначно. С одной стороны, они способствуют формированию (обновлению или возрождению) региональной (реже национальной) идентичности и закреплению в европейском сознании идеи «Европы регионов». Именно они стремятся формулировать и отстаивать специфические региональные интересы. Региональные партии также способствовали политической консолидации и мобилизации регионов, содействуя оформлению региональных политических систем. Наконец, они реально оказывали помощь воплощению в жизнь политики децентрализации во многих странах Европы, что объективно способствовало демократизации национальных политических систем.

С другой стороны, этнорегиональные партии даже в период наивысшего подъема их влияния не смогли выйти за рамки своих изначальных «политических ниш», что не позволило им создать транснациональную сеть, позволяющую эффективно влиять на формирование общеевропейской политики и проводящие ее общеевропейские институты (Европарламент, Совет Европы, Совет министров). Не удалось сформировать и действенную «регионалистскую альтернативу» современной модели европейской интеграции, реализуемой бюрократизирующейся европейской элитой¹⁰.

Таким образом, модель «сетевой» демократии общеевропейского масштаба на основе этнорегиональных партий пока не сложилась, что не позволяет последним компенсировать дефицит демократии, существующий сегодня в европейском сообществе. В то же время представленные сегодня в Европейском парламенте общеевропейские партии, формируемые по ассоциативно-федеративному принципу, на наш взгляд, имеют более ясную политическую перспективу¹¹. Именно они, постепенно расширяя свое влияние на деятельность общеевропейских институтов и на формирование общеевропейского законодательства, как представляется, постепенно сформируют новый демократический механизм европейского управления и представительства интересов, способный гармонично сочетать общеевропейские, национальные и региональные интересы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Lieven De Winter Conclusion: a comparative analysis of the electoral, office and policy success of ethno-regionalist parties // *Regionalist parties in Western Europe*. L., 1999. P. 214.

² См.: Strmiska M. Conceptualisation and typology of European regional parties — a note of methodology // *Stredoevropske politicke studie — Central European Studies Review*. 2003. Vol. 5.

³ См.: Швейцер В. Региональные партии выходят на авансцену // *Совр. Европа*. 2006. № 4. С. 84—93.

⁴ См.: Tursan H. Ethnoregionalist parties as ethnic entrepreneurs // *Regionalist parties in Western Europe*. L., 1999. P. 7.

⁵ См.: Jasmut G. Die politischen Parteien und die europäische Integration. Frankfurt am Main, 1995.

⁶ См.: Attina F. The voting behaviour of the European Parliament Members and problem of the Europarties // *European Journal of Political Research*. 1990. № 17. P. 557.

⁷ См.: von Alleman U. Das Parteiensystem der Bundesrepublik Deutschland, 3 Auflage. Bonn, 2000.

⁸ См.: Papandopoulou T. Politische Parteien auf europäischer Ebene, 1. Auflage. Baden-Baden, 1999.

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: Kluth W. Die demokratische Legitimation der Europäischen Union. Berlin, 1995.

¹¹ См.: Carstens O.-M. Europäische Parteien. Wirkungsvolle Akteure der Demokratie? Marburg: Tectum Verlag, 2009. S. 13—22, 67—81.

Поступила 17.09.10.

И. Н. КУЗЬМИНА

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: электронное правительство, информационные технологии, информационная политика, информационное общество, Интернет, политические коммуникации

Key words: electronic government, information technologies, information police, information society, Internet, political communications

Изобретение в середине XX в. вычислительной техники, появление и широкое распространение персональных компьютеров, создание сетей связи, телекоммуникаций и Интернета открыли новые возможности для передачи информации. Эти изобретения положили начало бурному развитию информационных технологий, внедрению их во все сферы жизни, а также определили последующее развитие всего человечества, обозначив его новый этап развития — информационное общество, общество знания.

Ядром становления информационного общества является развитие Интернета¹, определяющего контуры политической и социальной жизни будущего. Интернет как новое средство массовой коммуникации имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными: мультимедийность, персонализация, интерактивность, отсутствие посредников и др. Благодаря этим особенностям интернет-технологии оказывают значительное влияние на все сферы жизнедеятельности людей, в том числе политическую. Политическая сфера связана с понятием «власть», означающим способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение людей с помощью каких-либо средств: воли, авторитета, права, насилия и др.²

КУЗЬМИНА Инесса Николаевна, аспирант кафедры управления социальными и экологическими системами Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

Что касается политической сферы и развития Интернета, то актуальным является концепт Н. Лумана о том, что власть имеет коммуникативную природу. Без общения, обмена информацией с гражданами она теряется. Основа деятельности власти — отношения с народом. Для любого государственного органа вопрос взаимоотношения с общественностью, гражданами, во благо которых работает эта структура, является основополагающим, т. е. без налаживания коммуникаций с населением, без установления обратной связи власть не может функционировать, адекватно выстраивать свою политику. От того, как власть взаимодействует с обществом, от эффективности их диалога, дискурса зависит устойчивость управленческой системы, определяется ее дальнейшее развитие³.

Для установления и поддержания политических коммуникаций важно развивать информационную политику в качестве наиважнейшего средства развития информационного общества. Выделяют три модели информационной политики: тоталитарную, манипулятивную, диалоговую.

Тоталитарная модель базируется на методе принуждения (давления на психику), при этом объект воздействия (зритель, читатель, слушатель) является пассивным. Это односторонний процесс информационного воздействия, при котором обратной связи от объекта не предвидится, а если и присутствует, то предполагает согласие и одобрение со стороны реципиента. В этом случае доминируют субъект-объектные информационные отношения.

Манипулятивная модель основана на методе внушения. Цель воздействия — манипулировать общественным сознанием на основе подмены реальной информации виртуальной, когда объект воздействия, погруженный в проблемы выживания, не обдумывает свои действия, а просто подчиняется полученному информационному сигналу. Субъект-объектные отношения дополняются субъект-субъектными, которые иллюзорно становятся основными. Хотя в ряде случаев такие технологии достигают позитивного эффекта (например, мобилизационного). Вместе с тем в этой модели большую опасность представляют злоупотребления инсайдерской информацией.

При *диалоговой (дискурсивной) модели* используется метод убеждения. Доминируют равноправные отношения соци-

ального партнерства в информационном пространстве, или субъект-субъектные отношения. Именно эта модель является самой эффективной, демократичной, так как в результате ее применения формируется сознание человека с активной гражданской позицией⁴.

Традиционные СМИ в большей степени ориентируются на монолог, односторонний процесс коммуникации. Получение обратной связи связано с техническими, материальными сложностями, временными затратами. Становление информационного общества, особенно развитие гуманитарной компоненты информационных технологий, Интернета, дает новые возможности для установления дискурса между органами государственной власти и населением, способствующие трансформации политических коммуникаций, а в итоге и демократизации власти.

Информационное взаимодействие органов государственной власти и общества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, Интернета получило устойчивое наименование «электронное правительство» (e-Government). Прямой перевод словосочетания «e-Government» не вполне раскрывает сущность этого явления. Точнее было бы говорить об «электронной инфраструктуре государственного и муниципального управления, включающей в себя технологии интернет-взаимодействия между органами власти, с одной стороны, и гражданами, институтами гражданского общества, бизнес-структурами и общественными объединениями — с другой»⁵.

Выделяются, как правило, три области задач, связанных с реализацией целей электронного правительства, которые направлены на различные сферы взаимоотношений: G2G (government to government) — между различными государственными органами и уровнями государственного управления; G2B (government to business) — между государством и частными компаниями; G2C (government to citizen) — между государственными службами и гражданами. Именно на последнюю сферу взаимоотношений концепция электронного правительства, на наш взгляд, окажет наиболее благотворное влияние, поскольку это является важнейшим каналом демократизации общества.

Процесс становления системы электронного правительства можно условно разделить на три стадии-направления: пуб-

личность, участие и онлайн-транзакции⁶. Каждая из этих стадий характеризуется различным состоянием процессов политической коммуникации.

Публичность предполагает использование новейших коммуникационных технологий для расширения доступа граждан и институтов гражданского общества к интересующей их информации органов государственной власти и местного самоуправления. Это, прежде всего, информационное присутствие в Интернете, создание сайтов органов власти. На этом этапе процесс коммуникации однонаправлен: органы власти информируют население о своих действиях, но при этом не могут узнать реакцию общественности, не имеют обратной связи.

Участие подразумевает расширение возможностей участия граждан в управлении государственными и общественными делами на всех уровнях власти: от подготовки до принятия политических решений. Эта стадия предполагает публикацию на сайтах органов власти контактных адресов, электронной почты, а также форм для обратной связи. Таким образом, население включается в дискуссию и становится субъектом коммуникации. Однако в перспективе субъекты гражданского общества будут реализовывать не только функцию соучастия, но и функцию гражданского контроля.

Онлайн-транзакции предполагают предоставление услуг государственных и муниципальных учреждений через Интернет. Что касается политических коммуникаций, то увеличивается их скорость, а также расширяется перечень вопросов, возможностей для вступления в коммуникацию. Органы власти и общественность взаимодействуют друг с другом на основе технологий электронного правительства, при этом они являются равными субъектами, ведущими диалог.

Коммуникативные процессы можно представить в виде линейной модели, состоящей из пяти звеньев: кто сообщает, что сообщает, по какому каналу, кому сообщает, с каким эффектом. Используя эту модель, информационно-коммуникационный процесс, основанный на технологиях электронного правительства, приобретает следующий вид: органы власти (кто сообщает) передают информацию о своей деятельности, проводимых реформах, происходящих событиях, предоставляют доступ к различным базам данных (законодательные

акты, справочная информация и т. д. (что сообщает)) при помощи информационных технологий, например, сайтов (по какому каналу). Доступ к этой информации есть у населения, различных институтов гражданского общества, коммерческих организаций, СМИ и т. д. (кому сообщает), которые, используя интерактивные сервисы электронного правительства, могут высказать свое мнение о тех или иных изменениях, принять участие в подготовке государственных решений, а органы власти получают обратную связь (с каким эффектом) и в соответствии с полученной информацией корректируют свои действия.

Таким образом, благодаря возможности предоставлять обратную связь, вести диалог с населением использование технологий электронного правительства поднимает на качественно новый уровень взаимодействие государственных структур с гражданским обществом, способствует трансформации политических коммуникаций, совершенствованию демократических процедур. Население становится субъектом коммуникации, а это повышает качество государственного управления.

Реализация концепции электронного правительства в России началась в 2002 г. с принятия ФЦП «Электронная Россия (2002—2010 гг.)». В результате на федеральном уровне обеспечено информационное присутствие в Сети практически всех органов государственной власти. Но в основном речь идет только об информировании населения, а не об организации обратной связи или оказании государственных услуг при помощи Интернета. Реализация программы подверглась резкой критике со стороны руководства страны. Поэтому в настоящее время предпринимаются действия по корректировке действующей программы и разработке новой.

Однако отдельные регионы достигли некоторых успехов в реализации концепции электронного правительства. Премущества использования интернет-технологий для взаимодействия с населением можно проследить на их примере, например, Чувашской Республики, где внедрение концепции электронного правительства началось 15 лет назад в рамках проекта «Инtranет-Чувашия», который заложил основу единого информационного пространства для власти и общества, позволил правительству контактировать с гражданами, СМИ, муниципальными образованияами в режиме онлайн.

В 1996 г. был создан сайт Администрации Президента Чувашской Республики, который положил начало portalу органов власти⁷. В настоящее время портал представляет собой интернет-ресурс, объединяющий более 500 сайтов органов власти всех ветвей и уровней и иных организаций. Ежедневно на портале размещается более тысячи записей: на каждом сайте формируется отраслевая нормативно-правовая база; предоставляются анонсы мероприятий, событий и отчеты об их проведении, отраслевые новости; выставляются проекты для всеобщего обсуждения, итоги деятельности органа власти за отчетный период. С января 2010 г. начал действовать раздел «ВидеонОВОСТИ», посвященный главным событиям республики. Посещаемость портала высокая: в 2009 г. — 2 784,7 тыс. посетителей с количеством посещений 27 147 тыс. (в среднем 232 тыс. посетителей в месяц), а в январе 2010 г. — более 321 тыс. посетителей с количеством посещений 3 192 тыс.

Таким образом, портал органов власти Чувашии является крупнейшим информационным ресурсом региона. Но он выполняет не только функцию информирования общественности, но и предоставляет возможность осуществлять обратную связь руководства республики с населением в режиме онлайн, способствует диалогу власти и общества. Взаимодействие между органами власти, с одной стороны, и гражданами, институтами гражданского общества, бизнес-структурами и общественными объединениями, с другой стороны, осуществляется при помощи специальных разделов на сайтах портала.

С точки зрения установления и поддержания политических коммуникаций, взаимодействия власти и населения можно выделить несколько направлений реализации концепции электронного правительства: информирование, предоставление услуг, организация обратной связи.

Для информирования населения о деятельности органов власти на портале существует ряд разделов: новостная лента (ежедневно размещается около 1 000 записей), видеонОВОСТИ (представлены видеозаписи главных событий), календарь (размещена информация об основных мероприятиях), публикации (статьи федеральных СМИ о республике), законодательство (портал органов власти Чувашии является официальным публикатором нормативно-правовых актов

республики), баннерная зона (формируется в зависимости от актуальности мероприятий).

Кроме вышеперечисленного, в специальных разделах на портале представлена различная информация об истории республики, чувашской диаспоре, динамике развития основных отраслей, показателях социально-экономического развития, а также приводятся справочные данные. Также на сайтах портала представлена структура органов государственной власти, указаны телефоны и электронные адреса должностных лиц.

Все эти разделы обеспечивают открытость органов власти для населения. Но преимуществами новых интернет-технологий могут воспользоваться не все. Это связано с технической оснащенностью граждан, наличием у них соответствующих средств для пользования Сетью. Кроме того, существует еще одна проблема, связанная с медленным освоением новых возможностей массовым сознанием. Поэтому пользователями портала являются узкоспециализированные группы населения. В связи с этим возрастает роль традиционных СМИ как трансляторов информации, связующего звена между властью и населением.

Журналисты СМИ Чувашской Республики используют портал органов власти как информационный ресурс для подготовки материалов, статей, сюжетов. По их словам, на портале представлено много справочных сведений, которые помогают быстро найти цифры, телефон, фамилию или должность нужного человека, справки о районах и городах республики. В новостной ленте содержится самая разнообразная информация, используемая радиостанциями, печатными СМИ, телевизионными журналистами. Кроме того, им не надо обзванивать ежедневно пресс-службы органов власти: вся информация (планы, пресс-релизы по итогам мероприятий) представлена на сайтах. СМИ информируют читателей, слушателей и зрителей практически обо всем. Работникам радиостанций зачастую вообще нет необходимости выезжать на мероприятия, так как информация уже есть, а подробности можно узнать по телефону. Таким образом, информация, представленная на сайтах портала, доводится до населения.

Для повышения доверия населения к власти концепция электронного правительства предусматривает оказание го-

сударственных услуг в электронном виде. Первоначально в Чувашии на портале был создан раздел «Сервисы», в котором размещались сведения об услугах органов государственной власти и местного самоуправления, формы документов. С января 2010 г. в тестовом режиме начал работать портал государственных и муниципальных услуг Чувашской Республики⁸. Однако в настоящее время портал выполняет только информационную функцию.

Более успешно в Чувашии развивается организация обратной связи при помощи технологий электронного правительства. Значительная часть коммуникаций власти с населением осуществляется при помощи раздела «Гостевая книга», который первоначально создавался для того, чтобы посетители портала высказывали свои мнения, замечания по поводу содержания, оформления сайта, вносили предложения по его улучшению. Но постепенно он трансформировался в интерактивную общественную приемную, в которой граждане задают вопросы, обращаются со своими проблемами непосредственно к органам власти, высказывают мнения, вносят предложения по поводу политики, проводимой руководством республики, а также принимаемым управленческими решениями, основным направлением развития республики. Так, принятие руководством республики решений по строительству дорог до сельских населенных пунктов, развитию улично-дорожной сети городских округов вызвало немедленную реакцию посетителей сайтов портала: в гостевых книгах появились вопросы по принимаемым мерам, рекомендации, просьбы сельских жителей о включении их поселений в программу, а также предложения по совершенствованию дорожного обеспечения. В дискуссии были задействованы жители городов, сел, республики и других регионов. Активно работать с такого рода обращениями стали с 2007 г. В результате количество записей в гостевых книгах существенно возросло. Гостевая книга также используется для проведения тематических интернет-конференций, в ходе которых органы власти в режиме онлайн принимают предложения, отвечают на вопросы граждан, дают разъяснения по наиболее волнующим проблемам.

С 2007 г. в связи с увеличением количества обращений граждан через гостевую книгу на всех сайтах портала начал действовать раздел «Обращения граждан». В разделе

разъяснен порядок обращения граждан в органы власти, представлен график приема населения должностными лицами, дан обзор обращений граждан, указаны координаты приемных органов власти и адреса электронной почты. Кроме того, на отдельных сайтах органов власти созданы интерактивные общественные приемные.

Еще один раздел портала, созданный для получения обратной связи, — форум «Мое мнение», предназначенный для обсуждения наиболее актуальных тем, важных решений, принимаемых руководством республики, а также для внесения предложений по разработке нормативно-правовых актов. Так, в марте 2008 г. состоялось обсуждение проекта «Стратегии развития образования в Чувашской Республике до 2040 года». Ход обсуждения проекта Стратегии транслировался в режиме онлайн на портале органов власти республики. Жителям республики и гражданам, проживающим за пределами Чувашии, была предоставлена возможность внести предложения к проекту Стратегии в форуме «Мое мнение», а также в гостевой книге.

Для того чтобы пользователи принимали участие в подготовке программных документов, активно используется баннерная зона портала. Примером этому может служить подготовка Послания Президента Чувашии, с которым он ежегодно обращается к Государственному Совету республики. Для этого на сайтах размещался баннер «К Посланию Президента Чувашии Государственному Совету Чувашии». В нем представлены все необходимые координаты, в том числе адреса электронной почты, по которым граждане могут направить свои предложения. Регулярно на сайтах ведется баннер по проводимому властями так называемому «Единому информационному дню», где размещаются ответы на вопросы граждан, поступающие в ходе этого мероприятия. Ответы на наиболее часто задаваемые вопросы представлены также в разделах «Вопросы и ответы», «Прямая линия» и новостной ленте. Кроме вышперечисленного, узнать общественное мнение позволяет имеющаяся на портале система голосования.

Результаты мониторинга всех разделов дают возможность органам власти принимать управленческие решения, выявлять проблемы, проводить соответствующую информационную политику. Но в республике еще не в полной мере

используются возможности информационных технологий для взаимодействия с населением, так как внедрение в органы государственного управления интернет-технологий — сложный процесс, обусловленный рядом факторов. Для воплощения в жизнь идей электронного правительства необходимо учитывать множество составляющих: политическую волю и усилия руководства республики; сложнейшие экономические, социальные, правовые проблемы, возникающие при внедрении информационных технологий, и т. п. Кроме того, внедрение новшеств связано со сложившимися традициями развития общества. Однако особо следует подчеркнуть, что для эффективной реализации концепции электронного правительства необходимо изменить общественное сознание и общественную психологию, подготовить население к использованию новых технологий взаимодействия с властью. Иначе возникнут новые угрозы: цифровое неравенство, формирование новой элиты, внедрение новшеств приведут к прямо противоположным результатам. Между властью и народом вырастет «стена из компьютеров».

Таким образом, развитие информационных технологий, Интернета и создание электронного правительства являются важнейшими этапами демократизации российского общества. Но при внедрении этих разработок необходимо учитывать несколько факторов. С одной стороны, важно достичь понимания населением эффективности внедрения технологий электронного правительства, а для этого нужно организовать информационное сопровождение внедрения инструментов электронного правительства, реализовать меры по разъяснению особенностей реформы, их преимуществ, вести мониторинг общественного мнения⁹. С другой стороны очевидно, что электронное правительство будет тем, чем его сделает власть. Если руководители страны опираются в своей деятельности на демократические принципы, стремятся внедрить их во все сферы деятельности общества, обеспечивают граждан соответствующими свободами, то и власть посредством внедрения информационных технологий в государственное управление будет демократизироваться, народ станет равноправным партнером в управлении страной. Но если органы власти не будут заинтересованы в демократизации, то и электронное правительство превратится в закрытую структуру, отражающую недемократическую

систему управления, создающую видимость демократии. Для «развития народной демократии» в России, создания «демократической парадигмы власти» важно использовать «информационные ресурсы» на уровне государства, элиты, интеллигенции, государственной службы, медиасообщества, а главное, гражданского общества¹⁰. Для этого важно, чтобы у всех этих субъектов появилась востребованность в научных разработках по проблемам информационной политики¹¹, в области социальной информатологии, информационной теории и практики управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М.: Издат. дом «Парад», 2005. С. 28.

² См.: Социальная информатология: словарь / сост. Л.И. Мухамедова / под общ. ред. В.Д. Попова. Изд-е второе. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 15.

³ См.: Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.

⁴ См.: Попов В.Д. Информационные процессы в обществе и модели управления ими // Управление общественными отношениями: учебник. М., 2005. С. 34—37.

⁵ Ирхин Ю.В. Возможности и пределы «электронного правительства» (на примере Великобритании и России) // Соц.-гуманит. знания. 2005. № 6. С. 16.

⁶ См.: Демпси Дж. Электронное правительство и его выгоды для широких масс // Государственное управление в переходных экономиках: ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» // Институт открытого общества. 2003. С. 24.

⁷ См.: Портал органов власти Чувашской Республики. URL: <http://www.sar.ru> (дата обращения: 13.05.2010).

⁸ См.: Портал государственных услуг Чувашской Республики. URL: <http://www.gosuslugi.sar.ru> (дата обращения: 14.05.2010).

⁹ См.: Попов В.Д. Социальная информатология и журналистика: учеб. пособие. М.: Изд-во РАГС, 2007. С. 73—84.

¹⁰ См.: Его же. Полет птицы Феникс (историко-коммуникативный анализ систем власти). М., 2007. 252 с.

¹¹ См.: Его же. Информация: как открывается ящик Пандоры (информация в системе управления). М.: Изд-во РАГС, 2009. 110 с.

Поступила 16.06.10.

А. В. ЛОГИНОВ

А. М. МАГДЕЕВ

ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: политический менталитет, региональная идентичность, политический процесс, политические традиции, культурные архетипы, патернализм, политический порядок, устойчивость власти

Key words: political mentality, regional identity, political process, political traditions, cultural antitype, paternalism, political order, state power sustainability

Динамический аспект современного политического процесса в России во многом обусловлен условиями «почвы»: архетипами российской ментальности и особенностями региональной идентичности. В связи с этим наиболее интересны труды по регионализму, культурно-исторической и цивилизационной геополитике¹, территориальной и национальной идентичности². По справедливому замечанию Д. Н. Замятина, главное в понятии «региональная идентичность» — это «обнаружить прочные и тесные связи, укореняющие местные

ЛОГИНОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета, кандидат политических наук.

МАГДЕЕВ Альберт Мокадьясович, доцент кафедры регионоведения и политологии Мордовского государственного университета.

сообщества и отдельных людей, показать процедуры самоидентификации, в которых образ региона может представлять как образы людей, населяющих и осваивающих эту территорию»³.

Политический менталитет предполагает активное восприятие окружающей действительности на уровне отдельной социальной общности и ее субъектов. Политический менталитет связан с опытом, повседневной жизнью и включает в себя представления о политической реальности, ценностные ориентации, политические установки, поведенческие стереотипы реагирования на конкретную политическую ситуацию.

Г. Лебон указывает на психологические особенности людей, проживающих в том или ином типе общества. По его словам, самым большим впечатлением от его многочисленных путешествий стало знание о том, что «каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и искусства»⁴. Душа народа, по Лебону, представляет собой совокупность моральных и интеллектуальных особенностей каждого народа. Это «синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины поведения»⁵. Он подчеркивает, что эти качества могут варьироваться у представителей одной и той же расы, но при этом большинству представителей того или иного общества принадлежит определенное количество общих психологических особенностей. Каждый народ под влиянием этих общих качеств формирует свой стиль общения. Характер общественных отношений тоже складывается веками и поэтому является практически неизменным. «Только на внешний взгляд народ круто меняет свой язык, свой государственный строй, свои верования, свое искусство. Для того чтобы произвести подобные перемены в действительности, нужно изменить его душу»⁶.

Как писал Н. А. Бердяев, «в душе русского народа остался сильный природный элемент, связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских „природа“, стихийная сила, сильнее, чем у западных людей. <...> Элемент природно-языческий вошел и в русское христианство. В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента — первобытное, природное язычество,

стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру»⁷.

Есть и другие показатели, но все они сводятся к одному: «Россия представляет собой континентальную страну с трудно осваиваемыми территориями, суровым климатом, ограниченным доступом к благоприятным океаническим зонам с их дешевыми транспортными артериями, имеет огромную протяженность, которая, с одной стороны, предоставляет необъятные запасы ресурсов, но, с другой стороны, затрудняет их транспортировку. Несмотря на все оговорки, следует признать, что в контексте с исторически складывавшимся менталитетом данная географическая среда, приводившая к непредсказуемости результатов труда, явилась существенным фактором, повлиявшим на формирование русского характера»⁸.

На взаимосвязь ландшафтных условий и традиций общества обращает внимание О. Шпенглер: «Раса имеет корни. Раса и ландшафт едины. Где растение коренится, там оно и умирает. Можно, пожалуй, задавать вопрос о „родине“ расы, однако надо знать, что там, где ее родина, там раса со своими вполне определенными чертами тела и души и остается. Если мы ее там не обнаруживаем, ее больше нет вообще нигде. Раса не переселяется. Люди переходят с места на место; последующие их поколения рождаются тогда в постоянно меняющихся ландшафтах; ландшафт приобретает тайную силу над растительным в их существе, и наконец выражение расы радикально меняется: старое угасает и является новым. То не англичане и немцы выехали в Америку, но люди эти отправились туда как англичане и немцы; и теперь их правнуки пребывают там как янки, ведь давно уже ни для кого не секрет, что индейская почва оказала свое на них воздействие: из поколения в поколение они делаются все более похожими на искорененное население»⁹.

Д. Н. Замятин обращает внимание на процесс миграционной «подвижности» географических образов территории: «Во-первых, сам образ может расширяться, включая элементы географических реалий соседних территорий — в результате формируется новый, более яркий и мощный образ. Во-вторых, географические образы территории могут перемещаться

со своими носителями, трансформируясь по ходу миграции и влияя на траекторию миграции. Так, украинцы, переселяясь в конце XIX — начале XX вв. на Дальний Восток, стремились осваивать территории, близкие по ландшафтным характеристикам территориям их выселения. Переносились также стереотипы пространственного поведения, отношение к ландшафту, которые по мере освоения новой территории все же изменялись»¹⁰.

Эти условия почвы и расы, о которых говорил О. Шпенглер, на наш взгляд, многое объясняют в процессе заимствования различных зарубежных моделей государственности и адаптации последних к российским условиям. Везде влияние почвы настолько велико, что все реформаторские порывы, в какую бы сторону они не были ориентированы (на Запад или на Восток), неизбежно будут подвержены влиянию «расы и ландшафта».

В чем же особенность российской «почвы»? В. И. Пантин и В. В. Лапкин справедливо отмечают, что, несмотря на чередование реформ и контрреформ, «можно выявить и инварианты движения в чередующейся последовательности реформ и контрреформ: сохраняющийся, несмотря на все изменения, самодержавный характер власти и собственности, преобладание государственного патернализма и т. д.»¹¹. На наш взгляд, это «естественное ограничение почвы» многое объясняет. Российские реформаторы рано или поздно сталкиваются с нередкими случаями инерции этнической традиции по отношению к заимствованным реформаторским моделям.

Следуя общей логике, что ландшафт диктует условия дальнейшего развития «расы» и в той или иной степени определяет региональную идентичность, нам, для более глубокого понимания социально-политических процессов, необходимо выяснить, какие ресурсы и ограничения несет в себе ландшафт России. Географические особенности России таковы, что в ней преобладают водные и лесные ресурсы¹². Поэтому независимо от цикла развития в России всегда преобладают две подструктуры: «вода» и «дерево». Они в совокупности формируют стартовые условия или, точнее, «генетический образ российской почвы».

Важнейшая особенность российской «почвы» заключается в уникальном характере взаимосвязи народа и элиты.

В России всегда существует запрос на харизматических лидеров, ориентирующихся на установление духовной, эмоциональной связи с народом. С этим, в частности, связаны и ментальные основы российского общества, коренящиеся в глубине народной стихии. В связи с этим Н. А. Бердяев указывал на «противоречивость, двойственность и иррационализм „русской души“» — поразительный симбиоз анархизма и этатизма, готовности отдать жизнь за свободу и неслыханного шовинизма и интернационализма, гуманизма и жестокости, аскетизма и гедонизма, «ангельской святости» и «зверской низости».

Условия российской «почвы», накопленный исторический опыт народов, населяющих Россию, сформировали традиции, характерные для российской действительности. Одной из них является традиция политического централизма. Отмечается решающая роль нескольких факторов специфичности отечественной истории, организации экономической и социальной жизни, национальной культуры и менталитета: рассредоточение населения на огромных пространствах и изначально слабые связи между территориальными общностями, исключительная значимость борьбы за выживание в условиях сурового северного климата, а также (это самое важное) многовековой процесс собирания земель, т. е. экстенсивный рост на протяжении примерно шестисот лет. Постоянная территориальная экспансия требовала государственности в форме самовластия и милитаризации страны и огромного напряжения народных сил. Традиция политического централизма была присуща светской и церковной власти и во многом была обусловлена борьбой против раздробленности, за независимость Российского государства.

В разные периоды политическая стабильность в России либо отсутствовала, либо была кратковременной. Поэтому реформы, рассчитанные на отдаленную перспективу (например, аграрная реформа, провозглашенная П. А. Столыпиным, и др.), были незавершенными. Стабильность оставалась для российской власти ценностью, которую не удавалось сохранять долго. Когда она достигалась в условиях централизации, то тут же становилась для правящей элиты «вещью в себе», которую надо сохранить во что бы то ни стало. В этот спокойный и самодостаточный период правящей элитой, как правило, практически не осуществлялось

никаких вложений в развитие экономики и социальной сферы. В результате политического застоя, излишней приверженности к централизму часто складывалась ситуация, которая приводила к тому, что каждая эпоха увеличивала бюрократизацию государства.

Б. А. Исаев и Н. А. Баранов отмечают, что «для российского политического менталитета характерным является культ государственной власти, преклонение перед ней как воплощением силы и господства. Такая фетишизация государственной власти порождает этатизм, причем не в западном, а, скорее, в восточном смысле. Этатизм основывается на том, что российское государство, наделяющееся сверхъестественными свойствами, рационально воспринимается как создатель российской действительности»¹³.

В целом мы разделяем приведенное выше мнение, однако полагаем, что абсолютизировать это политическое явление применительно к российскому обществу не совсем верно. Исторический опыт других государств (в том числе европейских) также свидетельствует о наличии хотя бы частичного запроса общества на этатизм и патернализм. Практика европейских государств — наиболее яркое тому подтверждение.

Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «власть — не политическая, государственная или экономическая, а Власть как метафизическое явление. Власть вообще. Она рушилась всякий раз, когда приобретала слишком много государственных, политических или классовых черт. Она рушилась и рушила все вокруг себя, как только начинала преобразовывать русскую реальность на несоответствующий этой реальности западный манер — буржуазный или антибуржуазный»¹⁴. По их мнению, такие властные отношения — результат влияния ордынского господства на Русь. Именно Орда принесла на Русь принцип «Власть — все, население — ничто». Власть — единственно значимый социальный субъект. Получается, что ордынское нашествие как бы изменило национальный генетический код с европейского на какой-то иной¹⁵.

Б. Б. Виноградский, обращаясь к вопросу об устойчивости власти, излагает одну из малораспространенных в России

версий: «Власть — это некая божественная эманация, которую проводит Правитель, которая распределяется в пространстве и разносится на людей. Власть нужно удерживать удержанием состояния. Такова базовая концепция. Когда персонажи начинают терять власть, то, следовательно, власть начинает уходить, ее начинают растаскивать. Так начинается разрушение страны.

Мы являемся свидетелями и участниками того, как этот процесс происходит в нашей стране. То есть, с одной стороны, делаются какие-то большие усилия, достаточно много лет периодически появляются какие-то персонажи, а в конечном итоге все сводится к тому, что кто-то держит какие-то кресла и куски власти, которая перетаскивается каждым на свою сторону.

В России существует множество точек зрения, есть большое количество людей стратегически мыслящих. Но почти не встречается людей, системно понимающих от начала до конца, что такое власть, каким образом она структурирует страну, что такое страна, каким образом она живет в каждом человеке, что такое человек, каким образом он живет в стране. Эти перекрестные связи и ссылки, которые создают социальные равенства, очень сильно разрушены»¹⁶.

Еще одной характеристикой российского политического менталитета является отождествление государства с большой семьей. Отсюда вытекают понимание общенародного единства как духовного родства и стремление заменить бездушные правовые нормы нравственными ценностями. В российском политическом менталитете государственная власть ставится выше закона. В силу недостаточной систематизации формируется политическая установка, ориентированная на неверие в закон в качестве воплощения справедливости и средства борьбы со злом. Большинство населения, понимая необходимость неких общих правил, готово соблюдать законы, но только при условии соблюдения законов представителями власти.

В силу дефицита стабильности базовой ценностью политического менталитета россиян выступает порядок. В связи с этим большинство граждан чувствует себя комфортно лишь в ситуации определенности, где существуют конкретные предписания, что и как делать. Ситуация неопределенности, где «разрешено все, что не запрещено законом»,

допускается свобода выбора и действий, раздражает. Такая ситуация оценивается в российском обществе как «непорядок». В российском обществе эти предписания наделяются еще и политическим смыслом: тот или иной способ жизнедеятельности должен быть разрешен «сверху» инструкциями, стандартами, законами. Социально-политические предписания должны касаться всех сторон жизни человека, и чем больше предписаний, шире сфера их деятельности и, соответственно, меньше свободы выбора, тем больше порядка в обществе. Поэтому в российском менталитете социальный порядок неразрывно связывается с государством, роль которого состоит в упорядочении всех общественных отношений¹⁷. В то же время часто складывается ситуация, когда власть, принимая законы, не требует от общества их исполнения, а народ в свою очередь не требует от власти исполнения даваемых ему обещаний.

Одной из составляющих российской региональной идентичности является патернализм. В современной трактовке патернализм понимается как доктрина и деятельность с позиций «отеческой заботы» по отношению к слоям и группам, менее защищенным в социальном и экономическом отношении. Корни патерналистской традиции в русской культуре, в том числе и политической, находятся в историческом прошлом¹⁸. Основой традиционной культуры, важнейшей социальной ячейкой аграрного общества была патриархальная семья. Обусловленные природно-климатическими условиями патерналистские черты закрепились в русской крестьянской культуре. Православие осватило эти отношения авторитетом церкви. Таким образом, патернализм стал аксиомой, культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре. На эту типологическую черту российского общества было обращено внимание исторической мысли еще в XIX в., начиная с известного утверждения Н. М. Карамзина о том, что в России самодержавное правление есть отеческое правление.

Во многих работах А. Л. Янова с опорой на реальные данные об определенных этапах постордынской истории Руси — России (времен, например, Ивана III) обосновывается идея о борьбе в русской политической истории двух традиций — европейской и патерналистской. Он пишет: «Упустите хоть на минуту из виду этот роковой дуализм

русской политической традиции, и вы просто не сможете объяснить внезапный и насильственный сдвиг цивилизационной парадигмы России от европейской, заданной ей в 1480-е Иваном III Великим, к патерналистской — после самодержавной революции Грозного царя в 1560-е (в результате которой страна, совсем как в 1917-м, неожиданно утратила не только свой традиционный политический курс, но и саму европейскую идентичность). Не сможете вы объяснить и то, что произошло полтора столетия спустя. А именно столь же катастрофический и насильственный обратный сдвиг к европейской парадигме при Петре. <...> И все лишь затем, чтоб еще через два столетия настиг ее новый гигантский взмах исторического „маятника”, и она, по сути, вернулась в 1917 г. к парадигме Грозного, опять утратив европейскую идентичность. А потом всего лишь три поколения спустя новый взмах „маятника” в 1991-м. Как объясните вы эту странную динамику русской истории, не допустив, что работают в ней две противоположные традиции?»¹⁹.

Патернализм как поведенческий стереотип пронизывал политическую культуру образованного общества. Естественно, что его проявления обозначались понятиями, соответствующими времени. Наиболее распространенными словами, отражавшими разные стороны патернализма, были «попечение» и «покровительство», а также производные от них. Патернализм как базисное основание в Российской империи реализовывался в категориях заботливости, надзора, поощрения, защиты, благотворения, вспомоществования, пожертвования, облегчения, благоснисхождения, дарения.

История советского периода подтверждает устойчивость сформировавшихся патерналистских традиций. Партийные органы осуществляли функции опеки, надзирая, поощряя и наказывая граждан, руководствуясь нормами морального кодекса строителя коммунизма.

Б. А. Исаев и Н. А. Баранов справедливо отмечают, что актуальность проблем патернализма подтверждается и событиями наших дней, когда сложившаяся в постсоветский период ситуация продемонстрировала потребность народа в опеке со стороны государства, в гарантиях социальной помощи и защиты, которые рассматривает как нечто априорное, как обязательную функцию власти. Патерналистские традиции можно отнести к «коллективно бессознательному»,

т. е. архетипу культуры, усвоенному человеком в процессе социализации, который управляет его поведением на уровне подсознания²⁰.

В то же время существует мнение, что современный российский патернализм во многом имеет вынужденный характер: в силу отсутствия у людей «запаса прочности» они вынуждены опираться на государство. Поэтому фактический отказ государства от своих социальных обязательств или их передача на региональный и местный уровень без адекватного финансового обеспечения обычно расценивается российским обществом как нарушение сложившегося архетипа. Часто это приводит к очередному всплеску протестных настроений, как, например, монетизация льгот (январь 2005 г.).

Одной из характеристик российского менталитета является отсутствующая или слабовыраженная политическая преемственность у кругов, приходивших к власти. Каждая политическая власть нередко начинала утверждать себя с отрицания прошлого политического опыта, развенчивая предыдущие политические правления.

Элита на разных этапах истории российского государства порождала многочисленные национальные идеи, инициативы, реформы. Российская власть чрезвычайно богата всевозможными лидерами, идеями, но возможность планомерной реализации последних ограничена преимущественно кризисным развитием политического процесса, недостатком времени или реформаторской энергии инициаторов реформ. Российские реформаторы очень быстро увлекаются всевозможными идеями, заимствованиями, часто увлекают ими народ, но их политической энергии хватает лишь на удержание власти и самопиар. Поэтому поведение лидеров очень похоже на стратегию временщиков, не склонных завершать, доводить начатое до конца.

На практике 1990-х гг. многие российские реформаторы открыли для себя закономерность: реформы социальной сферы должны иметь эволюционно-реформистский характер, поскольку процесс освоения населением новых стандартов потребления, адаптации к новой социальной действительности в условиях доминирования среди населения преимущественно патерналистских ожиданий всегда требует достаточно продолжительного времени. Как правило, наши реформаторы не располагают столь ценным ресурсом, каким

является время, ведь в любой момент могут измениться и экономическая, и политическая составляющие всего процесса реформирования.

Такая особенность проявляется не только на государственном, но и на институциональном уровне. Быстрая смена состава кабинета министров в России определяет на протяжении всего постсоветского времени фрагментарность, непостоянство, частую смену социальных приоритетов в процессе реформирования. Этим в числе прочего, на наш взгляд, и объясняются очевидная непродуманность и предпочтительное следование революционной модели в процессе социального реформирования. Предпочтительно революционный характер политического развития объясняется, как мы полагаем, не только ярко выраженной экспансивностью российских лидеров, но и незнанием ими циклических законов, их частыми нарушениями. Если исходить из революционности политического процесса, то для элиты характерна ориентация на быстрые, благоприятные перемены в обществе. Эта ментальная особенность также во многом определяется условиями российской «почвы».

Взаимосвязь особенностей климата, трудовой деятельности и национальных традиций была отмечена еще В. О. Ключевским. «В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днем, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убрать с поля. <...> Так, великоросс приучился к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время; но нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии»²¹.

Идея большого скачка, начиная от Петра I, не покидала ни декабристов, ни народников, ни большевиков. Не покидает она и современных рыночников. В. И. Пантин объясняет такую закономерность тем, что «в периоды повышательных волн

наше отставание от стран с развитой рыночной экономикой становится не только весьма ощутимым, но и прямо угрожающим существованию России. Отсюда вынужденные, чаще всего неподготовленные, но неизбежные реформы, которые начинают новый виток российской модернизации»²². Идейная одержимость российской элиты на цикле «реализации идей» приводит к упрощению (примитивизации) проблемного поля, примитивной интерпретации сложных социальных проблем. Акцент элитами делается на скорости проводимых реформ и часто в ущерб их качеству.

Для политического сознания россиян характерна ярко выраженная персонализация политической жизни: установки, симпатии и антипатии россиян ориентированы, скорее, на личности конкретных политиков, чем на политико-идеологические программы. Исторически почти все российские политические партии, организации, движения формировались вокруг известных личностей, получивших популярность на экономическом, общественном или политическом поприще благодаря своим личным качествам, связям, выступлениям на публичных встречах, в СМИ и т. д. Большинство политических партий в России — это партии вождистского типа.

Для современной России также характерен слабый уровень демократизации. Дело, видимо, в недостаточно высокой адаптированности образа «демократия» в российских условиях. В этом отношении Д. Н. Замятин справедливо отмечает, что, например, «империя — это максимально мощный пространственный образ. А образ демократии никак не конвертируется в образ империи, хотя иногда пытаются это сделать: либеральная империя, технологическая империя. <...> Здесь всегда есть зазор. И зазор этот как раз образно-географический. Ведь демократия по своему происхождению — древнегреческий термин. А что это такое? Маленький полис, городок с близкой округой. Изначальный образ демократии не содержит мощных образов бескрайних пространств. Демократия — это точечная вещь. <...> И, может быть, это причина того, что демократия остается локальной. Пытаясь ее насадить то ли в Ираке, то ли в Таиланде, то ли в России, все время получают какие-то нестыковки»²³. В силу чрезвычайно слабой географической и ментальной адаптивности этого образа процесс демократизации в России носит преимущественно имитационный характер.

Еще одна особенность политического сознания — одержимость внешними идеями, заимствованиями и вечный спор между «западниками» и «славянофилами», поэтому Россия в идейном плане является очень нестабильной страной. Идейное наполнение реформ в России происходит за счет всевозможных идейных заимствований из стабильных социальных систем и экономик, выступающих в качестве референтных для правящей элиты. Поэтому и модель социальной политики, как правило, формируется по принципу «кто из ведущих стран оказывает доминирующее влияние на новых лидеров, социальную модель того государства они и заимствуют». Освоение социальных заимствований, не имеющих прочной исторической и ментальной основы, осуществляется в режиме политических имитаций.

Все эти «условия почвы» часто не дают никаких оснований для оптимистических сценариев становления в России подлинно социального государства. При существующем раскладе в России скорее возможно становление модели декларативного социального государства. Этот процесс модернизации нередко представляет собой имитацию «результата», но далеко не «алгоритма». Практические результаты от такой модернизации вовсе не велики, хотя пропагандистски преподносятся как достаточно значимые. Поэтому результат социальной модернизации, как правило, не может служить залогом политической устойчивости (в стратегическом плане), но может выступать довольно значимым фактором политической стабильности (в тактическом аспекте).

В связи с вышесказанным одно из центральных условий успешного реформирования заключается в том, что любые кардинальные перемены общественной жизни становятся реальностью, если учитывается существующая ценностно-мотивационная область допустимых изменений. Добиться этого сложно, так как мотивационному обеспечению реформ противодействует, с одной стороны, сложившийся баланс интересов индивидов и социальных групп, с другой — сформировавшиеся стереотипы общественного сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5—6; Цымбурский В.Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и геополитика. М., 2000. С. 35—49.

² См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. 224 с.

³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М., 2006. С. 36.

⁴ Лебон Г. Психология народов и масс // Западно-европейская социология XIX — начала XX в. / под ред. В.И. Добренъкова. М., 1996. С. 98.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Там же. С. 113.

⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 8.

⁸ Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ. М., 2006. С. 52.

⁹ Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 121.

¹⁰ Замятин Д.Н. Культура и пространство ... С. 115.

¹¹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006. С. 123.

¹² См.: Государственный национальный доклад «О состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2009 г.».

¹³ Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2008. С. 317.

¹⁴ Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы: альм. М., 1999. С. 188—189.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Виноградский Б.Б. О четырех великих романах Поднебесной: «Троецарствие», «Сон в Красном Тереме», «Путешествие на Запад», «Речные заводы» — их особенности и свойства. URL: http://www.bronislav.ru/radio/006_2008_11_07.mp3 (дата обращения: 15.09.2010).

¹⁷ См.: Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс ... С. 317.

¹⁸ См.: Ермоленко Т.Ф. Патернализм в политической культуре России // Российская историческая политология. Курс лекций: учеб. пособие / отв. ред. С.А. Кислицын. Ростов н/Д, 1998. С. 223.

¹⁹ Янов А.Л. Россия: у истоков трагедии. 1462—1584. М., 2001. 559 с.

²⁰ См.: Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс ... С. 329—330.

²¹ Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций // В.О. Ключевский. Соч.: в 8 т. М., 1956—1959. Т. 1. С. 313—314.

²² Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004. С. 209.

²³ Цит. по: Ваганов А.Г. Воля к воображению пространства // НГ-Наука. 2008. 28 мая.

Поступила 17.09.10.

Д. В. ЕРМОЛАЕВ

**ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА**

Ключевые слова: эффективность, развитие региона, социально-экономический рост

Key words: efficiency, development of the region, social and economic growth

Белгородская область располагает мощным производственным, интеллектуальным, природным потенциалом, необходимым для обеспечения эффективного функционирования экономической системы региона, динамичного развития всех отраслей его народного хозяйства, повышения благосостояния граждан. Приоритетными направлениями социально-экономического развития Белгородской области стали ориентация отраслей народного хозяйства на современные наукоемкие технологии и преодоление высокой материало-, энерго- и фондоемкости производств; укрепление позиций экономики региона и продвижение на внутренние и внешние рынки наукоемкой продукции; создание эффективного, конкурентоспособного индустриального сельскохозяйственного производства; развитие конкурентоспособного научно-технологического и образовательного комплекса; инновационное развитие человеческого потенциала и качества жизни граждан.

Экономическая ситуация в области в последние годы складывалась в основном под влиянием факторов, способствующих росту макроэкономических показателей, центральным из которых является валовой региональный продукт (ВРП). По данным Белгородстата и Департамента экономразвития области (ДЭП), в 2008 г. объем ВРП составил 302,9 млрд руб., в 2009 г. — 306,1 млрд руб., что превысило на 1,5 % уровень 2008 г. С 2008 г. область занимает 1-е место по уровню ВРП среди регионов Центрального федерального

ЕРМОЛАЕВ Денис Витальевич, аспирант кафедры мировой и национальной экономики Юго-Западного государственного университета (г. Курск).

округа (ЦФО). Москва как город федерального значения и Московская область как транзитный, примыкающий к мегаполису регион имеют особый статус, поэтому мы не рассматривали эти два субъекта ЦФО ввиду несовместимости данных. С 2000 по 2009 г. ВРП области в основных сопоставимых ценах увеличился в 2,02 раза, а по прогнозу ДЭП темп роста за 2000—2012 гг. составит 223,1 %¹.

К одному из важнейших показателей, характеризующих развитие экономики области, относится показатель ВРП в расчете на душу населения. По этому показателю среди регионов РФ Белгородская область переместилась с 36-го места в 1998 г. (12 242,8 руб./чел.) на 29-е в 2006 г. (209,624 тыс. руб./чел.)². Ведущими секторами экономической деятельности, обеспечивающими объем ВРП Белгородской области, являются промышленность, сельское хозяйство, оптовая и розничная торговля, строительство, транспорт и связь.

Темпы роста объема производства промышленной продукции в Белгородской области, начиная с 2002 г., были выше, чем в целом по России (за исключением 2003 и 2004 гг.). Индекс промышленного производства Белгородской области за 2005—2009 гг. вырос в 1,6 раза, в то время как в РФ — в 1,4 раза. В среднем прирост объема производства за этот период составлял по области 10,1 % в год при 6,3 % по России и 12,1 % по ЦФО.

Наметившиеся положительные тенденции в социально-экономической ситуации в стране, а также проводимая правительством области промышленная политика способствовали не только стабилизации, но и развитию промышленного производства области. В результате принимаемых мер на протяжении ряда лет наблюдаются положительные структурные сдвиги: снижение доли вида экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых» и увеличение доли обрабатывающих производств. Только за 2007—2009 гг. удельный вес добычи полезных ископаемых в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами снизился на 4,3 %, в то время как его абсолютное значение увеличилось на 16,5 млрд руб. (в 1,4 раза).

Следует отметить, что пока недостаточно разработанными остаются вопросы эффективного решения отраслевых и региональных проблем. Результатом этого являются сложившиеся территориальные и отраслевые диспропорции, депрессив-

ность экономического положения некоторых муниципальных районов области при перенасыщенности промышленностью и экологической перегрузке в других районах. Сложившаяся ситуация в народном хозяйстве Белгородской области существенно снижает эффективность функционирования ее экономики. Структуры государственного управления региона должны уделять больше внимания обеспечению эффективного сочетания территориального и отраслевого принципов управления экономикой для выравнивания социально-экономического развития районов, внедрять системный подход к решению этой проблемы.

Благодаря достигнутой за последние годы стабильности развития экономики и социальной сферы Белгородская область имеет возможность ставить перед собой амбициозные стратегические цели. В то же время она стоит перед необходимостью преодоления ряда долговременных системных вызовов, создающих риски и проблемы. Они обусловлены внешними для региона и страны факторами и внутренними ограничениями³.

Глобализация российской экономики. В условиях интеграции России и Белгородской области в глобальные экономические системы экономика области подвержена воздействию мирового кризиса. Его следствие — развитие кризиса производства, сопровождаемого снижением сырьевых цен и замедлением темпов роста мировой экономики в 2009—2010 гг., в сочетании с высокими темпами роста инфляции.

Зависимость экономики области от конъюнктуры рынков и цен на сырье и продукцию. Экономика области в значительной степени зависит от внешних факторов: конъюнктуры рынков и цен на железорудное сырье и черные металлы, сельскохозяйственное сырье и продукты питания; размеров транспортных тарифов, цен и тарифов на топливно-энергетические ресурсы. Региону существенно недостает собственных источников генерации электрической энергии. В этих условиях приоритетными для региона становятся дальнейшая диверсификация экономики в целях снижения доли черной металлургии, интенсивное развитие конкурентоспособного сельскохозяйственного производства, ускоренное внедрение энергосберегающих технологий.

Технологическое отставание влечет за собой низкие показатели производительности труда и оборудования, высокие удельные расходы материальных ресурсов, устаревшие техно-

логии производства. Это ведет к утрате конкурентоспособности экономики региона и продукции белгородских предприятий. Производственно-технологическая база требует постоянной модернизации, основанной на использовании новейших достижений науки и технологий последнего поколения.

Инфраструктурные и институциональные ограничения сдерживают развитие бизнеса. Для минимизации этого риска в Белгородской области необходимо существенно наращивать объемы строительства и реконструкции объектов транспортной и инженерной инфраструктуры не только за счет увеличения бюджетных ассигнований, но и путем привлечения внебюджетных средств на основе развития государственно-частного партнерства.

Дефицит трудовых ресурсов и негативные тенденции в развитии человеческого потенциала. На региональном рынке труда сохраняется дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы, несмотря на рост вакансий за последние несколько лет. Главные причины этого — нарастающий дефицит квалифицированных рабочих кадров, деформация профессиональной структуры и низкое качество рабочей силы. Для снижения риска дефицита трудовых ресурсов важно повысить эффективность функционирования отраслей, определяющих качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, ЖКХ), и повысить уровень качества жизни населения.

Устойчивость к внешним и внутренним рискам, поддержание условий поступательного экономического развития, эффективная интеграция в глобальную экономику и решение региональных проблем возможны только при осуществлении эффективной социально-экономической политики на федеральном и региональном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сведения базы данных экономической статистики о странах мира, рынках и компаниях. URL: <http://www.statinfo.biz> (дата обращения: 19.03.2010).

² Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области. URL: <http://belg.gks.ru> (дата обращения: 19.03.2010).

³ Стратегия социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года. Белгород, 2010 г. (утв. Постановлением Правительства Белгородской области от 25 января 2010 г. № 27-пп).

**А. В. ЗАХАРОВ СИСТЕМА АНТИКРИЗИСНОГО
УПРАВЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА**

Ключевые слова: регион, кризис, катастрофа, риски, антикризисное управление, безопасность

Key words: region, crisis, catastrophe, risks, anti-crisis management, security

Исследование кризисов, рисков, конфликтов, катастроф становится все более актуальным в современных условиях, причем практически во всех сферах человеческой жизни: от исследований экономических кризисов до изучения природных и антропогенных катастроф. Этот тезис нашел свое подтверждение летом 2010 г. Крайне драматическая ситуация сложилась в ряде регионов России в связи с масштабными лесными пожарами. Как указывает В. Гринкевич, «по данным МЧС, огнем охвачено 128 тыс. гектаров, 2,21 тыс. человек остались без крова, 34 человека погибло. К борьбе с пожарами подключились сразу два силовых ведомства — Министерство по чрезвычайным ситуациям и Минобороны»¹.

Конец XX в. показал, что главный итог ушедшего столетия — не огромные технические достижения и радикальные геополитические перемены, а возникновение новых рисков и угроз². В связи с этим изучение вопросов возникновения и развития кризисов, а также борьбы с их последствиями требует не только теоретического рассмотрения, но перевода в практическую плоскость.

По мнению Е. Н. Бикейкина и С. А. Яворской, кризис — переходное состояние в развитии социальных систем, обеспечивающее связь состояний социума и характеризующееся неопределенностью и многообразием путей дальнейшего развития. Следовательно, кризис необходимо рассматривать как момент развития, что принципиально его отличает от катастрофы, т. е. полного прекращения развития, выражающегося в фазах, структуре и других его параметрах. Но

ЗАХАРОВ Алексей Витальевич, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

в целом кризис как предельное выражение хаоса носит амбивалентный характер: с одной стороны, он оказывает разрушающее действие на систему, с другой — выступает как необходимый момент развития системы, создающее начало, конструктивный механизм эволюции³. Таким образом, можно признать, что главной целью общественных и государственных институтов и всего социума в целом становится не собственно борьба с кризисами, которые, по-видимому, носят перманентный характер, а как можно более точное определение характера новых угроз и рисков, степени их опасности, вероятных последствий их осуществления, возможности их минимизации и, что особенно важно, определения тех позитивных аспектов, которые они могут повлечь за собой.

Существует множество не противоречащих друг другу определений и толкований понятия «риск», который мы будем рассматривать как угрозу, опасность возникновения ущерба в самом широком смысле слова. В общем виде риск можно определить как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации. Если в доиндустриальную эпоху можно было подготовиться к «наихудшему мыслимому бедствию», то со второй половины XX в. такой возможности нет⁴. Опираясь на концепцию У. Бека, Э. Гидденс отмечает, что понятие «риск» (как ключевая характеристика социальной жизни) в практическом сознании людей приходит на смену понятию «судьба» и становится центральным в обществе, которое открывается проблематичному будущему. Постоянная, каждодневная угроза вошла и прочно обосновалась в повседневной жизни (угроза как социальной неудачи, так и техногенной или природной катастрофы или террористического акта)⁵.

Потребность в безопасности и стабильности существования, уверенности в завтрашнем дне занимает вторую ступень в пятиступенчатой классификации потребностей личности А. Г. Маслоу и является потенциально значимой для среднестатистического индивида. Социальную безопасность мы будем понимать, согласно Закону РФ «О безопасности», как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Общество риска — это общество катастроф, в котором чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни, а опасность становится повседневной. Современные риски и опасности являются продуктом передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться⁶. Террористические акты совершались и ранее, но сегодня у них глобальные масштабы и совершенно иные социальные и политические последствия. С каждым годом природные катаклизмы становятся все более опасными и непредсказуемыми (хотя роль антропогенного фактора в этом процессе остается неясной, но отрицать ее невозможно). Наконец, в условиях современной России крайняя изношенность элементов техносферы представляет крайнюю опасность.

У. Бек выделяет три измерения угроз, которые несет в себе глобальное общество риска (каждое из них следует собственной логике конфликта): экологические кризисы, глобальные финансовые кризисы, а также, как стало очевидно после 11 сентября 2001 г., террористические угрозы, исходящие от транснациональных террористических сетей⁷. Таким образом, повседневность глобального общества риска возникает и существует как осознание проблемы глобальных последствий цивилизационных процессов, отнюдь не важно, какую форму глобальности они имеют, будь то финансовые потоки, природные катаклизмы или терроризм.

Необходимо также отметить разноплановость и одновременно взаимосвязанность общесоциальных угроз: целями террористических атак могут быть объекты технологической инфраструктуры. Природная катастрофа вызывает технологическую угрозу, финансовый кризис — снижение качества обслуживания технических объектов и обострение террористических угроз и т. д.

В связи с этим возникает, на наш взгляд, настоятельная потребность в разработке комплексной идеологии противодействия общественным рискам, в том числе и на региональном уровне. Можно попытаться выделить главные принципы построения подобной идеологии, опираясь в основном на теорию и практику антикризисного управления.

Обобщение существующей практики позволяет определить ряд функций, необходимых для успешного проведения антикризисной политики: планирование, организация, ко-

ординация и регулирование, мотивация и стимулирование, учет и анализ. В связи с этим следует выделить различные типы политики осуществления антикризисного управления: предкризисное управление, управление в условиях кризиса, управление процессами выхода из кризиса, стабилизация неустойчивых ситуаций, минимизация потерь и упущенных возможностей, своевременное принятие решений, подготовка к очередному кризису⁸.

Планирование как функция управления имеет сложную структуру и реализуется через подфункции: прогнозирование, моделирование и программирование. На наш взгляд, именно прогнозирование — наиболее востребованная применительно к управлению уровнем безопасности региона функция антикризисного управления.

Прогнозирование — предплановая разработка многовариантных моделей развития объекта управления. Прогнозирование наиболее кризисных и опасных направлений развития регионального социума — это научное, основанное на системе причинно-следственных связей и закономерностей выявление состояния и вероятных путей развития региона. Целью антикризисного прогнозирования является получение научно обоснованных вариантов тенденций изменения техногенного, экологического и общественного состояния организации.

Однако полноценное прогнозирование рисков регионального социума невозможно без точного знания состояния дел в данной области, без системы сбора данных и мониторинга состояния окружающей, техногенной и общественной сфер. В том числе и поэтому в настоящее время возникли предпосылки для создания общероссийской системы безопасности и быстрой реакции на возникающие кризисы и угрозы. На наш взгляд, базовыми элементами (а также экспериментальными блоками) такой системы должны стать региональные системы безопасности.

В качестве мер по созданию подобной системы можно предложить следующее:

— создание единого информационного поля. Формирование аппаратуры и программных средств обработки отраслевых баз данных, эффективной системы сбора, учета, хранения эколого-информационных, техногенно-информационных (направленных на анализ изношенности, пожароопасности, уязвимости к террористическим атакам) ресурсов;

— развитие и ведение единой государственной системы мониторинга природной среды, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Особую роль при этом играет Единая государственная система экологического мониторинга окружающей среды. Определяющими компонентами, несомненно, должны стать такие виды мониторинга, как мониторинг по предупреждению лесных пожаров, состояния геологической среды, водных объектов, водохозяйственных систем и сооружений и др.;

— либо подсистемой Единой государственной системы мониторинга природной среды, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, либо отдельной структурой должна стать система мониторинга состояния техногенной среды региона.

На наш взгляд, главными препятствиями по созданию подобной системы региональной безопасности являются, во-первых, нехватка средств на ее развертывание, во-вторых, большое количество ведомств, занимающихся обеспечением безопасности по отдельным направлениям (МЧС, ФСБ, МВД, Ростехнадзор, архитектурно-строительные ведомства и т. д.).

В настоящее время подобием структур общего контроля за уровнем защищенности регионального социума в Республике Мордовия являются, во-первых, Совет безопасности РМ, региональное отделение «Ростехнадзор», МЧС республики и т. д. Однако, на наш взгляд, недостатками их деятельности стали достаточно узкая направленность, обусловленная ведомственной принадлежностью, а также направленность на ликвидацию последствий чрезвычайных происшествий (хотя функции предупреждения и прогнозирования ЧП, безусловно, осуществляются, однако являются, на наш взгляд, все-таки вторичными). Назрела необходимость создания органа, непосредственно занимающегося прогнозированием, предупреждением и выработкой мер противодействия угрозам безопасности регионального социума.

Возвращаясь к примеру российского лета 2010 г., Г. Чуфрин отмечает, что главной проблемой стало отсутствие серьезной программы профилактики пожаров: «Подобное ведь происходит не в первый раз. Это предполагает и даже обязывает власти иметь программу, подразумевающую, в том числе, и наличие соответствующих материально-тех-

нических средств и заблаговременную подготовку к стихийным бедствиям такого рода»⁹. Оценивая эффективность реакции региональных властей на эту угрозу, он выразил сожаление, что «не везде и не всегда они отреагировали должным образом»¹⁰.

Технологические катастрофы, бедствия, крупномасштабные теракты порождают ответные реакции общества, организаций и групп, а также адаптацию к ним личности и населения в целом. Поэтому проблемы катастроф, дезорганизации, деструкции можно рассматривать в контексте проблем выживания, развития общества, поиска социальных сил, способствующих укреплению позитивных процессов. Как замечает И. Шершнеф, надежным и действенным способом выстраивания вертикального и горизонтального пространства безопасности россиян может стать общественная система безопасности, понимаемая как система реализации и защиты потребностей, интересов и ценностей общества от опасностей и угроз усилиями общественных, негосударственных организаций и объединений, социально ответственных граждан. Эта система образуется и осуществляется членами общества, их объединениями в различных сферах безопасности, в самых различных масштабах — от страны до отдельной квартиры. Впервые в нормотворческой практике России закон обозначил в качестве субъекта обеспечения безопасности человека общественные объединения, организации и другие негосударственные структуры¹¹.

Итак, в качестве органа, призванного прогнозировать угрозы региональному социуму, анализировать их и разрабатывать меры по поддержанию устойчивого развития Республики Мордовия достаточно адекватно, на наш взгляд, был бы некий Общественный совет (или комиссия Общественной палаты РМ) с участием представителей общественности, соответствующих республиканских ведомств и органов местного самоуправления. Имеет также смысл расширить состав и полномочия Совета безопасности РМ за счет представителей общественности и создания при нем информационно-аналитической службы. Таким образом, выстраивается достаточно четкая и логичная система прогнозирования, анализа и борьбы с кризисами.

Общероссийская система предупреждения и борьбы с кризисами, построенная на принципах антикризисного

управления, должна, на наш взгляд, акцентировать свое внимание на прогнозировании и предупреждении кризисов (естественно, не в ущерб разработке детальных программ антикризисных мероприятий). Составными ее элементами будут являться системы региональной безопасности, построенные на базе активного и деятельного сотрудничества государственных органов, научно-исследовательских кругов и общественных движений. Основой успешного функционирования подобных систем, в том числе и в Мордовии, могут стать как можно более продуманная система мониторинга окружающей среды (как природной, так и антропогенной) и активное сотрудничество органов власти, представителей науки и общественных организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лесные пожары, бушующие в Нижегородской области, поставили под угрозу безопасность одного из самых серьезных стратегических объектов России — федерального ядерного центра в Сарове. URL: <http://www.fire.nad.ru> (дата обращения: 04.08.2010).

² См.: Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л. Управление риском: риск. Устойчивое развитие. Синергетика. М.: Наука, 2000. С. 54.

³ См.: Бикейкин Е.Н., Яворская С.А. Кризисные состояния в развитии социокультурных систем: философско-методологические аспекты. Саранск: «Тип. „Рузаевский печатник”», 2008. С. 153.

⁴ См.: Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л. Управление риском ... С. 55.

⁵ См.: Щербанова В.В. Терроризм в условиях глобализации рисков // Современная конфликтология: пути и средства содействия демократии, культуры мира и согласия: тез. докладов и выступлений на II Междунар. конгр. конфликтологов. Т. 1. СПб.: «Наука», 2004. С. 93—95.

⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 24.

⁷ См.: Его же. Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска. URL: <http://www.academy-go.ru/Beck5.shtml> (дата обращения: 04.08.2010).

⁸ См.: Аверина О.И. Особенность антикризисного управления и его роль в стабилизации экономики региона // Фундаментальные и прикладные проблемы регионологии. Саранск, 2003. С. 113.

⁹ Чуфрин Г. Программный дефицит. URL: <http://www.fire.nad.ru> (дата обращения: 04.08.2010).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Шершнева И. Общественная безопасность: политологический аспект // Безопасность Евразии. 2001. № 1. С. 356.

Поступила 13.08.10.

В. П. БАБИНЦЕВ,
Б. В. ЗАЛИВАНСКИЙ,
Е. В. САМОХВАЛОВА,
Ж. А. ШАПОВАЛ

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: качество жизни, эффективность, мониторинг, региональное управление, «Роза качества»

Key words: life quality, efficiency, monitoring, regional management, «Quality rose»

На современном этапе повышение качества жизни населения является важнейшим стратегическим приоритетом и служит залогом успешного инновационного развития и модернизации России. Качество жизни представляет собой сложный интегральный показатель, аккумулирующий все значимые для личности условия существования, уровень развития и степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей. Современные исследователи качества жизни считают необходимым рассматривать эту категорию как системную целостность, выражающуюся через сложную структуру взаимосвязей ее составляющих: качество природной среды, здоровья людей, образования, культуры¹.

Сложилось несколько подходов к пониманию качества жизни. Однако большинство из них вызывает серьезные теоретические возражения. Общей чертой для них является то, что либо нарушаются принципы философской интер-

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

ЗАЛИВАНСКИЙ Борис Васильевич, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук.

САМОХВАЛОВА Елена Владиславовна, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета, кандидат социологических наук.

ШАПОВАЛ Жанна Александровна, аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета.

претации понятия «качество», либо оно относится только к области внутренних ощущений, лишенных объективной составляющей. С нашей точки зрения, *качество жизни человека* — это единство показателей, которые характеризуют уровень реализации потребностей человека и степень удовлетворенности осуществлением своих жизненных планов (стратегий) и соотносятся, с одной стороны, с минимальными социальными стандартами, с другой — с ресурсными возможностями общества.

Разработку и внедрение концепции качества жизни можно рассматривать как эффективное средство повышения благосостояния россиян. Следует отметить, что забота о качестве жизни населения — основная задача региональных органов власти, решение которой требует использования всего имеющегося финансово-экономического потенциала региона в рамках единых общегосударственных интересов. С 2003 г. в Белгородской области реализуется программа улучшения качества жизни населения. Во многом благодаря ее реализации в настоящее время область перешла от «борьбы за выживание» к «стратегии развития».

Анализ динамики показателей качества жизни является основанием для оценки эффективности деятельности органов государственного управления, служит инструментом для выявления социальных проблем региона, а также определения основных параметров будущей социальной политики. Для оценки качества жизни применяются весьма разнообразные методики, использующие объективные (статистические) показатели и субъективные индикаторы, фиксируемые в социологических исследованиях.

Наибольшее распространение получили методики, базирующиеся на критериях качества жизни, предложенных ВОЗ. В качестве таковых выступают физические, психологические показатели, уровень самостоятельности, общественная жизнь, окружающая среда, духовность. Качество жизни в этой методике рассматривается как индивидуальное соотношение своего положения в жизни общества в контексте культуры и систем ценностей с целями индивидуума, его планами, возможностями и степенью общего неустройства. Широко известна методика оценки качества жизни на основе определения индекса развития человеческого потенциала, используемая ООН и популяризируемая в России сотру-

никами Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики.

Существует ряд методик оценки качества жизни, разработанных российскими учеными:

— методика измерения качества жизни людей в регионах РФ, разработанная Центром прикладной эконометрики, в соответствии с которой протекающие в субъектах Федерации процессы делятся на негативные и позитивные по набору соответствующих показателей. Этот подход исходит из понимания того, что назначением оценки качества власти является содействие развитию позитивных процессов и подавление негативных;

— «методика отеля», разработанная в Камском политехническом институте и предполагающая оценку рейтинга региона по следующим критериям: осредненное произведение процентной доли населения, проживающего в населенных пунктах, на рейтинг населенных пунктов, находящихся на территории региона; отношение ввозимого и вывозимого капиталов региона, за исключением обязательных платежей центру²;

— методика оценки уровня жизни, разработанная группой ученых уральских вузов. Она подразумевает проведение мониторинга по двум группам критериев: первую группу составляют оценки, основанные на статистической информации, вторую — оценки, основанные на социологических опросах (факторы, связанные с доходами и расходами; факторы, связанные со здоровьем и питанием)³;

— разработанная белгородскими учеными методика измерения качества жизни «Роза качества». На ее основе ежегодно с 2006 г. проводится оценка эффективности регионального управления, получившая официальное закрепление в Постановлении Правительства Белгородской области от 7 февраля 2007 г. № 28-пп «О системе мониторинга результативности деятельности органов государственного управления области»⁴. Методика, с одной стороны, включает анализ статистических данных (объективных показателей), характеризующих уровень жизни населения региона, с другой — анализ субъективных индикаторов, выявляемых на основе *социологических опросов* и отражающих степень удовлетворенности населения условиями жизни.

Оценка статистических данных осуществляется по методике В. П. Малашенко и предполагает вычисление и анализ индексов продолжительности жизни населения, воспроизводства, неустойчивости семьи, социальной справедливости⁵. Группой независимых экспертов были установлены весовые коэффициенты значимости каждого индекса. Таким образом, интегральная оценка качества жизни рассчитывается по следующей формуле:

$$Иокж = 0.54 Ипрж + 0.18 Ив - 0.12Инс + 0.4 Исс .$$

При расчете интегральной оценки качества жизни Белгородской области населения использовались данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области (табл. 1).

Таблица 1

Динамика интегральной оценки качества жизни в 2006—2008 гг.

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Индекс продолжительности жизни (0,54)	0,4562	0,4631	0,4625
Индекс воспроизводства (0,18)	0,1122	0,1259	0,1348
Индекс неустойчивости семьи (0,12)	0,0574	0,0528	0,0644
Индекс социальной справедливости (0,4)	0,2536	0,2448	0,2400
Интегральная оценка качества жизни	0,7429	0,7727	0,7633
Динамика	—	+0,0298	-0,0064

Социологический мониторинг качества жизни населения по методике «Роза качества» предполагает анализ ряда ключевых показателей.

Показатель *социальной динамики* отражает тенденцию изменения жизненных условий. Рост доли респондентов, фиксирующих улучшение жизненных условий за определенный период, свидетельствует о результативности работы управленческих структур. Этот показатель имеет лишь относительное значение и только косвенно характеризует эффективность управления. Приходится учитывать два обстоятельства. Во-первых, динамика жизненных условий зависит от множества факторов, многие из которых имеют внешний характер и с трудом поддаются управленческому воздействию. Во-вторых, оценка социальной динамики субъективна и не всегда соответствует реальной ситуации. Обычно приходится иметь дело с двумя иллюзиями, которые можно условно определить как иллюзии «славного прошлого» и «сурового настоящего». Они совпадают по вектору своего

влияния, но в первом случае мы имеем дело с приукрашиванием прошлого (когда все было лучше, чем сегодня), во втором — с преувеличением трудностей сегодняшнего дня (жить становится все сложнее). Показатель «социальной динамики» конкретизируется в виде двух частных показателей: динамики жилищных условий и доходов. Выбор этих показателей определяется тем, что еще исследование 2002 г. отнесло эти проблемы к числу наиболее значимых практические для всех групп респондентов.

К показателям *условий жизнедеятельности* в методике «Роза качества» отнесены материальное благополучие, жилищные условия и жилищная политика, обеспечение занятости, удовлетворенность доступностью и качеством медицинского обслуживания, демографическая политика, удовлетворенность доступностью и качеством образования, состояние окружающей среды, безопасность жизни. Анализ перечисленных показателей помогает определить текущий уровень удовлетворения основных жизненных потребностей и тем самым дает представление об эффективности действий региональной власти в конкретных отраслях социальной сферы.

Показатели текущих условий жизнедеятельности, а также общий показатель «социальной динамики» дают лишь косвенное представление об эффективности регионального управления, характеризуя обобщенные результаты деятельности государственных и муниципальных структур. Конкретизировать их позволяет группа показателей *непосредственной оценки регионального управления* — доверие к власти, удовлетворенность ее действиями, информационная открытость органов власти, участие населения в управлении, оценка региональной ситуации, компаративная оценка.

Следует отметить, что показатель удовлетворенности действиями власти был выделен в 2007 г. Необходимость его специальной оценки обусловлена тем, что уровень доверия к власти может быть не сопоставим с уровнем удовлетворенности ее действиями. Показатели информационной открытости власти и участия населения в управлении были включены в исследование с учетом направлений административной реформы в ходе проведения второго этапа мониторинга.

В показателях *удовлетворенности жизнью* (удовлетворенность жизненной ситуацией, уверенность в будущем)

концентрируются все диагностируемые социологическими методами проблемы качества жизни. Весовое значение показателя удовлетворенности жизнью наиболее полно определяет эффективность управленческой стратегии государственной власти в регионе.

На протяжении всех этапов мониторинга изучалось мнение респондентов об уровне коррумпированности чиновников в регионе, поскольку эта проблема является существенным препятствием на пути повышения качества жизни населения. В 2007 г. был выделен специальный показатель оценки удовлетворенности населения мерами по борьбе с коррупцией в системе показателей «Розы качества».

В соответствии с описываемой методикой оценки эффективности после выбора показателей и сбора информации определяются *средневзвешенные коэффициенты*, характеризующие распределение ответов респондентов. Доля респондентов, давших положительный ответ, умножается на «+1», отрицательный — на «-1». Нейтральная оценка получила значение «0». Далее средневзвешенные коэффициенты, полученные в ходе анализа ответов респондентов и находящиеся в определенном диапазоне, приравниваются к соответствующему индикатору, разработанному экспертным путем. На основе полученного соотношения составлена сводная таблица. Совокупность индикаторов, определенных в таблице, позволяет построить «Розу качества», наглядно демонстрирующую отклонение того или иного индикатора от максимального и минимального значения (рис. 1).

В 2008—2009 гг. в исследование были включены показатели, отражающие влияние финансово-экономического кризиса на население, добавлена оценка состояния социально-культурной сферы. С учетом важности мер, направленных на борьбу с коррупцией, показатель удовлетворенности антикоррупционностью власти выделен в самостоятельный рядяду с показателем социальной динамики, условий жизнедеятельности и оценки управления. В отдельный блок были выделены вопросы, связанные с оценкой уровня доверия и солидарности в обществе. Индикатор компаративной оценки, предполагающей сравнение качества жизни в Белгородской области и других субъектах РФ, в 2009 г. был исключен из перечня, так как объективность его признана низкой, во-первых, в силу динамичной меняющейся

социально-экономической ситуации в регионах и, во-вторых, недостаточной осведомленности многих жителей области о реальном положении дел «у соседей». В результате «Роза качества» видоизменилась (рис. 2).

Рис. 1. Роза качества (2007 г.)

Рис. 2. Роза качества (2009 г.)

Тенденция изменений выбранных показателей оценки качества жизни населения дает основание выделить проб-

лемные зоны региональной политики в их «человеческом измерении». Наличие таких проблемных зон позволяет не только диагностировать эффективность, но и проводить сравнительный анализ действий органов регионального управления в том или ином направлении за определенный период.

Так, анализ показателя «социальной динамики» выявил, что в 2009 г. значительно выросла доля людей, считающих, что их жизненные условия в той или иной степени ухудшились (40,8 %). В 2008 г. доля этой группы составляла 15,3 %.

В целом показатель «социальной динамики» за период 2006—2008 гг. свидетельствовал о тенденции общего улучшения условий жизни белгородцев, прежде всего, за счет роста их доходов. В 2009 г. ситуация кардинально изменилась. Доля представителей средних слоев (вариант ответа «денег хватает на основные расходы»), указывающих на улучшение жизненных условий, сократилась более чем в два раза. Кроме того, доля наиболее бедных респондентов (варианты ответов «денег едва хватает на питание и самые необходимые нужды» и «денег не хватает, живем в долг»), отмечающих ухудшение своего положения, увеличилась в несколько раз.

Экономический кризис не просто существенно изменил социально-экономическую обстановку в регионе, сказался на положении отдельных граждан, но и повлиял на массовое сознание. 73,3 % респондентов ответили, что их затронул финансово-экономический кризис. Примерно каждый десятый респондент (10,9 %) затруднился ответить на этот вопрос, и лишь 14,9 % опрошенных указали, что они не почувствовали влияние кризиса. Наиболее заметными проявлениями кризиса для большинства белгородцев стали повышение цен (64,3 %), повышение тарифов на оплату жилья и коммунальных услуг (54,5 %), а также снижение заработной платы (45,4 %).

Если судить по полученным данным, то уровень жизни населения области в 2009 г. заметно снизился. На протяжении 2006—2008 гг. доля респондентов, заявлявших с различной степенью уверенности, что им хватает доходов на жизнь, колебалась в пределах 35—45 %. В 2009 г. эта группа составила 32,8 % от числа участников опроса. Как

ни парадоксально, но оценка участниками опроса уровня жизни своей семьи в течение 2009 г. изменялась незначительно. Так, доля граждан, выбравших вариант ответа «денег хватает на основные расходы», уменьшилась менее чем на 1 % и составила 50,6 %. Наиболее бедная категория граждан увеличилась также несущественно — с 9,8 % в 2008 г. до 10,5 % в 2009 г.

На первый взгляд, полученные данные противоречат выводу о снижении качества жизни «среднего класса». Но это противоречие только кажется и объясняется тем, что с изменением ситуации изменились и критерии оценки. Судя по всему, население стало ограничивать себя в расходах, чтобы удержаться в рамках достигнутого ранее статуса.

В условиях общего снижения большинства показателей качества жизни, социальной динамики, уровня доходов наблюдается парадоксальная ситуация — оценка удовлетворенности жизнью в целом у белгородцев совершенно не снизилась (табл. 2). Экономическая обстановка, безусловно, оказывает влияние на оценку жизнедеятельности, и в условиях кризиса уровень оценки снижается. Однако, во-первых, большинство людей пока не считает современную кризисную ситуацию долгосрочной, во-вторых, для многих определяющими характеристиками жизнедеятельности являются, например, состояние здоровья, благополучие детей, наличие реализуемых увлечений.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Удовлетворены ли Вы своей жизнью?», %

Ответ	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Да, в полном объеме	8,49	7,15	9,80	10,04
В основном	53,89	59,20	60,87	61,90
Нет	26,15	22,79	19,33	18,99
Затрудняюсь ответить	11,46	10,86	10,00	9,07
Средневзвешенный коэффициент	0,09	0,14	0,21	0,22

Таким образом, несмотря на диагностируемую в 2009 г. существенную отрицательную динамику большинства оценок, показатель общей удовлетворенности жизненной ситуацией в регионе не изменился. Большинство белгородцев еще имеет так называемый «запас прочности», который позволяет пока кардинально не пересматривать отношение к своей жизненной ситуации. Наиболее тревожным выглядит

ожидание худшего, которое проявляется в значительном снижении показателя уверенности в будущем — с 25,7 % в 2008 г. до 15,3 % в 2009 г.

Подводя итог, отметим, что результаты оценки эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни все же носят субъективный характер и характеризуют восприятие ситуации и действий органов управления населением. Именно ключевая роль человеческого фактора обуславливает субъективный характер результатов исследования, однако полученные материалы, дополненные анализом статистических данных, могут быть использованы для сопоставления индикаторов в ходе последующих этапов мониторинга. Ухудшение или улучшение их в будущем означает снижение или повышение эффективности региональной социально-экономической политики в том или ином направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бетин О.И., Герасимов Б.И., Дробышева В.В. Экономический анализ системы управления качеством жизни. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. С. 10.

² См.: Фаляхов М.А. К вопросу оценки уровня и качества жизни. URL: <http://www.kamp.ru/scitech/base/nomer5> (дата обращения: 09.07.2010).

³ См.: Уровень жизни населения Урала: социальная стратификация регионального социума и система социальной защиты / отв. ред. А.И. Таркин. Екатеринбург, 1999. 115 с.

⁴ Постановление Правительства Белгородской области «О системе мониторинга результативности деятельности органов государственного управления области» от 7 февраля 2007 г. № 28-пп. URL: <http://www.cfo-info.com/okrug13e/rajonbs/read7fgwrn.htm>. (дата обращения: 09.07.2010).

⁵ См.: Малашенко В.П. Концепция экономической теории социального развития: моногр. Старый Оскол: РОСА, 2009. 115 с.

Поступила 12.07.10.

Ю. В. КУЗНЕЦОВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСАЛИЗМ РОССИИ В ИСТОРИОСОФИИ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Ключевые слова: евразийство, история философии, месторазвитие, федерализм, историософия

Key words: Eurasianism, history of philosophy, mestorazvitie, federalism, historiosophy

Начало движения евразийцев принято датировать 1921 г., когда в г. Софии была опубликована книга «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Авторами этой книги были знаменитый лингвист, родоначальник фонологии Н. С. Трубецкой, сын известного русского философа князя С. Н. Трубецкого; географ П. Н. Савицкий; историк русской церкви и богослов Г. В. Флоровский; историк П. П. Сувчинский. Книга состояла из десятка работ, объединенных едиными замыслом и идеей, суть которых выражала формула «Россия есть не только „Запад“, но и „Восток“, не только „Европа“, но и „Азия“, и даже вовсе не „Европа“, но „Евразия”¹. Авторы книги представили новую интерпретацию старых историософских проблем, поставленных еще П. Я. Чаадаевым. Среди всего прочего были и вопросы об особенностях исторической судьбы России, о ее месте во всемирной истории. Примечательно, что эти традиционные проблемы евразийцы рассматривали в новых условиях тогда, когда прежней России, о судьбе которой шла речь, уже не существовало, а на смену ей пришла Советская Россия. Авторы книги пытались найти единое историческое и географическое основание различным политическим и культурным формам существования России и, исходя из этого стремления, объявили Россию частью Евразии как специфического культурно-историче-

КУЗНЕЦОВ Юрий Валентинович, заведующий кафедрой социальной работы и теологии Мурманского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент.

ского пространства. Этот подход сочетался с убеждением в необходимости рассматривать социальные и политические проблемы на геополитическом уровне. Евразийцы констатировали кризис европейской культуры и полагали, что революция в России и мировая война представляют собой следствия единого глобального процесса, который необходимо исследовать.

Этот подход оказался весьма привлекательным для многих предшественников русской эмиграции. В разное время к евразийству примыкали юрист Н. Н. Алексеев, философ Л. П. Карсавин, историк Г. В. Вернадский и др. В Софии, Париже, Праге и других европейских городах были образованы своеобразные интеллектуальные центры евразийства. В Берлине, Белграде, Брюсселе возникли издательства, поддерживавшие евразийское движение. Выходили в свет «Евразийский сборник» (Прага, 1929), «Евразийская хроника» (Прага, 1925—1926; Париж, 1926—1928; Берлин, 1935—1937), «Евразийский временник» (Берлин, 1923—1927), Евразийские тетради (Прага, 1934—1936) и «Евразия» (Париж, 1928—1929).

Ключевым для евразийства было понятие «месторазвитие», выдвинутое П. Н. Савицким, а также развитое Г. В. Вернадским в предисловии к своей работе «Начертание русской истории» и определенное им как «слияние социально-исторической среды и географической обстановки»². Под «месторазвитием» предлагалось понимать органическое единство территории и народа, проживающего на ней. Таким образом, термин обозначал качественное влияние пространственного фактора (ландшафт, окружающая среда) на исторические и культурные процессы, социально-политические системы народов. С этой точки зрения история развития России представляет собой историю приспособления русского народа к географическому ландшафту его среды обитания, соответствующим климатическим условиям. В процессе такого приспособления русский народ, как и любой иной, постепенно создавал собственное «месторазвитие». Традиционная точка зрения, согласно которой Россия развивалась одновременно и на территории Европы, и на территории Азии, оказывалась в рамках такого подхода несостоятельной. Месторазвитием России следует считать особое географическое пространство, особый континент — Евразию, которая имеет свои геогра-

фические границы, культурно-исторические традиции и соответствующие им социальные и политические формы.

П. Н. Савицкий создал особую теорию географических особенностей Евразии, в силу которых она является континентом, отличающимся и от Европы, и от Азии. Рассматривая идею, согласно которой, если Уральский хребет разделяет Европу и Азию, то Евразию он объединяет, и утверждая, что на Западе граница Евразии проходит по Пулковскому меридиану, на Востоке — по Берингову проливу, на Севере ее ограничивает Северный Ледовитый океан, а ее южная граница совпадает с государственной границей Российской империи, он доказывал, что эта территория представляет собой единое географическое пространство, и подтверждал это следующими географическими аргументами: симметрия Юга и Севера, в силу которой тундре на севере соответствует пустыня на юге; смена почвенно-ботанических полос, пропорциональных географической широте (тундра, лесная зона, лесостепь, степь, пустыня); южно-северная ориентация всех крупных рек. Все эти признаки отсутствуют в Европе.

Поэтому, если принять во внимание лишь географические признаки, то П. Н. Савицким доказывалось, что Западная Европа и Евразия представляют собой два различных типа географических пространств. Однако специфика географического пространства не может не найти отражения в специфике социального и культурного пространства, и геополитика евразийцев должна была устанавливать закономерности такого влияния географии на социальные и политические формы.

Помимо геополитики, у евразийцев речь шла и о геоэкономике, геолингвистике, геоархеологии и т. п. Все евразийцы были единодушны в том, что географии Евразии может соответствовать лишь могущественное единое государство: «Евразия, как географический мир, как бы предсоздана для образования единого государства»³.

Особый интерес представляют идеи Г. В. Вернадского об исторических предпосылках, послуживших созданию сильного государства. Так, он выделяет пять периодов истории России, связывая каждый из них с определенной ситуацией в борьбе «леса» и «степи». Первый период, начавшийся в VI в. и завершившийся в 972 г., он назвал «попыткой объединения леса и степи». Он включает в себя расселение

и борьбу раннеславянских племен с аvaraми и хазарами, начало существования славянского государства с первыми князьями. Второй период стал периодом «борьбы леса и степи», соответствует княжению Владимира и Ярослава и завершается нашествием монголов; третий — знаменует победу «степи над лесом», которая выразилась в столетиях монгольского ига; четвертый же — характеризуется «победой леса над степью». Пятый, начавшийся после Смутного времени, является периодом «объединения леса и степи», соответствующим становлению и расцвету Российской империи⁴. Таким образом, Советская Россия в той мере, в какой она продолжала решать задачу объединения леса и степи, была в идеях Г. В. Вернадского только новой, централизованной, сильной политической формой управления евразийским пространством.

У Н. С. Трубецкого, другого евразийца, социально-политическое единство Евразии объясняется тем, что Россия рассматривается не как преемница европейской цивилизации, а как наследница империи Чингисхана. Территория Советской России соответствует области, завоеванной и удерживаемой Чингисханом, Батыем и другими ханами. На покоренном монголами пространстве сформировался особый культурно-психологический тип, отличающийся от европейского. Различия евразийского и европейского типов отражаются на уровне личности и общества в целом. Что касается личности евразийца, то это кочевник, которому первоначально чужда идея землевладения. Он считает себя владельцем скота, пасущегося на земле, которая никому не принадлежит. Кочевник не имеет развитых собственных инстинктов, предпочитая жить в составе большой семьи. Он обязан делиться продуктами своего труда с сородичами. При этом Н. С. Трубецкой достаточно логично отмечает, что кочевник пребывает в постоянной готовности сменить место обитания и нередко вступает в конфликт за лучшие пастбища. Именно поэтому особенности личности кочевника находят отражение в своеобразном общественно-политическом устройстве. Чингисхан опирался на родовые принципы и особый тип религиозности, характеризуемый лояльностью к иноверию. У кочевников отсутствовало сословное деление, так как все члены общества были в равной мере подданными хана⁵.

По убеждению Н. С. Трубецкого, татаро-монгольское иго сыграло в истории России положительную роль, так как благодаря ему сформировалось общинное хозяйство со специфическим субъектом хозяйственной деятельности — свободным общинником. Россия заимствовала от империи Чингисхана устройство государственного и военного аппарата, переняла некоторые основы экономики, о чем свидетельствует употребление татарских экономических категорий, таких как казна, деньги, таможня, алтын и др. Н. С. Трубецкой полагал, что как такового свержения монгольского ига не было, но в определенный момент центр политической активности был перенесен из Орды в Москву, и русские стали играть на евразийском пространстве ту роль, которую ранее играли монголы. Золотая Орда пала не под ударами русских войск, а вследствие внутреннего разложения. Под знаком преемственности Золотой Орды Н. С. Трубецкой рассматривал и политические процессы в послереволюционной России. Россия в своей внешнеполитической деятельности отказалась от панславистской, националистической идеологии, обратилась в сторону Азии и там ищет себе союзников в борьбе с капиталистической Европой. Во внутренней политике она разрешила классовый конфликт, освободилась от сословного деления, отказалась от политики русификации окраин.

Помимо географического, исторического, социально-политического единства Евразии, не менее важную роль играет единство культурное. Об этом единстве свидетельствуют нравственные ценности, общая лингвистика и этимология. Лингвистическое единство евразийских языков доказывал Р. О. Якобсон в докладе на фонологической конференции в Праге 20 декабря 1930 г.⁶ Согласно его теории, чередование согласных и так называемых «светлых» звуков является устойчивым признаком конкретного языка. Частота повторения тех и других указывает на исходную общность языков. Для подтверждения гипотезы о родственности языков на евразийском пространстве он делал попытки фонологического картографирования. Эти исследования привели к выводам о наличии евразийского языкового союза и основывались на положениях в области науки о языке. Они были дополнены суждениями П. Н. Савицкого о лингвистических преимуществах евразийского союза, которые создают предпосылки грядущего универсального социально-культурного

устройства: «Русские ученые, представители срединного мира, в наибольшей степени призваны к объединению Старого Света, именно в его целостности»⁷. Единство евразийской культуры предопределяет ее отличие от культуры Запада, которая пропитана пессимизмом и чрезмерным рационализмом. Европейец — космополит и индивидуалист, он заражен материализмом и полонением перед вещами. Евразийская культура оптимистична, она тяготеет к интуитивизму, целостности восприятия, духовности. Евразиец, в том числе и русский, ставит ценности нации, государства выше личного эгоизма.

Н. С. Трубецкой обозначил, что интерес к этнографии русского народа, песням, обрядам, обычаям был вызван необходимостью сравнения культуры и быта европейцев и евразийцев: «Значительная часть великорусских народных песен составлена в так называемой „пятитонной” или индокитайской гамме, т. е. как бы в мажорном звукоряде с пропуском четвертой и седьмой ступени»⁸. Он отмечал, что у народных танцев романских и германских народов обязательно наличие пары, каждый член которой выделяет одинаковые «па». Для Евразии же пара — необязательное условие, здесь преобладает коллективный танец. Помимо этого, в европейском танце доминирует сексуальный элемент, а в евразийском — состязание в ловкости.

Согласно теории Н. С. Трубецкого, любая культура содержит в себе верхнюю и нижнюю части, и если нижняя создается народными массами, то верхняя — правящими классами. Кроме того, верхняя культура очень часто заимствует свое содержание у соседних культур. Так, в России в эпоху Петра I имело место интенсивное заимствование европейской культуры. Однако тот факт, что народные массы России не приняли европейскую культуру, свидетельствует о наличии самостоятельной и своеобразной евразийской культуры: «Несмотря на все усилия русской интеллигенции, две пропасти, вырытые Петром Великим, одна — между „допетровской” Русью и „послепетровской” Россией, другая — между народом и образованными классами, остаются незаполненными»⁹.

Таким образом, разрыв между нижней и верхней культурой стал для евразийцев одной из причин русской революции. Они рассматривали революцию как восстание народ-

ного, евразийского против государственного, западнического, идущего от преобразований Петра. Революция представляла собой, по их мнению, крайнюю форму реакции против доминирования западной культуры. Однако сама революция не может создать новую культуру, новый тип социальной структуры. Это более сложная задача, связанная с русским ренессансом. Сама же революция была необходима, но она не привела к желаемым результатам, не разрешила противоречий между Европой и Евразией, так как ведущей идеологией революции был заимствованный у Запада социализм. Но перенесенный на евразийскую почву западноевропейский социализм приобрел вовсе не свойственную ему ранее двойственность. Его социально-экономическая сторона не имела для России особого значения, так как социально-политическое и хозяйственное устройство России отличалось от европейского, и в силу этого построение социализма по европейским образцам было бесперспективным. Однако характерная для марксизма критика капитализма оценивалась евразийцами достаточно высоко, как критика основ западноевропейской цивилизации. Что касается этической стороны социализма, то его значение признавалось, поскольку нравственные начала и Европы, и Евразии восходили к единому источнику в лице христианства.

Разумеется, у евразийцев были свои оригинальные социально-политические проекты. Так, среди них преобладало мнение, что для России наиболее приемлемым было бы демотическое государство, которое строилось бы не по профессиональному или социальному, а по территориальному принципу. Единицей демотического государства является город. Вместе с районом он составляет округ. Округ есть центр, где сходятся все силы: снизу — от народа и сверху — от центральной власти. Несколько округов образуют краевые объединения. Верховным органом округа является окружной суд. Округа делятся на волости, во главе их стоят избираемые старосты, а государство играет роль союза округов. Такое федеративное устройство государства сочеталось в демотическом государстве с принципом морально-политического единства вождя и народа. Так, Л. П. Карсавин полагал, что государство обязано соединять три организационных момента: территорию, власть и население¹⁰. Ни один из этих моментов не должен преобладать над

другими, все они вместе должны образовывать органическое единство. Территория не сводится к географическому пространству, так как в ней заключен как дух нации, так и ее тело. Поколения, живущие на определенной территории, представляют собой единое биологическое целое. Что касается власти, то она может трактоваться двояко: как сила, основанная на законе, и как форма общественного договора. Государство как сила опирается на внешнее принуждение, а общественный договор — на волю большинства, которая вовсе не обязательно совпадает с волей всех. Поэтому без третьей составляющей, населения, народа, государственное устройство не может иметь твердые основания. Народ для евразийцев является соборной личностью, где отдельная индивидуальность становится сама собой только в единстве с другими индивидуальностями. Но и целостность народа обеспечивается богатством духовного содержания каждого «Я». Аналогичным образом Н. Н. Алексеев рассматривал государство как «союз правды». Советское государство декларировало себя как «государство правды» и поэтому получило относительно широкую поддержку со стороны народных масс. Кроме того, многие новые организационные принципы соответствовали евразийским теориям: «Советское государство, в противоположность новейшим европейским демократиям, отправным пунктом своим считает не отдельного активного гражданина, образующего вместе с другими гражданами неорганизованную массу народа, напротив того, Советское государство отправляется от первоначальных организованных ячеек граждан, именно от советов — деревенских, городских, фабрично-заводских»¹¹. Советское государство, по мнению Н. Н. Алексеева, обладало определенными преимуществами, такими как сильная власть, свобода аппарата управления от органов представительства, опора на советы. «Советская система покоится на представительстве чисто реальных и профессиональных интересов, группирующихся вокруг советов»¹².

Что касается экономических проектов евразийцев, то для них также был характерен универсализм. П. Н. Савицкому принадлежит теория «континента-океана», согласно которой экономика обусловлена геополитическим пространством. По его мнению, тип хозяйствования в Европе принципиально отличается от евразийского и российского. Особую роль в

Евразии играют более значительные, чем в Европе, расстояния. Так, справедливо отмечается, что от центра Евразии до ближайшего незамерзающего моря расстояние превышает 3 тыс. км. Чтобы преодолеть такие пространства, требуются средства, во много раз превышающие стоимость товара. Отсюда П. Н. Савицким виделась необходимость совершенно иного типа хозяйствования, который, если не оценивать его исключительно с точки зрения экономики Запада, имеет определенные преимущества, например, особая роль государства в экономике и изначальная предрасположенность к планированию, государственным заказам¹³.

По мнению евразийцев, универсализм в политике и экономике должен привести к радикальным переменам в национально-территориальном устройстве Евразии. Этот вывод достаточно полно отражен в суждениях Н. Н. Алексеева: «Нынешнюю перестроенную Россию придется сначала признать как факт, а потом уже, постепенно, проводить в ней необходимые исправления. При этих исправлениях следует иметь в виду:

1. те части России, которые пережили период собственного государственного существования, как то: Украина, кавказские республики и т. д.;
2. те части России, из которых большевики искусственно образовали самостоятельные национальные республики;
3. новые территориально-административные единицы, возникшие в процессе перерайонирования России.

Первые должны остаться в качестве самостоятельных земель, входящих в Российское целое на началах широкой автономии и, быть может, федерализма. Вторые как чисто тепличный продукт — или умереть естественной смертью, или подвергнуться новому районированию. Что касается третьих, то они должны быть, в принципе, приняты каждым будущим правительством и положены в основу будущего Российского государства»¹⁴.

Таким образом, идеалом универсализма пронизаны все социально-политические проекты евразийцев, где универсализм видится ими в создании нового политического, экономического и национально-территориального устройства России и Евразии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Савицкий П.Н. Поворот к Востоку // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1. С. 2.

² Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. Ч. 1. С. 9.

³ Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 259.

⁴ См.: Вернадский Г.В. Начертание русской истории. С. 17, 21—23.

⁵ См.: Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 1999. С. 105—106.

⁶ См.: Якобсон Р.О. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. Прага, 1931. С. 9—11.

⁷ Савицкий П.Н. Оповещение об открытии // Там же. С. 5.

⁸ Трубецкой Н.С. Верхи и низы русской культуры (этническая база русской культуры) // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1. С. 97.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ См.: Карсавин Л.П. Государство и кризис демократии // Новый мир. 1991. № 1. С. 183—189.

¹¹ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России. Советский строй и его политические возможности. Париж, 1927. С. 27.

¹² Там же. С. 60.

¹³ См.: Савицкий П.Н. Континент-океан: Россия и мировой рынок // Исход к Востоку: предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. Кн. 1. С. 104—119.

¹⁴ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России ... С. 74—75.

Поступила 15.09.10.

А. Н. ДЫРДОНОВА

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: кластер, интеграция, синергетический эффект, эффективность функционирования, нефтехимический кластер

Key words: cluster, integration, synergetic effect, functioning efficiency, petrochemical cluster

В условиях мирового финансово-экономического кризиса важным является повышение эффективности и конкурентоспособности деятельности предприятий. Для преодоления негативных факторов внешней и внутренней среды функционирования предприятий наиболее эффективным является использование механизма *интеграции*, способствующего построению законченной технологической цепочки, обеспечению координации процесса воспроизводства, облегчению проникновения технологических новшеств, увеличению объема продаж, снижению затрат на единицу продукции, росту производительности труда. Интеграция также влияет на повышение жизнестойкости предприятий, получение ими финансовой стабильности, снижение уровня неопределенности в снабжении и сбыте продукции, укрепление позиций объединения предприятий на рынке данного вида товаров и услуг, диверсификацию производства для снижения рисков. Одним из способов интеграции является создание кластеров.

Кластер представляет собой совокупность субъектов хозяйственной деятельности взаимосвязанных отраслей, объединенных в единую организационную структуру, элементы которой находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, совместно функционируют с определенной целью¹.

ДЫРДОНОВА Алена Николаевна, доцент кафедры экономики и управления Нижнекамского химико-технологического института (филиал) Казанского государственного технологического университета, кандидат экономических наук.

Формирование эффективных технологических цепочек из нескольких самостоятельных хозяйствующих субъектов является стратегическим мероприятием, требующим долгосрочных вложений в их реализацию. Это возможно только посредством их самоорганизации в результате взаимодействия предпосылок, сложившихся внутри и во внешней среде этих потенциальных систем.

Эффективность кластеров достигается за счет *синергетического эффекта* и как следствие этого роста инвестиций в инновационное развитие производств и формирования новых компаний, усиления экспортного потенциала, повышения занятости населения и качества продукции, развития новых технологий, усиления конкурентоспособности и производительности членов кластера, развития тесных связей между наукой и производством, развития инфраструктуры, повышения образовательного уровня сотрудников.

Большинство участников интегрируемых структур (кластеров) — это действующие организации. Оценка их эффективности предполагает, во-первых, изменение результативности использования действующих производственных мощностей, потенциала научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций; во-вторых, новые возможности для реальных инвестиций, возникающие в результате формирования интегрированных структур типа кластера. Синергетический эффект диверсифицированного типа возникает тогда, когда на базе интеграции производств удается более эффективно использовать материальные и финансовые ресурсы, получить экономию посредством маневрирования ими между производствами. Кроме того, для оценки экономической эффективности могут использоваться прибыль от продаж и себестоимость продукции (и их приращения), а также операционная экономия за счет устранения дублирования управленческих функций.

В настоящее время можно выделить три группы методов оценки эффективности интеграционных процессов. *Количественные (стоимостные) методы* оценки эффективности интеграции представляют собой анализ, затрагивающий только ресурсный потенциал организации и не включающий в себя качественные составляющие развития предприятия. *Качественные методы* предполагают оценивать эффективность с помощью показателей качества продукции, ассорти-

мента, квалификации кадров, технологии, диверсификации и т. д. Иными словами, оценка эффективности интеграции проводится с использованием индикаторов развития организации, которые не отражаются количественными показателями. *Комплексные методы* оценки соединяют в себе качественные и количественные составляющие развития организации.

Мы предлагаем методику оценки эффективности кластерных образований на основе сравнительного анализа нескольких показателей эффективности деятельности промышленных предприятий региона.

Во-первых, это *индекс рентабельности* (IR_i), определяемый по формуле (1) как отношение какого-либо показателя рентабельности для интегрированной структуры R_{on} к этому же показателю для отдельного предприятия в случае его самостоятельного функционирования R_i :

$$IR_i = \frac{R_{on}}{R_i} . \quad (1)$$

Во-вторых, это *индекс прибыльности* (PI_i), который можно определить по формуле (2) как отношение бухгалтерской прибыли для интегрированной структуры P_{on} к этому же показателю для отдельного предприятия в случае его самостоятельного функционирования P_i :

$$PI_i = \frac{P_{on}}{P_i} . \quad (2)$$

Такую оценку целесообразно использовать тогда, когда принимается решение о вхождении того или иного предприятия в интегрированную структуру. Если результативность меньше или равна единице, то формально вхождение этого предприятия в интегрированную структуру особого смысла не имеет, поскольку экономические показатели должны возрастать в связи с объединением предприятий.

Кроме того, целесообразность проведения интеграционных процессов могут характеризовать следующие показатели:

— *коэффициент независимости интегрируемых предприятий* (Kn_i) — отношение собственного капитала предприятия ко всему капиталу предприятия (преобладание у предприятий заемных средств повышает риск банкротства и увеличивает себестоимость продукции);

— *показатель оценки капитализации интегрируемых предприятий (OK_i)* — суммирование стоимости основного и оборотного капиталов интегрируемых предприятий (низкая стоимость основных фондов свидетельствует об их моральном и физическом износе);

— *уровень обеспеченности предприятий нематериальными активами (HMA_i)* — отношение стоимости нематериальных активов предприятия к общей стоимости всех активов предприятия (высокая доля нематериальных активов в общей стоимости всех активов интегрируемых предприятий свидетельствует о наличии у хозяйствующих субъектов объектов интеллектуальной собственности, которые появляются с участием высококвалифицированного персонала).

Для экспериментальной апробации разработанного методического подхода была проведена оценка эффективности интеграционных процессов (кластеризации) на примере Нижнекамского района Республики Татарстан. Район является крупнейшим центром нефтехимической промышленности не только Татарстана, но и России. На него приходится 23 % производимой в Татарстане промышленной продукции и около 30 % экспорта. В Нижнекамске сосредоточено 18 % основных производственных фондов Татарстана, представляющих базовые отрасли промышленности. Основу промышленности города составляют крупные предприятия, представляющие наукоемкие отрасли — нефтехимию и нефтепереработку. Крупнейшими градообразующими предприятиями муниципального района стали ОАО «Нижнекамскнефтехим», ОАО «Нижнекамскшина», ОАО «ТАИФ-НК», ОАО «ТАНЕКО».

Согласно концепции кластерного развития экономики Республики Татарстан², приоритетным является создание нефтехимического кластера. Поэтому формирование и развитие кластерных образований для Нижнекамского района — это весьма перспективное направление повышения конкурентоспособности территории, а также механизм активизации инновационных процессов. Результаты выполненных расчетов критериев целесообразности вхождения в кластер промышленных предприятий Нижнекамского района представлены в таблице.

Результаты расчетов свидетельствуют о том, что полученные значения индексов рентабельности (производства, продукции, продаж, активов и собственного капитала) больше

единицы только по ОАО «Нижнекамскнефтехим». Индексы рентабельности ОАО «ТАИФ-НК» и ОАО «ТАНЕКО» не достигают норматива, а ОАО «Нижнекамскшина» имеют отрицательные значения. Индекс прибыльности, рассчитанный по бухгалтерской прибыли, ОАО «Нижнекамскнефтехим» составляет 2,286, что практически в 1,5 раза выше полученного значения индекса прибыльности, рассчитанного по данным ОАО «ТАИФ-НК» (1,752). Индексы прибыльности ОАО «ТАНЕКО» и ОАО «Нижнекамскшина», как и индексы рентабельности, не достигают рекомендуемого норматива. Отсюда следует, что наибольшей коммерческой эффективностью обладает ОАО «Нижнекамскнефтехим», и именно это предприятие должно стать ключевым предприятием нефтехимического кластера Нижнекамского района.

Таблица

Показатели целесообразности интеграции (кластеризации)

Потенциальный участник кластера	Показатель								
	IR_{i1}	IR_{i2}	IR_{i3}	IR_{i4}	IR_{i5}	PI_i	Kn_i	$Док_i$	HMA_i
ОАО «Нижнекамскнефтехим»	1,298	1,097	1,097	1,335	1,457	2,286	0,505	50,492	0,0003
ОАО «Нижнекамскшина»	-6,129	-6,477	-5,917	-5,636	-2,135	-1,217	0,175	2,417	0,0002
ОАО «ТАИФ-НК»	0,669	0,913	0,921	0,648	0,605	1,752	0,432	19,292	0,0002
ОАО «ТАНЕКО»	0,782	0,287	0,292	0,241	-2,629	0,299	-0,025	27,799	0,0001

Анализ финансовой обеспеченности показал, что наибольшей независимостью обладает ОАО «Нижнекамскнефтехим» (коэффициент независимости больше 0,5). Самый высокий уровень обеспеченности нематериальными активами наблюдается у ОАО «Нижнекамскнефтехим» (0,0003). Показатель оценки капитализации интегрируемых предприятий, равный суммарной стоимости основных и оборотных капиталов, составил 188 172 378 тыс. руб., где большую долю (50,5 %) составляет капитал ОАО «Нижнекамскнефтехим», что еще раз подтверждает целесообразность формирования нефтехимического кластера на базе этого предприятия.

Для ОАО «ТАИФ-НК» и ОАО «ТАНЕКО» интеграция не имеет смысла, поскольку индексы коммерческой эффективности и коэффициенты финансовой обеспеченности невысокие. Для ОАО «Нижнекамскшина» вхождение в кластер целесообразно только с целью повышения эффективности своей деятельности и выхода из зоны убыточности предпри-

ятия. Кроме ОАО «Нижекамскнефтехим» (основного предприятия), в структуру нефтехимического кластера должны входить малый бизнес, наука, образование, лизинговые, страховые, финансовые организации и т. д., выступающие как единое целое, имеющее единые цели и задачи, стратегию развития.

Активную роль в создании кластера должны играть государство и частный сектор. Действия государства в лице местных органов власти муниципального района должны быть направлены на решение общих проблем участников кластера, устранение препятствий, преодоление ограничений и неблагоприятных воздействий, снижающих производительность кластера и его обновление. Для обеспечения эффективного взаимодействия администрации муниципального района и членов кластера было бы целесообразным создание Совета кластера. В результате этого наладится обратная связь между органами местной власти муниципалитета и членами кластера.

Таким образом, формирование и развитие нефтехимического кластера позволит создать новые рабочие места для жителей района; увеличить налоговые отчисления в бюджет; производить новые виды продукции; увеличить качество и количество выпускаемой продукции; заменить импортные товары отечественными за счет использования наукоемких, ресурсосберегающих и экологически чистых технологий; развить инфраструктуру района; увеличить количество малых предприятий; значительно повысить роль науки, образования, научно-исследовательских, проектно-конструкторских организаций, академической и вузовской науки; повысить уровень научно-технических разработок и эффективность их внедрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ларионова Н.А. Конкурентоспособность региона в глобализирующейся экономике. Экономика региона: тенденции развития: моногр. Кн. 1 / под общ. ред. О.И. Кирикова. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 182.

² См.: Проект программы «Развитие и размещение производительных сил Республики Татарстан на основе кластерного подхода до 2015 года и на период до 2030 года». М., 2007.

Поступила 05.07.10.

А. Ю. БЕЛОЗЕРСКИЙ, В. В. НИКИТИНА

УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: металлургия, региональная экономика, неопределенность, факторы рисков, этапы управления рисками, методы управления рисками

Key words: metallurgy, regional economy, uncertainty, risks factors, stage in risks management, methods for risks management

Металлургия — одна из базовых отраслей России. Высокие цены на металлопродукцию и возможности наращивания ее экспорта позволили внести значительный вклад металлургической промышленности в прирост ВВП и других макроэкономических показателей, что делает ее одной из важнейших составляющих региональной экономики. В ВВП страны доля металлургической промышленности составляет около 5 %, в промышленном производстве — около 18 %, в экспорте — 14 %. Металлургия использует 28 % электроэнергии (от общепромышленного уровня) и 5,4 % природного газа. Ее доля в грузовых железнодорожных перевозках составляет 23 %. Металлургический комплекс формирует значительную часть поступлений в бюджеты РФ и обеспечивает занятость населения. В ряде случаев крупные металлургические предприятия являются градообразующими. В связи с этим при анализе рисков металлургических предприятий необходимо учитывать их возможное негативное влияние на социально-экономические показатели региона¹.

Функционирование любого металлургического комплекса сопровождается разнохарактерными рисками с различной тяжестью последствий. За последние годы аварии на металлургических и коксохимических производствах и объ-

БЕЛОЗЕРСКИЙ Андрей Юрьевич, преподаватель кафедры логистики и экономической информатики Российского химико-технологического университета, кандидат экономических наук, доцент (г. Москва).

НИКИТИНА Виктория Васильевна, студентка филиала Московского энергетического института (технического университета) в г. Смоленске.

ектах происходят регулярно, что приводит к значительным убыткам, остановке производства, снижению инвестиционной привлекательности и человеческим жертвам. В связи с этим представляется весьма важным и необходимым управление рисками в металлургическом комплексе.

Предприятия металлургической промышленности России подвергаются влиянию различных внутренних и внешних факторов, которые являются источниками неопределенности и, следовательно, порождают риски (рисунок).

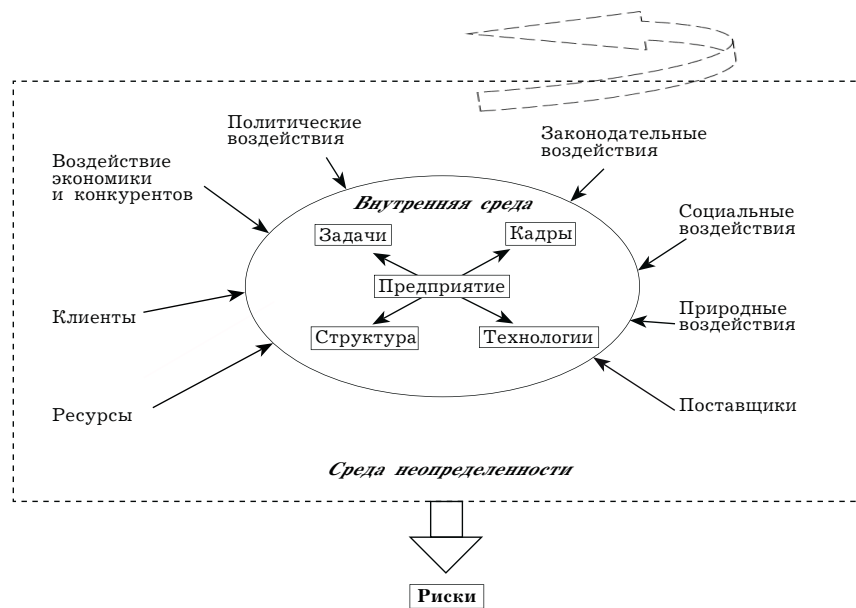

Рисунок. Среда функционирования металлургического предприятия

Факторы внутренней среды зависят от особенностей металлургического предприятия: стратегия руководства, финансовое положение, географическое расположение и т. д. С другой стороны, факторы внешней среды, воздействующие на предприятие, также определяют внутренние факторы. Так, политика государства по отношению к культуре и образованию определяет уровень образования в стране,

который в свою очередь определяет наличие в стране квалифицированной рабочей силы. Чем выше уровень образования, тем ниже воздействие фактора «кадры», связанного с недостаточной компетенцией работников предприятия. Таким образом, внутренние и внешние факторы неразрывно связаны между собой и порождают риски.

Обозначим множество внешних факторов за $X = \{X_1, X_2, \dots, X_n\}$, а внутренних — за $Y = \{Y_1, Y_2, \dots, Y_m\}$. Получаем, что риск (R) — это некая функция от этих факторов, т. е. $R = f(X, Y)$, где $Y = g(X)$, внутренние факторы определяются воздействием внешних. Следовательно, при управлении рисками необходимо учитывать совокупное воздействие факторов и определять интегральные риски. В связи с этим процесс управления рисками должен включать несколько этапов: планирование управления рисками (выбор стратегии и планирование деятельности по управлению проектом); идентификация факторов риска (выявление факторов риска, которые могут оказать негативное влияние на деятельность предприятия; их анализ и оценка особенностей реализации и проявления); определение взаимосвязи факторов риска, определение интегрального риска (на этом этапе выводятся зависимости типа $Y_j = g(X_i)$, т. е. для каждого внутреннего фактора определяется группа воздействующих на него внешних факторов); оценка конкретного вида фактора риска (определение возможных масштабов последствий проявления факторов риска и роли каждого его источника в общем профиле риска предприятия); планирование реагирования на риски (определение процедур и методов по ослаблению отрицательных последствий рисков событий и использованию возможных преимуществ); разработка программы управления риском (исполнение принятых на предыдущем этапе решений о реализации тех или иных методов и мероприятий по управлению рисками); мониторинг и контроль (отслеживание рисков, определение возможных рисков, выполнение плана их управления и оценка эффективности действий по их минимизации).

Для эффективного управления рисками важно выбрать правильный комплекс мероприятий, который позволит их снизить. Для каждого вида рисков в металлургии используются те или иные мероприятия. В таблице представлены данные по предприятиям черной металлургии.

Таблица

Виды рисков в металлургии и методы их снижения

Вид риска	Причина	Метод по снижению
<i>Рыночные риски</i>		
Закупка сырья и материалов	Специфика сырьевых рисков	Диверсификация закупок сырья и материалов: предприятие сможет переключиться на работу с другим поставщиком сырья и материалов при нарушении поставок. Постоянный анализ рынка, долгосрочные контракты с поставщиками, включающие ряд гарантийных условий
Приобретение продукции и услуг естественных монополий	Тарифное регулирование на природный газ и электроэнергию	Методы уклонения: отказ от услуг естественных монополий и повышение самообеспеченности в электроэнергии. Разработка и реализация проектов, направленных на снижение использования природного газа
Поставка готовой продукции	Волатильность цен и введение торговых ограничений на основных экспортных рынках, обострение конкуренции, цикличность отрасли	Методы диверсификации продаж: создание гибкой системы сбыта, позволяющей перенаправить товарные потоки на более благоприятные рынки сбыта. Методы уклонения от вышеуказанных рисков — применение мер по повышению качества продукции и сертификация продукции ведущими российскими и международными организациями, гарантирующими качество

Вид риска	Причина	Метод по снижению
Риск роста величины оборотного капитала	Связывание средств в рабочем капитале компании, снижение финансовой гибкости и ухудшение финансовой устойчивости	Методы компенсации рисков: разработка планов и нормативов для управления запасами и незавершенным производством, а также по работе с дебиторской и кредиторской задолженностью
Транспортные и логистические риски	Высокая доля экспорта в продаже; удаленность источников сырья от производственных активов	Метод распределения рисков: передачи рисков по транспортировке транспортной компании
<i>Операционные риски</i>		
Имущественные риски	Аварии на производстве, а также сокращения доходов в результате перебоев в производстве	Методы компенсации риска: создание системы резервов (запас незавершенного производства и вспомогательных материалов) на случай аварийной остановки. Уклонение от рисков в форме страхования
<i>Инвестиционные риски</i>		
Проектные риски	Осуществление проектов программы развития, технического перевооружения	Методы уклонения от рисков в виде отказа от проектов, эффективность которых вызывает сомнение. Методы диверсификации рисков в виде распределения ответственности между участниками проекта
Риск снижения инвестиционной привлекательности компании	Оценка компании рынком, которая постоянно изменяется	Мониторинг социально-экономической и нормативно-правовой среды, прогнозирование внешней обстановки и прочие методы компенсации

Вид риска	Причина	Метод по снижению
<i>Финансовые риски</i>		
Валютные риски	Колебания курса валют	Диверсификации валютной выручки. Хеджирование, т. е. страхование рисков от возможных изменений валют
Процентные риски	Изменение процентных ставок на рынке капитала	Методы компенсации: анализ изменения процентных ставок, прогнозирование будущей обстановки. Мониторинг финансовых рисков
Уменьшение поступлений в бюджеты субъектов Федерации и местные бюджеты	Снижение конкурентоспособности отечественной продукции	Методы компенсации: стратегическое планирование, активный целенаправленный маркетинг, создание системы резервов, привлечение внешних ресурсов
<i>Социальные риски</i>		
Экологические риски	Неблагоприятное воздействие металлургического производства на окружающую среду	Методы компенсации риска: установка автоматизированной системы управления экологическим риском. Мониторинг химического состава выбросов в атмосферу и сброса сточных вод
Риск снижения уровня занятости	Неблагоприятные условия для развития отрасли	Страхование рисков, диверсификация концентрации риска
Кадровые риски	Низкая компетенция сотрудников	Разработан комплекс корпоративных стандартов в области управления персоналом и мониторинг

Здесь рассмотрена лишь та часть рисков металлургического комплекса, для которых применяются определенные методы по управлению ими, снижающие вероятность возникновения рисков или величину убытков от их возникновения.

Кроме управляемых рисков, на предприятиях металлургии существуют малоуправляемые риски: отраслевые, региональные, страновые, инфляционные и правовые. Несмотря на их сложность и непредсказуемость, предприятия должны применять меры по борьбе с ними. Необходимо уклоняться от мероприятий, риск которых выше, чем возможный доход. Методы уклонения от рисков в случае повышенной неопределенности наиболее надежны, но имеют недостатки. Во-первых, уклонения лишают предприятие дополнительных источников получения доходов и формирования прибыли, отрицательно влияют на темпы его экономического развития и эффективность использования собственного капитала. Во-вторых, уклонение может быть затруднено в связи с контрактными обязательствами фирмы, а в некоторых случаях просто быть невозможным. В-третьих, уход от одного вида риска может привести к возникновению других².

В случае, когда уклонение является невозможным, необходимо воспользоваться локализацией рисков при помощи введения внутренних нормативов в пределах, максимально допустимых для предприятия. Таким образом, внутренние нормативы позволяют контролировать величину убытков в случае возникновения риска. Передавая риски частично или полностью другим более сильным компаниям, металлургическое предприятие снижает вероятность возникновения нежелательных ситуаций или передает часть убытков, связанных с их наступлением.

Из проведенного анализа видно, что исследуемый набор методов далек от совершенства. Некоторые методы только начинают внедряться на передовых металлургических предприятиях РФ. Но даже для малоуправляемых рисков возможно их снижение за счет уклонения, локализации и их передачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Стратегия развития металлургической промышленности России на период до 2020 года // МИНПРОМТОРГ России. Март 2009. URL: <http://www.minprom.gov.ru/activity/metal/strateg/2> (дата обращения: 13.06.2010).

² Ступаков В.С., Токаренко Г.С. Риск — Менеджмент. М.: Финансы и статистика, 2005, С. 256—277.

Н. А. КИСЕЛЕВА М. С. ТЕРЕШКИНА

ОТЛИЧИЯ МЕТОДИК ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНУЮ АТМОСФЕРУ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: земельные отношения, государственная кадастровая оценка земель, социальная напряженность, земельный налог

Key words: land relations, state cadastre valuation of lands, social tension, land tax

Желание иметь в своем распоряжении землю, небольшой участок для личного (коллективного) пользования или территорию для образования государства, расширения его границ всегда порождало социальные конфликты различных масштабов: от частного разногласия между соседями до революций и войн. Земельные отношения — это взаимодействие граждан, юридических лиц, органов государственной и муниципальной власти, объединений граждан, общественных организаций, саморегулируемых некоммерческих организа-

КИСЕЛЕВА Наталья Александровна, доцент кафедры земельного и городского кадастров Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, кандидат социологических наук.

ТЕРЕШКИНА Мария Сергеевна, старший преподаватель кафедры земельного и городского кадастров Пензенского государственного университета архитектуры и строительства.

ций, кадастровых инженеров по поводу владения, распоряжения и использования земельных ресурсов, установления границ земельных участков на местности, приобретения и оформления прав на землю, распоряжения государственной и муниципальной землей, управления земельными ресурсами. Из этого определения видно, что участников земельных отношений достаточно много, а с проведением земельного, административного реформирования их количественный и качественный состав стремительно увеличивается. Чем больше и разнообразнее состав участников общественных отношений, тем сложнее между ними взаимодействия, главным объектом которых является земля (право на нее).

Исторически сложилось, что понятие земельных отношений в России неразрывно связано с различными преобразованиями общественной жизни, которые были обусловлены социальной неудовлетворенностью той или иной группы общества либо являлись следствием земельного реформирования. Необходимо отметить, что земельные отношения, несущие в себе социальную напряженность и неудовлетворенность, являются не только объектом юридического воздействия. Как вид взаимодействий между людьми земельные отношения представляют собой социальные взаимодействия не только между гражданами, но и отношения между классами, группами. Следовательно, негативные земельные отношения отрицательно сказываются на социальной атмосфере в регионах и стране в целом.

Относительно земельных отношений социальная напряженность выражается в неудовлетворенности материальными условиями существования, когда обладание земельным участком сельскохозяйственного назначения на праве собственности — это бремя, от которого огромное число собственников земель сельскохозяйственного назначения стремится избавиться. Это рассогласование экономических интересов, духовных ценностей в отношении земли, когда в преимущественно аграрной стране с самобытным крестьянским образом жизни люди покидают села в поисках более высоких заработков, когда умирают села, возводятся в огромном количестве торгово-развлекательные (непроизводственные) комплексы в городах.

Согласно А. В. Дмитриеву, социальная напряженность имеет сложный, «многослойный» характер, в котором причудливо сочетаются как рациональные, сознательные, так

и иррациональные, бессознательные моменты¹. В сфере земельных отношений на межуровне (регион) социальная напряженность охватывает социальную, экономическую и демографическую сферы. Земельные отношения лежат в основе любой экономической деятельности, поэтому их изучению уделяется много внимания. Однако сегодня ощущается недостаток изучения земельных отношений как социального явления, современной специфики взаимодействий между властью и обществом, внутри социальных групп, а также различных социальных процессов, происходящих в связи с использованием и распоряжением землей.

Государственная кадастровая оценка земель — важный метод экономического управления земельными ресурсами и земельными отношениями. Она, на наш взгляд, может быть еще и способом снятия или нарастания социальной напряженности в зависимости от применяемой методики. Земля в современной России продается и покупается. Но российский земельный рынок весьма молод. Во многом его становление в России, формирование рыночных цен земельных участков, условий продажи и покупки земельных участков зависят от методики государственной кадастровой оценки земель.

Нами проведено сравнительный анализ изменения методического обеспечения государственной кадастровой оценки земель поселений (2002 и 2007 гг.) и выявлено 7 основных отличий, определяющих результаты будущей переоценки.

Новая методика позволила расширить область применения экономико-статистического моделирования и отказаться от использования коэффициентов перехода от стоимости земель одного вида функционального использования к другому с учетом плотности застройки земельных участков различных видов использования. Для земельных участков, занятых уникальными объектами, предусмотрена индивидуальная оценка. В соответствии с методическими указаниями 2007 г. произошло перераспределение видов разрешенного использования (ВРИ): вместо 14 ВРИ использовалось 16. Земельные участки, предназначенные для личного подсобного хозяйства, были приравнены к земельным участкам, предназначенным для индивидуального жилищного строительства. Это основная причина резкого удорожания земель населенных пунктов в селах Пензенской области.

Методика государственной кадастровой оценки земель поселений 2001—2003 гг. на территории РФ предусматри-

вала использование в качестве объекта оценки кадастровый квартал. Недостатком такого подхода была одинаковая кадастровая стоимость 1 м² всех земельных участков, расположенных в границах квартала. Однако существенным плюсом стало относительно небольшое количество объектов оценки (для Пензенской области — 4 197).

На 2001 г., когда становление государственного земельного кадастра в РФ только начиналось, его основной задачей было обеспечение органов государственной власти сведениями о земле для принятия решений по управлению земельными участками. Такая методика кадастровой оценки вполне соответствовала этой задаче. Однако сегодня, когда можно говорить о существовании и функционировании системы государственного земельного кадастра в РФ, такой подход не удовлетворяет сложившиеся потребности.

Методика государственной кадастровой оценки земельных участков в составе земель населенных пунктов 2007 г. предусматривает использование в качестве объекта оценки земельный участок. Это увеличило объем работ (с 4 197 объектов оценки до 441 970) и привело к более точному определению кадастровой стоимости каждого земельного участка в зависимости от его индивидуальных характеристик.

Методика государственной кадастровой оценки земельных участков населенных пунктов 2007 г. устанавливает тесную связь между определяемой кадастровой стоимостью земельных участков и рыночными ценами, сложившимися в регионе, так как кадастровая стоимость определяется как рыночная стоимость единицы площади типичного для оценочной зоны земельного участка, установленная по уровню текущих рыночных цен на аналогичные земельные участки, но она тоже не является совершенной.

В Пензенской области ситуация сложилась таким образом, что рядом расположенные земельные участки имеют кадастровую стоимость, различающуюся в несколько раз. Дело в том, что методики оценки земельных участков базируются на расчете исходя из функционального назначения земельного участка. В оценке есть понятие «принцип наилучшего и наиболее эффективного использования земельного участка (ННЭИ)». Оно заключается в том, что из всех законодательно разрешенных и физически возможных вариантов застройки участка выбирается тот, который максимизирует стоимость. Например, на земельном участке

стоит индивидуальный жилой дом, однако анализ ННЭИ показал, что наиболее эффективное использование состоит в строительстве торгового центра. Соответственно, стоимость будет рассчитываться с учетом доходов, которые будет приносить торговый центр. Собственник земельного участка, даже не планируя его застраивать чем-нибудь иным, кроме дома, должен платить налог, как если бы там был торговый центр. Наряду с преимуществами новой методики ГКОЗНП налицо ее недостатки социального характера.

Отчеты о проведении ГКОЗНП уязвимы с точки зрения их экспертизы. Во-первых, практически ни в одном регионе не выдерживаются нормативные требования по составу членов экспертных комиссий, заполняющих анкеты для расчетов ГКОЗНП. Во-вторых, за базу расчетов редко принимается стоимость земельных участков под каким-либо разрешенным использованием. Чаще всего имеется статистика о продаже жилой недвижимости в многоэтажной жилой застройке либо цена продажи гаражей, либо цена продажи АЗС. Переход к стоимости земельных участков под ними производится не методом техники остатка для земли, а самыми невероятными методами.

Изучив результаты государственной кадастровой оценки земельных участков, предназначенных для размещения административных и офисных зданий, объектов образования, науки, здравоохранения и социального обеспечения, физической культуры и спорта, культуры, искусства, можно сделать вывод, что рост государственной кадастровой оценки земельных участков приведет к их завышенной стоимости. При этом налог также увеличивается, что приведет к повышению расходов местных бюджетов, и без того испытывающих дефицит денежных средств.

Вид разрешенного использования «для ведения личного подсобного хозяйства» изменен на «земельные участки, предназначенные для размещения домов индивидуальной жилой застройки», что повлекло существенное увеличение кадастровой стоимости земельных участков, земельного налога и арендной платы за их пользование. В то же время мы считаем заниженной кадастровую стоимость на земельные участки, предназначенные для:

— разработки полезных ископаемых, размещения железнодорожных путей, автомобильных дорог, искусственно

созданных внутренних водных путей, причалов, пристаней, полос отводов железных и автомобильных дорог, водных путей, трубопроводов, кабельных, радиорелейных и воздушных линий связи и радиофикации, воздушных линий электропередачи конструктивных элементов и сооружений, а также объектов, необходимых для эксплуатации, содержания, строительства, реконструкции, ремонта, развития наземных и подземных зданий, строений, сооружений, устройств транспорта, энергетики и связи;

— размещения наземных сооружений и инфраструктуры спутниковой связи, объектов космической деятельности, военных объектов, так как за счет средств от уплаты земельного налога на такие земли в основном «питается» бюджет.

Проведенный анализ позволил установить, что большинство территорий Пензенской области относится к зоне среднего увеличения кадастровой стоимости. Среднее и максимальное увеличение кадастровой стоимости земель населенных пунктов затронуло районы, граничащие с другими областями. Эти районы удалены от областного центра, в них преобладает сельское население, инфраструктура не развита. Также видно, что земли в городах не подверглись значительному удорожанию (Пенза, Нижний Ломов, Каменка). Эти города и их районы минимально и умеренно удорожали, а в г. Кузнецке стоимость уменьшилась после актуализации. Причины этого следует искать в методике оценки, поэтому необходимо ее совершенствование.

Проведенный сравнительный анализ показал, что изменение размера налогооблагаемой базы налога на землю отражает изменение рыночных цен с 2003 по 2007 г.

В настоящее время расчеты и объем налогооблагаемой базы уточняются. Предполагается введение поправок для системы кадастровой оценки земель населенных пунктов в Пензенской области в 2011 г. Но уже сегодня следует учитывать выявленные противоречия в методике для предотвращения возможных негативных социальных последствий и снятия социальной напряженности в сфере земельных отношений.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Дмитриев А.В. Социальный конфликт: общее и особенное. М.: Гардарики, 2002. С. 94.

С. А. БАРТАНОВ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ДИНАМИКА ЭНЕРГОПОТРЕБЛЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: Республика Мордовия, топливно-энергетические ресурсы, энергобезопасность, динамика энергопотребления, эффективность энергопользования, энергосбережение

Key words: the Republic of Mordovia, fuel and energy resources, energy security, energy consumption dynamics, energy consumption efficiency, energy-saving

За последние сто лет потребление человечеством топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) выросло многократно. Имеет место прямая корреляция между уровнями экономического развития стран, регионов и объемами энергопотребления¹. Масштабы энергопотребления и технический прогресс сделали возможным транспортирование ТЭР и передачу энергии на дальние и сверхдальние расстояния, многократное преобразование форм энергии на пути к конечному потребителю. Однако при этом только немногим более трети всей первичной энергии превращается в конечную энергию, дающую полезный эффект потребителю, в то время как остальные две трети теряются на промежуточных этапах².

В связи с этим в последние десятилетия стала актуальной проблема эффективности энергопользования. Зависимость экономики от энергопотребления на фоне территориального несовпадения производства и потребления ТЭР актуализировала также проблему энергетической безопасности стран и регионов как составляющей их экономической безопасности. Применительно к России, самой большой территории с холодным климатом, эти проблемы наиболее актуальны для энергодефицитных регионов, к которым относится Республика Мордовия.

Известны различные показатели энергоэффективности технико-технологического характера: коэффициент полезного действия, удельные потери в инженерных сетях и др. Экономическую эффективность использования ТЭР применительно к региональному хозяйственному комплексу принято оценивать показателем «энергоэффективность

БАРТАНОВ Сергей Александрович, аспирант отдела социально-экономического развития НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

валового регионального продукта (ВРП)», выраженным в условных единицах затраты ТЭР на производство единицы ВРП. В состав этих затрат включаются все первичные, а также предназначенные для внутреннего потребления импортируемые из-за пределов региона вторичные ТЭР.

При расчете энергоемкости основная трудность заключается в корректном определении энергопотребления. По нашим оценкам, энергопотребление в Мордовии в 2008 г. составило 3 050 тыс. тут, или 3,66 тут/чел. в душевом исчислении, что примерно вдвое ниже среднероссийского показателя³. Динамика энергопотребления за последние пятнадцать лет имеет тенденцию к незначительному росту. Ввиду сокращения численности населения душевой показатель энергопотребления рос более высокими темпами (рис. 1).

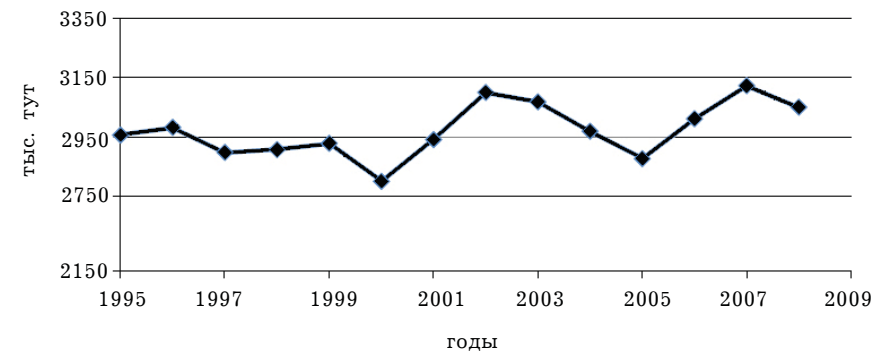

Рис. 1. Динамика энергопотребления

За анализируемый период сильно изменилась и приблизилась к моногазовой структура энергопотребления (таблица).

Потребление природного газа, достигнув в 1996 г. минимума, уже в 2002 г. превысило дореформенный уровень 1990 г. и продолжало расти на фоне сокращения потребления прочих ТЭР. Потребление нефтепродуктов сократилось на 48,7 %, в том числе мазута — на 95,3 %, дизельного топлива — на 40,0 %, бензина автомобильного — на 17,7 %. В результате доля нефтепродуктов в структуре общего потребления снизилась более чем вдвое (с 18,03 до 8,96 %). Сокращение потребления импортируемой электроэнергии на 45,1 % про-

исходило на фоне стабилизации общего электропотребления с 1995 г. Достигнутый душевой показатель электропотребления (3,5 тыс. кВт*ч/чел.) более чем вдвое ниже соответствующего среднероссийского показателя. Вследствие проводимой в республике газификации потребление угля, бытового печного топлива и дров сократилось на 96—97 %, полностью прекращено потребление торфа. После существенного сокращения (с 2004 г.) ввиду использования в качестве моторного топлива начался рост потребления сжиженного газа. На 67 % уменьшилось использование кокса.

Таблица

Структура энергопотребления

Наименование	1995 г.		2008 г.	
	тут	%	тут	%
Всего	2956236,1	100	3050369,0	100
Газ природный	1959446,0	66,28	2633914,0	86,35
Бензин автомобильный	160441,7	5,43	132042,3	4,34
Дизельное топливо	228102,4	7,71	134576,0	4,41
Мазут	144451,4	4,89	6737,7	0,22
Электроэнергия, закупленная для внутреннего потребления	223068,3	7,54	122466,5	4,01
Уголь	180167,4	6,09	4572,4	0,15
Торф	4596,1	0,16	0,0	0,00
Кокс	9378,3	0,32	3052,2	0,10
Дрова	26014,3	0,88	697,7	0,02
Газ сжиженный	18210,4	0,62	12122,0	0,40
Бензин авиационный	80,4	0,00	99,8	0,00
Топливо печное бытовое	2279,4	0,08	88,4	0,00

Рост физического объема ВРП за период с 1995 по 2008 г. составил 134 %, что на фоне низких темпов роста энергопотребления обеспечило более чем двукратное снижение энергоёмкости ВРП (рис. 2).

Применительно к энергодефицитному региону снижение энергоёмкости ВРП является главным фактором повышения энергетической безопасности его социально-экономического комплекса. Несмотря на тенденцию к снижению, энергоёмкость ВРП Мордовии в полтора раза превысила среднероссийский показатель и оказалась самой высокой в Приволжском федеральном округе (ПФО)⁴.

К снижению энергоёмкости ведет увеличение душевого ВРП, за счет чего снижается доля энергозатрат, не свя-

занных с производством (жилищный сектор, социальная сфера). Зависимость энергоёмкости от уровня экономического развития имеет место на макроуровне⁵. Такая зависимость существует и на мезоуровне: средний рейтинг по показателю энергоёмкости ВРП семи экономически наиболее развитых регионов ПФО составляет 6,43 против 8,57 для остальных семи регионов.

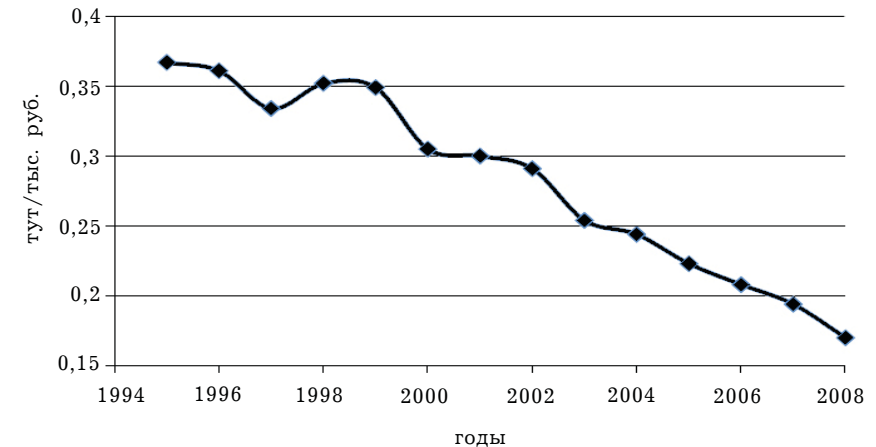

Рис. 2. Динамика энергоёмкости ВРП в ценах 1997 г.

Другим направлением снижения энергоёмкости стало увеличение степени загрузки производственных мощностей, ведущее к сокращению доли условно-постоянных энергозатрат. Для энергодефицитного региона с точки зрения снижения энергоёмкости ВРП принципиально важным фактором является замещение энергоёмких производств высокотехнологичными наукоемкими производствами с высокой добавленной стоимостью. Реализации этого направления в республике придается большое значение (бюджетное стимулирование инновационной деятельности, создание технопарка, углубление переработки сельхозсырья и т. п.).

Названные факторы в основном определяют показанную выше динамику снижения энергоёмкости ВРП республики на этапе восстановительного роста экономики. Вместе с тем Россия располагает самым большим в мире потенциалом энергосбережения, оцениваемого в 40—45 % ВВП,

реализация которого наиболее целесообразна в рамках программно-целевого подхода. В 2010 г. в республике принята уже третья по счету целевая программа энергосбережения. Однако даже по сравнению с другими регионами ПФО (например, Республика Татарстан) результаты реализации в республике политики энергосбережения нельзя признать соответствующими требованиям времени. До сих пор не создана эффективная структура энергосбережения. Отсутствуют стимулы к энергосбережению на муниципальном уровне. Программные мероприятия не доводятся до уровня законченных проектов с обоснованием эффективности и проверяемости результатов реализации проекта. Допускается нарушение комплексности и системности в подходах, что противоречит природе решаемой задачи.

Устранение указанных недостатков, дополненное (как это сделано во многих регионах) региональным законодательным обеспечением политики энергосбережения, регулярным (как минимум, ежегодным) рассмотрением результатов реализации программы энергосбережения правительством республики с внесением необходимых корректировок, позволит повысить эффективность деятельности в сфере энергосбережения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Энергетика России: проблемы и перспективы: тр. науч. сессии РАН: общ. собр. РАН / под ред. В.Е. Фортова, Ю.Г. Леонова. М.: Наука, 2007. С. 21; Бартанов С.А. Энергетический потенциал и экономика регионов Приволжского федерального округа: кластерный анализ // Од вий = Молодая сила: сб. науч. ст. аспирантов и докторантов; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. Вып. 1. С. 7—11.

² См.: Губанов С. Уровень производительных сил: опыт измерения и межстрановой анализ // Экономист. 1994. № 8. С. 2—8.

³ Оценка проведена на основании данных Мордовиястата и ООО «Мордоврегионгаз».

⁴ См.: Независимое экологическое рейтинговое агентство «Рейтинги эколого-энергетической эффективности экономик субъектов Российской Федерации». URL: http://nera.biodat.ru/ratings/regions/calculation_procedure.php (дата обращения: 13.08.2010).

⁵ См.: Башмаков И.А. Энергоэффективность: от риторики к действию. М.: ЦЭНФ, 2001. 224 с.

Поступила 25.08.10.

О. Т. ЕРГУНОВА

МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ МАРКЕТИНГА НА РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

Ключевые слова: территориальный маркетинг, механизм регионального маркетинга, объект регионального маркетинга, потенциал региона, цикловой подход, концепция развития, маркетинговый цикл, брендинг

Key words: territorial marketing, mechanism of regional marketing, regional marketing entity, regional potential, cycle approach, development conception, marketing cycle, branding

Трансформационный период функционирования российской экономики характеризуется наличием различных по продолжительности и силе социально-экономических кризисов, что делает актуальным обоснование развития отечественной региональной экономики на основе принципов современного маркетинга. Устойчивое развитие субъектов РФ возможно при условии перехода к маркетинговому типу развития, который формируется как механизм, направленный на оптимальное согласование целей с возможностями их достижения, активный поиск системного решения возникающих проблем. Одной из наиболее актуальных задач на современном этапе социально-экономического развития российских регионов является коррекция существующих диспропорций промышленных, ресурсных, инновационных, трудовых потенциалов регионов на основе реализации механизма регионального маркетинга.

Для решения проблем управления необходимо сформировать определенный механизм организации маркетинга региона. Под *механизмом регионального маркетинга* понимают упорядоченную последовательность, взаимную согласованность и обоснованность процедур, связанных с

ЕРГУНОВА Ольга Титовна, аспирант кафедры актуальных проблем экономической мысли Чувашского государственного университета (г. Чебоксары).

решением любой проблемы регионального маркетинга, а также определение исходного пункта, отправляясь от которого они должны решаться и которому должен подчиняться весь процесс плановой работы. С учетом этого содержание механизма регионального маркетинга раскрывается в нескольких структурных элементах.

Первый элемент механизма регионального маркетинга предусматривает определение и формулирование системы целей, которые ставятся перед регионом в планируемом периоде. Любой субъект регионального маркетинга на этой стадии должен определить цели планируемой системы и перевести их на язык задач, что позволяет получить некий график их выполнения, предусмотреть четкую формулировку задач и разработать критерии оценки их выполнения, исключить возможные противоречия и конфликты между задачами. Второй элемент — это анализ исходного уровня состояния объекта регионального маркетинга в предплановый период. Возможности социально-экономического развития региона во многом предопределяются наличными производственными мощностями, трудовыми ресурсами и другими факторами воспроизводства, которые появились в предплановый период. Третьим структурным элементом является изучение объема и структуры потребностей общества, его отдельных подсистем в планируемом периоде, четвертым — выявление объема и структуры ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей общества и хозяйствующих субъектов. Пятый элемент — это согласование ресурсов и потребностей, приведение их в соответствие между собой. Большое значение на этой стадии имеют ранжирование потребностей по признаку наибольшей насущности, а также выделение системы приоритетов в удовлетворении потребностей.

Современные тенденции развития экономики и общества требуют использования в региональном маркетинге не только системного, но и интеграционного подхода, нацеленного на исследование и усиление взаимосвязей между отдельными подсистемами и элементами региональной экономической системы, стадиями жизненного цикла регионального маркетинга, уровнями управления по вертикали, субъектами управления по горизонтали. Этот подход создает основу для выявления и реализации новых возможностей использования рыночного потенциала региона.

Важной составной частью механизма регионального маркетинга стала его методика, представляющая собой совокупность методов, приемов разработки, обоснования и анализа прогнозов, стратегических программ и планов всех уровней, временных горизонтов, системы расчетов плановых показателей, их взаимной увязки¹. К основным методам и приемам относятся экспертные (оценочные) или эвристические методы, методы социально-экономического анализа, методы прямых инженерно-экономических расчетов, балансовый метод, экономико-математические методы и модели, методы системного анализа и синтеза.

Реализация механизма регионального маркетинга имеет свои особенности. Модель регионального маркетинга как основополагающего элемента социально-экономической политики региона выполняет несколько функций: 1) аналитическую (исследование внутрирегиональных и внешних рыночных условий, рынков региональных продуктов и определение конкурентных преимуществ регионального потенциала); 2) производственную (организация региональной системы реализации конкурентных преимуществ совокупного регионального продукта внутри и вне региона); 3) распределительную (организация региональных каналов материальных и нематериальных потоков на основе балансов природных, технологических, кадровых, финансовых, информационных, интеллектуальных и иных ресурсов; проведение тарифной и ценовой политики; использование маркетинговых инструментов в области продвижения и брендинга региона на внутренних и внешних рынках); 4) управленческую (тактическое и стратегическое планирование, информационное обеспечение регионального маркетинга, контроль).

Модель регионального маркетинга реализуется посредством методологии циклического подхода, в основе которого лежит теория циклов, в соответствии с которой реализация механизма регионального маркетинга определяется как совокупность элементов, представляющих собой этапы цикла, где каждый последующий процесс основывается на предыдущем. Этапами регионального маркетингового цикла являются определение целей регионального маркетинга, проведение маркетинговых исследований внешней среды развития региона, формирование внешних и внутренних потребностей экономики региона, определение параметров регионального

продукта (использование имеющихся и создание новых местных преимуществ), разработка концепции развития и стратегии маркетинга, осуществление продвижения продукции региона на региональных рынках, ситуационный анализ внешнего позиционирования, корректировка целей и методов их достижения.

Следует отметить, что основным содержанием политики регионального маркетинга в рамках цикла являются правильное и оптимальное продвижение региона во внешней среде, его адекватное позиционирование среди других регионов, занятие им своей ниши для избежания конкуренции. В качестве основного средства такой политики выступает брендинг территории. Формирование бренда территории и управление его продвижением — это приоритетная задача экономического, социального и политического развития региона. Именно успешность бренда региона влияет на обеспечение устойчивого и привлекательного имиджа территории, привлечение внешних инвестиций, наращивание хозяйственного потенциала, укрепление интеграционных и кооперационных связей, трансляцию региональных достижений и инициатив.

Таким образом, в современных условиях развития региональной экономической системы существует необходимость создания системы многоуровневого маркетингоориентированного управления развитием региона, что обуславливает актуальность обоснования модели нового социального и экономического развития региона в XXI в. Именно решение проблемы правильного позиционирования и продвижения региона на межрегиональном рынке является важнейшим фактором обеспечения его устойчивого социально-экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Сачук Т.В. Новое качество региональной политики в контексте сочетания интересов государства и территории // Федерализм. 2005. № 1. С. 117—128.

Поступила 29.03.10.

Круглый стол

«МАРКЕТИНГ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ В ПОСТКРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ»

15 июля 2010 г. в г. Саранске состоялся круглый стол «Маркетинг в системе управления предприятием в посткризисных условиях». Его проведение было инициировано кафедрой маркетинга Мордовского государственного университета, службой маркетинга ОАО «Завод „Саранскабель”» и Торгово-промышленной палатой Республики Мордовия. В работе круглого стола приняли участие руководители служб маркетинга и ведущие специалисты-маркетологи предприятий и организаций Мордовии. Выступавшие отметили, что в условиях преодоления последствий мирового финансово-экономического кризиса, быстрого изменения потребительских ценностей, бурного развития современных информационных технологий, роста конкуренции на национальных, региональных и международных рынках принципиально меняются научные взгляды на маркетинг, его место, роль и практическую значимость в бизнесе и современном обществе.

Маркетинг как философия бизнеса представлен на всех направлениях и этапах его развития, начиная от анализа и планирования, разработки возможностей компании и заканчивая распределением продукции, стимулированием продаж и послепродажным обслуживанием. Маркетинг как искусство эффективной работы на рынке способствует интеграции всех видов деятельности компании с позиций требований рынка, обеспечения ее конкурентоспособности и поиска конкурентных преимуществ. Маркетинговые активы (бренды, стратегии, лояльность потребителей, эффективные взаимоотношения с деловыми партнерами и др.) выступают важнейшими составляющими в системе нематериальных активов компании.

В практике отечественных предприятий до сих пор не уделяется должного внимания не только стратегическому, но и операционному маркетингу. Он представляется как затратная область деятельности компании. Соответственно, необоснованно принижена роль маркетинговых служб, которые чаще всего рассматриваются как центры затрат.

Финансирование маркетинговой деятельности нередко осуществляется по остаточному принципу или в рамках сложившихся традиционных подходов (в процентах от объема продаж или прибыли) без учета поставленных перед маркетинговой службой целей и задач. Сложившееся положение в значительной мере обусловлено неспособностью ученых и маркетологов-практиков аргументированно обосновывать эффективность вложений в маркетинг, определять его стратегическую и финансовую значимость.

В стадии становления находится деятельность маркетинговых служб в коммерческих банках, страховых компаниях, учреждениях сферы услуг. Мало внимания уделяется использованию концепций, методов и инструментов маркетинга на региональном и муниципальном уровнях управления, в сфере малого и среднего бизнеса.

Участники круглого стола рекомендовали обратить особое внимание и направить усилия предприятий и организаций реального сектора экономики, учреждений сферы услуг, органов государственной власти и широких слоев общественности на решение таких задач, как идентификация и эффективное использование маркетинговых активностей для наращивания рыночной стоимости и капитализации республиканских компаний; повышение роли стратегического маркетинга в деятельности отечественных предприятий, организаций и учреждений и овладение его инструментами специалистами высшего и среднего звеньев управления; формирование современной методической базы маркетинговых исследований, адаптированной к условиям деятельности отечественных предприятий и организаций в посткризисных условиях; использование инструментария маркетингового аудита для своевременного выявления возникающих проблем, ошибок и открывающихся у предприятия возможностей; активизация деятельности маркетинговых служб и более широкое использование методов и инструментов маркетинга в коммерческих банках, страховых компаниях и учреждениях сферы услуг; создание предпосылок для формирования внутреннего маркетинга, направленного на рассмотрение сотрудников компании в качестве клиентов; создание маркетинговых служб в региональных и муниципальных органах власти для повышения имиджевых характеристик, конкурентоспособности и инновационной привлекательности

регионов и муниципальных образований; более широкое использование возможностей СМИ и интернет-ресурсов для освещения теоретических проблем маркетинга и реальных проблем маркетинговых практик; повышение качества подготовки и уровня компетентности специалистов в области маркетинга; расширение спектра образовательных программ по подготовке и переподготовке кадров по маркетингу; активизация работы по формированию маркетингового мышления у учащихся общеобразовательных школ, профессионально-технических и среднеспециальных учебных заведений.

В рамках круглого стола рассматривался ряд дискуссионных проблем о месте и роли маркетинга в системе управления предприятием в посткризисных условиях. Вниманию читателей предлагаются материалы выступлений некоторых участников круглого стола.

Е. А. Неретина,
заведующая кафедрой менеджмента
Мордовского государственного университета,
доктор экономических наук, профессор

Качественный маркетинг — ключ к корпоративному успеху

«Маркетинг не только шире простого сбыта, а вообще не является специализированным видом деятельности. Это — весь бизнес целиком, рассматриваемый с точки зрения конечного результата, то есть с точки зрения потребителя». Эти слова были написаны признанным авторитетом в области менеджмента П. Друкером в 1954 г.¹ Между тем не только на многих отечественных предприятиях, но даже в зарубежных фирмах маркетинг на стратегическом уровне управления либо не представлен вообще, либо работает неэффективно. Например, только 61 % из 1 000 крупных европейских фирм имеет в совете директоров руководителей службы маркетинга². Чтобы быть представленными на высшем уровне управления компанией, маркетологам необходимо не только владеть методами и инструментами стратегического менеджмента и маркетинга, но и иметь предпринимательские навыки, связанные с разработкой общекорпоративной стратегии, бизнес-планов, принятием решений по мобилизации и эффективному использованию ресурсов, управлению рисками. Следовательно, они должны

хорошо ориентироваться в проблемах управления материальными и денежными потоками, источниках формирования активов, наращивании рыночной стоимости компании и капитализации активов.

Маркетинговая модель, основанная на традиционных способах передачи рекламных сообщений широкой аудитории, выделении отличительных характеристик продукта, использовании традиционных каналов распределения и уравнительном подходе к клиентам, становится неэкономичной и неэффективной. Существует настоятельная потребность коренного изменения маркетинга.

Многие ученые и практики сегодня все больше говорят о необходимости революционных преобразований в маркетинге. Качественный маркетинг считается ключом к корпоративному успеху у 77 % руководителей маркетинговых подразделений и у 78 % руководителей, не имеющих отношения к маркетингу³. В то же время проведенное в 2004 г. исследование проблем в области маркетинга одной из хорошо известных мировых консалтинговых компаний Booz Allen Hamilton показало, что недооценка роли маркетинга и многие проблемы в этой области обусловлены сложностью оценки эффективности маркетинговых решений.

Это исследование позволило выявить три наиболее значимые проблемы, мешающие эффективной работе маркетинговых служб компании. Было установлено, что у более чем половины всех исследованных компаний планы маркетинговых подразделений и руководства между собой не увязаны. Несмотря на то что 70 % компаний реорганизовали свои отделы маркетинга, положение директора по маркетингу остается плохо определенным по сравнению с руководителями других служб. Одной из самых острых потребностей функции маркетинга является достоверный анализ рентабельности инвестиций (ROI), однако вместо измерений ROI во многих компаниях до сих пор используются суррогатные показатели, основанные на экспертных оценках.

В настоящее время в реальной практике используются два типа управления компаний. Это *реактивное управление*, где исходным началом являются рыночные потребности, и *проактивное управление*, базирующееся на внутренних возможностях компании. В основе первого типа управления лежит маркетинговая концепция, второго — ресурсная концепция управления фирмой.

В настоящее время компании работают в рамках различных концепций маркетинга (транзакционного, социально ориентированного, маркетинга взаимоотношений, CRM и др.). Однако большинство из них в качестве основополагающей идеи использует клиентоориентированный подход. Эта идея поддерживается или чаще всего декларируется менеджерами многих зарубежных компаний. Они также довольно высоко оценивают значимость потребительской лояльности. Однако даже в зарубежных компаниях только 13 % менеджеров, включая менеджеров по маркетингу, тратят свое личное время на общение с клиентами. По сведениям компании Ogilvy, менее 30 % фирм имеют какие-либо конкретные планы действий, способные активно стимулировать потребительскую лояльность, а 75 % не знают, почему они теряют клиентов⁴.

Являясь ключевой фигурой на рынке, современный клиент уже далеко не тот, что был в прошлом столетии. Он принципиально изменился. Современный клиент более грамотный и разборчивый. Он демонстрирует профессиональное поведение на традиционных и электронных рынках продуктов и услуг. Его спрос становится все более избирательным, так как потребитель не только владеет большими объемами разнообразной информации, но и хорошо осознает чувство своей власти в условиях возможности широкого выбора товаров и услуг, роста конкуренции и борьбы продавцов за его лояльность. В связи с этим многие фирмы-производители товаров и услуг приходят к пониманию того, что сегодня недостаточно удовлетворять ожидаемые потребности клиентов, необходимо их превзойти, т. е. предвосхитить потребителя. Значит ли это, что постулаты «Клиент всегда прав», «Клиент — это король» — реалии сегодняшнего дня? Безусловно, нет, так как современные взаимоотношения в бизнесе и в обычной жизни гораздо сложнее и многообразнее. Клиенты не всегда хорошо разбираются в некоторых вещах, особенно в ситуациях на промышленных и комплексных рынках.

Для компаний, работающих в рамках ресурсной концепции управления, роль маркетинга заключается не в том, чтобы своевременно и быстро адаптироваться к рыночным ситуациям, а самим формировать и направлять рынки. Это возможно благодаря наличию у них ключевых компетенций,

позволяющих создавать принципиально новые продукты и технологии, аналогов которых сегодня нет на рынке. Маркетологи, работающие в таких компаниях, призваны формировать клиентскую базу, ориентируясь на те проблемы, которые помогут решить потребителям новые продукты и технологии. Они должны обеспечить клиенту понимание его выгоды, найти способы взаимодействия. Кроме того, они призваны сохранять баланс между интересами различных участников бизнеса (акционерами, менеджерами, сотрудниками компании, а также клиентами, поставщиками, дистрибьюторами, инвесторами и др.). При этом маркетолог должен выступать в своеобразной роли адвоката, защищающего интересы клиента, тесно при этом сотрудничая со специалистами функциональных подразделений и другими заинтересованными группами. Следовательно, маркетологи должны быть сопричастны ко всем бизнес-процессам компании.

При этом необходимо иметь в виду, что модели убеждения клиентов купить тот или иной продукт работают все хуже. В связи с этим лучшие компании все больше направляют свои действия на вовлечение клиентов в процессы разработки, продвижения товаров, оценки и контроля деятельности компаний-поставщиков (продавцов). Они стараются выработать у своих клиентов (особенно у ключевых) чувства эмоциональной привязанности, доверия и приверженности, используя технологии брендинга. Бренды таких компаний ассоциируются у потребителей как «свои» в конкретной категории товаров и услуг, поэтому они служат основой формирования категории лояльных клиентов. В настоящее время бренды и лояльность потребителей — важнейшие нематериальные активы компаний. У лучших мировых компаний только бренды составляют до 60—70 % их рыночной стоимости.

Другим важнейшим условием успеха компании на рынке является разработка стратегий взаимодействия с разными категориями клиентов на основе их сегментирования и построения эффективных каналов распределения. Прежде фирма должна сформировать целевые группы потребителей, адекватно реагирующие на ее маркетинговые предложения.

В хорошо управляемых компаниях маркетинговые решения, как правило, являются частью солидарной ответственности высшего руководства. Эффективный менеджмент ломает

традиционные представления о месте и роли маркетинга в компании. Более того, в ряде стран создаются институциональные структуры для решения проблем маркетинга. Например, в Великобритании создан Орган установления стандартов маркетинга и сбыта (MSSB).

Таким образом, маркетинг — это не просто одна из функциональных областей деятельности компании, а особая сфера деятельности, имеющая отношение ко всей компании, которая призвана работать на рынке. Поэтому маркетинг — это корпоративный склад ума. Маркетинговое мышление должно быть у всех сотрудников компании, так как деятельность каждого из них должна ориентироваться на клиента. В связи с этим особую значимость приобретает внутренний маркетинг, который в качестве клиентов рассматривает сотрудников компании. Их мотивированность на достижение целей фирмы, удовлетворенность и лояльность служит основой формирования эффективных отношений с внешними клиентами. Следовательно, чем умнее компания будет выстраивать взаимоотношения с внешними и внутренними клиентами, тем значительнее будет ее успех.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Друкер П. Пять важнейших вопросов о вашей организации // «Юрайт». 2009. 128 с.

² См.: Гембл П.Р., Тапп А., Марселла Е., Стоун М. Маркетинговая революция. Днепропетровск: Баланс-Бизнес Букс, 2007. С. 14—16, 43.

³ Там же. С. 38—39.

⁴ См.: Сьюэлл К. Клиенты на всю жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. С. 240.

Н. Н. Мелькина,
заведующая кафедрой экономики и управления на предприятии
Мордовского государственного университета,
кандидат экономических наук, доцент

Концептуальные основы управленческого маркетинга

Маркетинговая концепция управления компанией — доктрина, принятая и широко используемая в бизнесе всеми зарубежными фирмами и корпорациями с начала 90-х гг. XX в. В настоящее время в связи с глобализацией экономики и ростом конкуренции понимание необходимости ориентации производства на спрос, рынок пришло и к отечественным предпринимателям.

Маркетинг, создавая и продвигая потребительскую ценность, формирует и удерживает рынок для компании, обеспечивает долговременные денежные потоки и создает стоимость для акционеров. Во взаимодействии с другими функциями компании он нацелен на решение значительного круга общекорпоративных задач. Следовательно, современный маркетинг следует рассматривать как процесс, объединяющий в себе различные функции организации, а не как отдельную структурную единицу. В маркетинговой среде в настоящее время у фирмы появляются новые приоритеты: в области продукта — использование инноваций, цен — ориентация на ценовую чувствительность, распределения — развитие интерактивных связей, коммуникаций — формирование имиджа торговой марки и марочного капитала. Таким образом, зоной ответственности маркетинга становятся не только продажи, но и ряд иных функций, во многом определяемых уровнем организации и стратегии. Прежде всего, это управленческая функция, призванная обеспечивать нацеленность всех аспектов бизнеса на создание дополнительных потребительских ценностей и их реализацию на конкурентном рынке.

Однако переход на новые принципы управления компанией сопряжен с рядом проблем методологического и практического характера. Методологически важно уяснить, что маркетинг — это философия, организационная культура, процесс и технология управления компанией, которые ориентируются на усиление рыночной позиции, а также что он работает на корпоративном, функциональном и операционном уровнях управления, обеспечивает необходимой информацией при принятии стратегических и тактических решений. На практике интеграция маркетинга в функциональную и организационную структуру управления компанией требует уточнения и взаимоувязывания задач, решаемых ее службами в контексте маркетинговой идеологии. Это вызывает недопонимание, а иногда и сопротивление со стороны персонала традиционно существующих отделов и подразделений предприятия.

Широкий спектр маркетинговых концепций (производственной, товарной, сбытовой, традиционного, социально ответственного, финансового и маркетинга партнерских отношений) дает большой выбор компаниям в методах и способах работы в бизнесе.

Оперирующая на рынке компания управляет тремя сферами отношений: потребителями, поставщиками и фирмами, занимающимися перепродажей. Если в микроэкономической парадигме объектами анализа являются товары, цены, фирмы и транзакции, то в концепции маркетингового управления — люди, организации и социальные процессы, связывающие их в единую систему отношений. Власть маркетинговых каналов, особенно в глобальном контексте, меняет многие сложившиеся представления об отношениях между производителем и дистрибьютором и о торговых структурах, приводя к разработке моделей стратегического маркетингового партнерства вместо традиционных моделей конкуренции.

В связи с этим предстоит решить две основные задачи. Первая состоит в разработке расширенного понятия маркетинговой функции внутри фирмы, которая будет отражать ее роль в компаниях, выходящих на рынок через многозвенные партнерства, и учитывать наличие в организации ряда стратегических уровней. Вторая задача сводится к разработке базы эмпирических исследований, которые позволили бы расширить наше понимание сил, приводящих к появлению систем долгосрочных отношений с потребителями, стратегических партнерств с поставщиками, альянсов, призванных стимулировать совместные разработки в сфере технологий, и структур, связанных со становлением управления и расторжением партнерств.

Если историческая модель управления маркетингом определялась в основном экономикой, статистикой, математикой, психологией и социальной психологией, то расширение маркетинговой функции неизбежно влечет за собой необходимость привлечения политической экономии, теории управления, теории организации, организационной психологии, правового анализа, политологии и культурной антропологии. Политэкономическая и бихевиористская модели отвечают прежде задачам изучения стратегических аспектов маркетинговой функции. Проблемы же продаж или функции стимулирования спроса более целесообразно анализировать в рамках микроэкономической парадигмы. Принципы организационного поведения как науки могут быть использованы при исследовании таких присущих партнерским отношениям явлений, как переговоры, коалиции, создание команд,

разрешение конфликтных ситуаций и групповые процессы, связанные, например, с разработкой новых товаров. Большинство маркетинговых трансакций осуществляется в контексте достаточно долгосрочных отношений. Соответственно, нам необходимы модели, в которых основной упор делается на самих этих взаимоотношениях, а не на процессах обмена, которые являются основным предметом рассмотрения теорий, базирующихся на микроэкономической парадигме.

Таким образом, маркетинг становится концепцией, определяющей систему управления предприятием, влияющей на организационную структуру, информационное обеспечение, принятие управленческих решений, работу с персоналом, инвестирование, планирование, систему контроля и т. п. Но это не означает, что для ее реализации в компании обязательно должны создаваться маркетинговые службы с полным комплексом функций. Достаточно того, чтобы идеологией и технологией маркетинга владел весь персонал, в том числе топ-менеджмент должен решать задачи стратегического маркетинга, профильные специалисты — тактического, а маркетинговые функции могут быть перераспределены как между внутренними подразделениями предприятия, так и внешними специализированными организациями. Такой подход способствует появлению разных типов организации маркетинга. Самый высокий уровень — это интегрированный (с полным спектром обязанностей), с учетом степени ответственности; следующий уровень — стратегический (функциональный) тип организации маркетинга, ориентированный на товарную политику, корпоративную стратегию и обслуживание. Далее следуют организация маркетинга, нацеленная на продажи, с соответствующим приоритетным направлением и ограниченная организация маркетинга с минимальными обязанностями.

Разнообразие организационных форм маркетинговой деятельности говорит о разрушении традиционных моделей маркетинга в компаниях. Сложность внешней среды обуславливает образование децентрализованных или матричных форм организационной структуры маркетинга, в то время как непредсказуемость и взаимосвязанность способствуют созданию структур, ориентированных на товар или программу. Все сказанное свидетельствует о том, что в перспективе возможно появление гибридных организационных

структур компаний, которые будут сочетать вертикальные структуры, организованные вокруг функций или отделов, с горизонтальными, или ориентированными на процесс, структурами. Успех ждет те организации, которые хорошо знают свой уровень компетенции и квалификации и ориентируются на собственных потребителей, изыскивая возможности и процедуры для обеспечения лучшего качества. Таким образом, маркетинговая концепция управления компанией рассматривает взаимодействие с потребителями как основной стратегический актив.

Е. В. Лукашова,
начальник службы маркетинга ОАО «Завод „Сарансккабель”»

Улучшение работы ОАО «Завод „Сарансккабель”» на основе эффективного использования маркетинговых инструментов

Мировой финансово-экономический кризис оказал негативное влияние на все сферы экономики России. С особенно непростой ситуацией столкнулись производители кабельно-проводниковой продукции (КПП). Кабельные заводы ощутили резкое сокращение емкостей рынков своей продукции. Снижение объемов жилищного строительства, сокращение инвестиций в энергетический и телекоммуникационный комплексы многократно ужесточили и без того сложную конкурентную ситуацию на рынках КПП. Это обусловило необходимость укрепления рыночных позиций за счет поиска новых конкурентных преимуществ.

Основными факторами, определяющими потребительское предпочтение на рынке КПП, являются цена, качество и сроки поставки. До экономического кризиса основной стратегической задачей производителей было обеспечение высокого качества выпускаемой продукции. В кризисной ситуации значение качества как основного средства конкурентной борьбы существенно снизилось, уступив место цене. Именно этот фактор стал главным критерием потребительского выбора. Чтобы привлечь клиентов, производители начали бессистемно снижать цены, используя скидки, специальные предложения и другие средства стимулирования сбыта продукции. Это привело к ситуации, когда продукцию стали продавать ниже себестоимости, а демпинг стал единственным действенным

оружием в конкурентной борьбе. В этих условиях предприятиям кабельной промышленности не оставалось ничего другого, как стремиться минимизировать издержки.

В числе тех, кто на себе ощутил подобного рода «оптимизацию», оказались подразделения, реализующие на предприятиях функции маркетинга. Сокращение расходов на маркетинг привело к снижению маркетинговой активности предприятий. ОАО «Завод „Сарансккабель”» не стал исключением. Он столкнулся с теми же проблемами, что и большинство предприятий, главной из которых являлось существенное снижение объемов размещаемых заказов. При этом, несмотря на кризис, руководство приняло решение сохранить курс на обеспечение высокого качества продукции.

Возникшие сложности заставили пересмотреть всю систему организации работ в ОАО «Завод „Сарансккабель”». Основное внимание руководство завода сосредоточило на оптимизации бизнес-процессов, особенно на улучшении маркетинговой деятельности. До финансово-экономического кризиса на предприятии существовал отдел маркетинга. Однако его деятельность осуществлялась в рамках концепции транзакционного маркетинга, т. е. была ориентацией на сбыт. Отдел состоял только из менеджеров по продажам, которые обеспечивали выполнение плана продаж, взаимодействовали с клиентами, заключали договоры и занимались отгрузкой продукции, а другие маркетинговые функции не реализовывались.

Для улучшения сложившейся ситуации была проведена реструктуризация коммерческой деятельности. В ОАО «Завод „Сарансккабель”» создана служба маркетинга, состоящая в настоящее время из двух подразделений: отдел маркетинговых исследований и отдел рекламы и связей с общественностью. Такой подход к организации маркетинга позволил в значительной мере перестроить и активизировать деятельность службы маркетинга завода.

Службой маркетинга с января по июль 2010 г. проведен ряд маркетинговых исследований: общий анализ рынка высоковольтного кабеля с напряжением 110—500 кВ (это позволило объективно оценить сложившуюся ситуацию); исследование потребности российского рынка в магистральных кабелях (это позволило обосновать нецелесообразность запуска производства магистрального кабеля с медной жилой,

так как он морально устарел); оценка целесообразности постановки на производство кабеля «последней мили» (LAN-кабелей с числом пар 25 и выше); оценка рентабельности производства NYM кабеля ЗАО «Цветлит» для выработки ценовой политики предприятия.

Службой маркетинга при поддержке службы продаж осуществлен мониторинг удовлетворенности потребителей.

Для повышения эффективности деятельности службы продаж, а также прозрачности и контроля ее деятельности служба маркетинга выступила с инициативой проведения на регулярной основе sales-митингов, дающих реальные результаты. Проведение sales-митинга и тренинга продаж способствовало повышению эффективности работы службы продаж, а также сплоченности сотрудников службы маркетинга и сбыта.

Учитывая специфику работы на рынке КПП, особое внимание в работе службы маркетинга в настоящее время уделяется поиску различных инструментов, активизации личных продаж и способов непосредственного общения с потребителями. С этой целью организуется участие ОАО «Завод „Сарансккабель”» во всех крупных специализированных выставках, конференциях и семинарах для потребителей. На заводе существует также практика выездных презентаций кабельной продукции для VIP-клиентов и перспективных потребителей.

В сознании сотрудников существует устойчивый стереотип: репутация предприятия как надежного поставщика высококачественной продукции зависит от результатов труда каждого работника, на предприятии особое внимание уделяется поощрению подачи рационализаторских предложений. Денежные и другие виды поощрений мотивируют работников завода к разработке инноваций.

Служба маркетинга также активно участвует в реализации социальных функций в деятельности предприятия. В рамках подготовки к празднованию 60-летия завода проводился смотр-конкурс творчества детей работников ОАО «Завод „Сарансккабель”», основная задача которого заключалась в обеспечении возможности детям реализовать себя в различных видах деятельности с учетом их ценностных ориентаций, потенциальных возможностей, личных особенностей. Проведение конкурса позволило интегрировать

корпоративные интересы предприятия с личными интересами сотрудников и их семей, способствовало сплочению коллектива, формированию командного духа.

Таким образом, опыт ОАО «Завод „Сарансккабель”» свидетельствует о том, что в современных условиях невозможно успешно преодолевать кризисные ситуации (а тем более развиваться) без отлаженной системы оперативного и стратегического маркетинга.

С. С. Новожеева,

преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии
Мордовского государственного университета

Управление стоимостью компании на основе маркетингового подхода

Управление стоимостью компании представляет собой интегральный процесс, направленный на качественное улучшение стратегических и тактических решений по уровням организации за счет концентрации усилий на ключевых факторах создания стоимости. Известно, что в качестве ключевых факторов создания стоимости рассматриваются активы компании (материальные и нематериальные).

Одним из подходов, способных обеспечить эффективное функционирование организации, является концепция управления стоимостью компании, особенно ее маркетинговый аспект. При ориентировке на краткосрочную перспективу решающее значение для стоимости компании будет иметь управление материальными активами. Если думать о долгосрочных перспективах, то серьезным источником стоимости компании являются не материальные, а именно маркетинговые активы. Эта группа источников стоимости показывает ценность предприятия (его продукта) для потребителей и инвесторов, а также факторы возрастания ценности в долгосрочной перспективе.

Именно нематериальные источники составляют основу маркетингового подхода к управлению стоимостью компании, так как единственными активами, имеющими ценность, являются те, которые прямо или косвенно, сейчас или в будущем вносят свой вклад в продажи и обеспечивают рентабельность.

В настоящее время нет единого подхода к классификации маркетинговых активов. Маркетинговые преимущества

фирмы базируются на знании рынка, торговых марках, лояльности потребителей и стратегических отношениях с партнерами. Некоторые исследователи выделяют три стратегических актива: бренды, потребители, отношения в каналах. Мы согласны с приведенными выше точками зрения, однако считаем, что с учетом современных тенденций развития бизнеса необходимо добавить корпоративную культуру, основанную на маркетинговой концепции управления, и формализованную маркетинговую стратегию.

Активная маркетинговая политика, нацеленная на развитие и приумножение маркетинговых активов компании, является важнейшим средством увеличения их прибыльности и стоимости. Проблема заключается в том, чтобы среди известных подходов (рыночного, доходного, затратного) важно выбрать метод оценки нематериальных активов, оптимальный для конкретной компании. Так, рыночный (сравнительный) подход связан с определением рыночной стоимости активов на основе цен продаж объектов сравнимой полезности. Применение доходного подхода строится на оценке инвестиционной привлекательности компании и ее активов, от которых в будущем ожидается получение определенных выгод. Затратный подход позволяет определить рыночную стоимость объекта с точки зрения издержек на создание маркетингового актива.

Так, наиболее оптимальным, исходя из критерия рыночной стоимости акций на данный момент, для ОАО «Завод „Сарансккабель”» является использование доходного подхода. Для расчета рыночной стоимости этого предприятия были использованы такие показатели, как средний курс доллара, выручка, прибыль отчетного года, отчисления на содержание социальной сферы, прибыль в распоряжении предприятия и коэффициент капитализации. Последний был определен на основе расчета уровня доходности для собственного капитала, несистематических рисков, в частности, странового риска и риска, связанного с экстремальными условиями, и составил 17 %, что соответствует рыночной стоимости ОАО «Завод „Сарансккабель”» в размере 8 711 158 дол.

На наш взгляд, структура ключевых факторов стоимости «Сарансккабеля» должна включать следующие группы: 1) организационные (слаженная система управления и связи в ней, количество ошибок в текущей деятельности на одного

исполнителя, высокая квалификация персонала, навыки и умения, оперативность принятия решений, компьютеризация производства); 2) финансовые (темп роста прибыли, инвестиционный поток, снижение удельных издержек на единицу продукции, сроки окупаемости инвестиций, увеличение маржи операционной прибыли); 3) маркетинговые (знание рынка, потребительская лояльность, выстраивание долгосрочных стратегических отношений, выбор конкурентных преимуществ, создание сильных торговых марок, формализованная маркетинговая стратегия).

Руководством ОАО «Завод „Сарансккабель”» при решении вопросов, касающихся увеличения стоимости предприятия, наибольший акцент делается на росте за счет финансовых активов, удельный вес которых составляет 70 баллов (таблица). Маркетинговым активам не уделяется должного внимания, их удельный вес в структуре факторов составляет лишь 5 баллов, а ведь они являются основным источником максимизации стоимости предприятия в долгосрочной перспективе.

Таблица

Источники стоимости ОАО «Завод „Сарансккабель”»

Группа активов	Вес актива, балл						Суммарный вес группы	Стоимость группы, тыс. руб.
	1	2	3	4	5	6		
Организационные	9	4	5	5	2	—	25	71649,3
Финансовые	15	17	26	6	6	—	70	100617,9
Маркетинговые	1	1	1,1	0,7	0,6	0,6	5	14329,8
Итого							100	

На наш взгляд, данная структура источников не отвечает современной концепции развития компании, так как маркетинговые активы — один из важных резервов повышения стоимости компании. Изменение структуры факторов в сторону распределения значимости в пользу нематериальных активов, по нашим расчетам, приведет к росту рыночной капитализации в 1,3 раза, стоимости торговых знаков и патентов — на 2 %, показателя рентабельности инвестиций — в 1,5 раза, а средневзвешенной цены капитала — на 3,3 %.

Таким образом, оптимизация источников стоимости компании должна быть проведена в рамках маркетинговой концепции управления стоимостью, что будет способствовать повышению ресурсной эффективности функционирования компании.

С. В. Палкин,

коммерческий директор «МегаФон-Мордовия»

Маркетинг: мифы и ошибки

В современной конкурентной среде необходима быстрая генерация управленческих решений, не только позволяющих получить максимальный эффект, но и избежать возможные риски. Потребность в таких решениях ощущается особенно остро, так как сценарии возможного развития событий, влияющих на результаты предпринимательской деятельности, если и прогнозируются, то с крайне низкой вероятностью. Действия других участников рынка, как правило, вообще не предсказуемы. В связи с этим возникла идея поиска готовых решений, гарантирующих высокую эффективность бизнес-деятельности, а также безопасность предпринимаемых действий и предсказуемость последствий в обозримом будущем. Подобные ожидания гарантий связаны с маркетингом. Насколько объективны такие ожидания, а также можно ли предусмотреть будущее? Если это невозможно, то можно ли избежать ошибок? Что является закономерностью, а что мифом, разрушенным практикой маркетинга?

Миф первый: «Знание теории — это рецепт успеха и страховка от неудач». Сложился стереотип: чтобы делать, надо знать, а чтобы знать, надо почитать. Больше читаю — больше знаю! Больше знаю — меньше вероятность, что ошибусь. Ответственность за возможную ошибку в этом случае можно возложить на «первоисточники». По мнению И. Б. Манна, существует три причины того, что изучения литературы для эффективной практики маркетинга недостаточно. Во-первых, исследований отечественных авторов очень мало. На русский переведены работы зарубежных ученых, а они описывают практику своих компаний. Во-вторых, маркетинг — наука развивающаяся, поскольку описывает процессы, которые сами по себе весьма стремительны. В-третьих, современный маркетинг — это не теория, а практика. Главное в маркетинге — знать, что и как сделать и взять. Иначе руководитель рискует быть окруженным «экспертами» от маркетинга, каждый из которых будет прекрасно разбираться в том, что следует предпринять, никто ничего не сделает, а рекомендации останутся благими пожеланиями¹.

Миф второй: «Структура 4P». В настоящее время «4P» — это завершённый этап теории, ставший классикой. Применительно к современным условиям, на наш взгляд, следует к 4P добавить, как минимум, еще два элемента: Personal (Персонал) и Positioning (Позиционирование). Комплекс маркетинга требует специальных знаний и навыков, поэтому логично предположить, что его должны осуществлять сотрудники, обладающие специальной подготовкой, поэтому «Персонал» становится неотъемлемой частью совокупности других «P». Позиционирование определяет внутренний мотив потребителя, потому что дает потребителю ответ на вопрос «В силу каких причин я покупаю именно этот продукт?».

Отдавая должное неоднократно блестяще зарекомендовавшей себя системе «4P», нельзя обойти вниманием концепцию «6C»: Consumer Needs (Нужды потребителя), Consumer Value (Потребительская стоимость), Consummation Positioning (Позиционирование потребления), Communications (Коммуникации), CRM (Система управления взаимоотношениями с клиентами), Convenience To Buy (Удобство покупки). Неважно, сколько в комплексе маркетинга элементов 4, 6 или более, они могут быть связаны единой литерой «P» или «C», как и любой другой. Главное, чтобы руководство компании понимало, что стоит за этими буквами, а также почему у нее количество элементов именно такое, а не другое.

Миф третий: «Надо изучить спрос». Именно этим стереотипом подпитывается то, что в бизнес-практике получило название «маркетинговые войны». Однотипные компании, исследуя одни и те же целевые аудитории на одних и тех же территориях, приходят к схожим выводам, которые заставляют их выпускать однообразные продукты, продвигая их одинаковыми способами по аналогичным каналам. Это диктует единственный вариант активных действий — ценовую войну.

«Лучший способ предсказать будущее — создать его!». Суть этого афоризма заключается в следующем: если есть нечто, достойное затрат на маркетинговые исследования, то это нужды. Именно они предопределяют товары рыночной новизны, и, соответственно, нишевые предложения обеспечивают лишь нишевые продажи.

Миф четвертый: «Маркетинг — это креатив». Это очень распространенное заблуждение, доставшееся нам от

«зари маркетинга». Тогда, действительно, многое приходилось пробовать, выдумывать, создавать. Теперь приходится считать. Сегодня критерием успеха является не эпатажный ролик, не рейтинг узнаваемости торговой марки, а критерий «стало ли денег на расчетном счете больше?». Если да, то это была прекрасная акция. По крайней мере, собственники бизнеса думают именно так.

Миф пятый: «Нам нужен хороший маркетолог!». Маркетинговая функция давно стала неотъемлемым элементом бизнес-процесса современных компаний. Однако до сих пор работодатели идут по ложному пути, когда, нанимая дипломированного специалиста, не конкретизируют собственных ожиданий от деятельности маркетингового подразделения. Результатом отсутствия формулировки таких ожиданий является расхождение в представлении миссии службы маркетинга. По мнению работодателя, нанимая квалифицированного специалиста, он получает Marketing Sales (маркетинг, который продает), в то время как сам маркетолог рискует уйти полностью в Marketing Research (маркетинговые исследования). В данном случае уже на этапе первой встречи должны быть четкие договоренности о содержании трудового контракта.

Миф шестой: «Сегментация». В настоящее время много внимания уделяется сегментированию и мало — позиционированию. Представим, что из продажи была изъята одна торговая марка. Очевидно, что покупатели найдут замену в виде других марок этого же продукта, но не откажутся от его потребления. Позиционирование определяет внутренний мотив потребителя, потому что, как правило, дает потребителю ответ на вопрос «Почему я покупаю именно этот продукт?».

Миф седьмой: «Реклама должна быть». Реклама должна работать. Речь не идет о каких-то астрономических бюджетах. Необходимых продаж вполне можно добиться инструментами стимулирования спроса, получившими название «маркетинг без бюджета». Примеры низкокзатратного, но не низкоэффективного маркетинга можно обнаружить в практике большинства малых предприятий и деятельности индивидуальных предпринимателей.

Миф восьмой: «Нейминг». Всерьез рассчитывать на то, что будущие продажи Вам гарантированы одним лишь именем

торговой марки, не приходится. Продажи, основанные на продвижении «продуктов» с самыми разными наименованиями, — хорошая площадка для вариантов рекламных обращений. Однако продвигает продукт хорошо спланированная рекламная кампания, сочетающая в себе как управление каналами коммуникации, так и частоту рекламных обращений, включая, разумеется, и другие факторы продвижения, но не имя само по себе.

Миф девятый: «Профессионалы сделают лучше». Это так и не так. Чтобы спланировать вывод нового продукта на рынки нескольких субъектов РФ одновременно, стоит привлечь профессионалов. Но набросать варианты рекламной листовки смогут и ваши специалисты, имеющие представление о любом графическом редакторе, например, Corel Draw. Вряд ли результат будет принципиально отличаться от продукта, который за соответствующий гонорар Вам предоставит стороннее рекламное агентство. Как минимум, при этом фирма сэкономит время, необходимое на разработку технического задания для внешнего исполнителя.

Миф десятый: «Маркетинг — страховка от ошибок». По нашему мнению, это самый вредоносный миф из всех рассматриваемых. Маркетолог-практик застрахован от профессиональных ошибок не больше, чем врач или судья. Сам по себе он не является ни гарантией, ни страховкой от возможных последствий, которые могут случиться в результате принятых управленческих решений. Безусловно, у ошибок есть цена, часто она оказывается достаточно высокой. Однако совершенно нестрашно допускать ошибки, а страшно совершать непоправимые ошибки. Отличную помощь усилиям по управлению рисками и нивелированию возможных угроз могут оказать навыки прогнозирования, бюджетирования, построения моделей, матриц возможностей, карт риска и другие не самые сложные, но достаточно эффективные методы. В целом их можно охарактеризовать как элементарную предусмотрительность, позволяющую видеть наиболее вероятные варианты сценариев возможного развития событий ближайшего будущего.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Манн И.Б. Маркетинг на 100 %: ремикс: как стать хорошим менеджером по маркетингу. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 384 с.

К. Г. Самолькин,
аспирант кафедры менеджмента
Мордовского государственного университета

Необходимость и предпосылки реструктуризации ЗАО «Ельниковская ДСПМК» на принципах маркетинга

Реструктуризация промышленного предприятия является одним из способов адаптации к постоянно изменяющимся условиям внешней среды, приведения его организационной, производственной и финансовой структур в соответствие с требованиями рынка и стратегии развития.

Проведенный анализ производственно-сбытовой деятельности ЗАО «Ельниковская ДСПМК» показал, что в настоящее время рыночные потребности и внутренние возможности предприятия не являются сбалансированными. Основные проблемы ЗАО «Ельниковская ДСПМК» — отсутствие занимающегося маркетингом структурного подразделения, недостаток квалифицированных специалистов, небольшая доля предприятия на рынке, низкая степень загрузки производственных мощностей, слабо развитые маркетинговые коммуникации с потребителями.

Результаты анализа свидетельствуют о низких значениях профиля ЗАО «Ельниковская ДСПМК». Наиболее приближенными друг к другу являются реальные и требуемые рыночной средой показатели эффективности хозяйственной деятельности, качества выпускаемой продукции, экологичности производства. Целевой рынок и его субъекты не достигли должного уровня экологической сознательности и понимания действующего законодательства. Однако проведенное исследование покупательских предпочтений выявило увеличение потребления изделий из дерева по причине их экологической чистоты.

Анализ факторов внутренней и внешней среды подтвердил необходимость проведения комплексной реструктуризации, включающей наряду с маркетинговой и другие направления функциональной реструктуризации. В настоящее время приоритетной зоной хозяйствования ЗАО «Ельниковская ДСПМК» стало выполнение подрядных работ по строительству автомобильных дорог и возведению зданий. Остальные виды деятельности являются вспомогательными, обслуживающими потребности корпоративных потребителей.

Они технологически не связаны с основным производством и основаны на разных активах, технологиях и процессах, что усложняет процесс управления предприятием и снижает общую эффективность его деятельности. Создание группы конкурентоспособных стратегических производственных единиц (центров затрат, прибыли и инвестиций) в результате организационно-правовой, финансово-экономической, производственной реструктуризации позволит увеличить финансовую устойчивость и гибкость предприятия, оптимизировать налоговую нагрузку, построить рациональную схему управления предприятием с использованием современных информационных технологий, повысить эффективность функционирования отдельных хозяйственных единиц посредством совершенствования производственных процессов, структурировать инновационно-инвестиционную деятельность.

В основе комплексной программы реструктуризации должно быть маркетинговое направление, ориентированное на покупателей и подкрепленное комплексом мер, нацеленных на удовлетворение потребностей рынка. Реструктуризация на принципах маркетинга представляет собой инструмент, позволяющий переориентировать деятельность предприятия на принципы маркетинга (ориентация на потребителя, гибкое реагирование на изменение требований рынка, необходимость дифференцированного подхода к рынку, ориентация на нововведения и долгосрочную перспективу).

Кризисный этап рыночных преобразований характеризуется неопределенностью и неустойчивостью конкурентных позиций деревообрабатывающих предприятий Мордовии. Такая ситуация может привести не только к потере конкурентоспособности, но и поставить вопрос о выживаемости предприятия. Для обоснования необходимости реструктуризации ЗАО «Ельниковская ДСПМК» на принципах маркетинга были определены основные конкуренты предприятия на основе опроса потребителей. Анализ конкурентного профиля заключается в сравнении компаний по ключевым факторам успеха. Основным конкурентом ЗАО «Ельниковская ДСПМК» является торговая сеть «Дровосек». Анализ показывает, что торговая сеть «Дровосек» превосходит ЗАО «Ельниковская ДСПМК» по широте ассортимента, уровню сервиса, известности, относительной доле рынка. При этом по расположению производителя к рынкам сбыта ЗАО

«Ельниковская ДСПМК» имеет более высокую оценку. Это объясняется тем, что продукция торговой сети завозится в республику из других регионов России.

Неудовлетворительное конкурентное положение, занимаемое ЗАО «Ельниковская ДСПМК», свидетельствует о необходимости проведения реструктуризационных мероприятий на принципах маркетинга. Именно маркетинговый подход к управлению позволяет «увязать» внутренние возможности предприятия с потребностями, определить целевую ориентацию предприятия и выиграть в конкурентной борьбе.

В качестве стратегической цели ЗАО «Ельниковская ДСПМК» целесообразно, на наш взгляд, выбрать укрепление позиций на региональном рынке за счет увеличения доли деревообрабатывающей продукции на 5 % в течение 2011—2012 гг. При этом укрепление позиций должно осуществляться за счет увеличения объемов продаж по товарным группам высокой степени переработки.

На втором этапе процесса реструктуризации необходимо разработать стратегические альтернативы формализации и уточнения стратегий развития предприятия. Более широкие возможности для выбора стратегических маркетинговых решений на корпоративном уровне представляет матрица Мак-Кинзи, позволяющая принимать решения по эффективному использованию потенциала предприятия (ось ОХ) в зависимости от различных уровней привлекательности рынка (ось ОУ) (таблица).

ЗАО «Ельниковская ДСПМК» находится в 5 квадранте, следовательно, ему необходимо сосредоточить внимание на улучшении позиций и росте доходов. Соответственно, основным стратегическим направлением развития предприятия является оборонительная стратегия («усилить или удержать»). Выбор этой стратегии можно обосновать тем, что потенциал реализации традиционных лесоматериалов и конструкций из дерева, выпускаемых предприятием, остается достаточно высоким. Однако степень износа основных производственных фондов составляет 56 %, степень загрузки имеющихся мощностей — от 50 до 90 %. Снижение объемов продаж в 2008—2009 гг. связано с общим кризисным состоянием российской промышленности, недостаточностью ресурсов (особенно трудовых), низкой степенью информированности потребителей о продукции производителя. Кроме того,

спрос на некоторые товарные позиции (паркет) снижается с каждым годом, что приводит к затовариванию рынка и снижению общей рентабельности. Оборонительная стратегия обеспечит предприятию более глубокое проникновение на рынок и увеличение доли на региональном рынке за счет формирования маркетинговой стратегии и тактики, разработки текущего и перспективного ассортимента с учетом покупательского спроса, использования стимулирующих цен, сокращения сроков доставки товаров до потребителей, формирования концепции продвижения продукта на рынок.

Таблица

Стратегические альтернативы развития ЗАО «Ельниковская ДСПМК»

Привлекательность рынка (отрасли)	Сильная	1. Доходность за счет привлекательности отрасли	4. Инвестиции для закрепления на рынке	7. Инвестиции для защиты лидерства
	Средняя	2. Борьба за улучшение позиций и рентабельность	5. Борьба за улучшение позиций и увеличение дохода	8. Инвестиции для усиления конкурентных преимуществ
	Слабая	3. Выход из бизнеса	6. Защита конкурентных позиций при минимуме инвестиций	9. Извлечение прибыли благодаря хорошим позициям
		Слабая	Средняя	Сильная
Стратегическое положение (конкурентная позиция)				

Таким образом, в современных условиях реструктуризация предприятия на принципах маркетинга становится объективной необходимостью, так как может обеспечить его конкурентоспособность и создать некоторые конкурентные преимущества продукции предприятия. Реструктуризационные мероприятия актуальны для ЗАО «Ельниковская ДСПМК» в связи с усилением конкурентной борьбы на республиканском рынке лесоматериалов, небольшой долей рынка, занимаемой предприятием, его неустойчивым положением. Предлагаемая ЗАО «Ельниковская ДСПМК» оборонительная стратегия развития ориентируется на увеличение доли рынка, повышение финансовой устойчивости предприятия и его инвестиционной привлекательности.

Ю. В. Глухов,
аспирант кафедры государственного и муниципального управления
Мордовского государственного университета

Роль маркетинговой службы в работе сельскохозяйственного потребительского снабженческо-сбытового кооператива

В отличие от других стран в сельском хозяйстве России существенное развитие получила горизонтальная кооперация, что нельзя сказать о вертикальной, которая развивается медленно. В результате товаропроизводители, оставаясь поставщиками сельскохозяйственного сырья, независимо от форм собственности и хозяйствования, несут большие потери (30—40 % прибыли от суммы реализации готового продукта, которая оседает у перерабатывающих и снабженческих предприятий, многочисленных посредников, в транспортных организациях, оптовой и розничной торговле).

За последние несколько лет разработаны специальные правительственные программы развития сельскохозяйственной кооперации, предусматривающие широкую гамму мероприятий по созданию правовых, организационных и экономических условий для развития кооперативов именно вертикального типа и их государственной поддержки. В результате реализации этих программ в Мордовии в 2010 г. было создано порядка 260 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, из них 213 — это снабженческо-сбытовые (СПССК). Предпочтение СПССК отдано неслучайно. Эти кооперативы позволяют решить ряд проблем, с которыми сталкиваются сельхозтоваропроизводители: сбыт и реализация продукции; поставки ГСМ, семян, удобрений; транспортные услуги и др. Создание СПССК может обеспечить гарантию востребованности продукции каждого предприятия, правильную организацию налогообложения, условия привлечения инвестиций.

Создание СПССК позволит использовать ряд преимуществ интегрированного предприятия: повысить отдачу от уже имеющихся средств за счет улучшения управления предприятием; стабилизировать экономику предприятий за счет сближения интересов товаропроизводителей, перерабатывающих и торговых структур; расширить возможности регулирования уровня закупочных цен на сельскохозяйствен-

ную продукцию и отпускной цены на конечную продукцию; централизовать финансовые средства и инвестировать их в наиболее узкие места; стабилизировать хозяйственные связи за счет повышения надежности и упрочения взаиморасчетов по предприятиям, связанным в технологическую цепочку; добиться денежной стабильности и противодействовать инфляционным процессам.

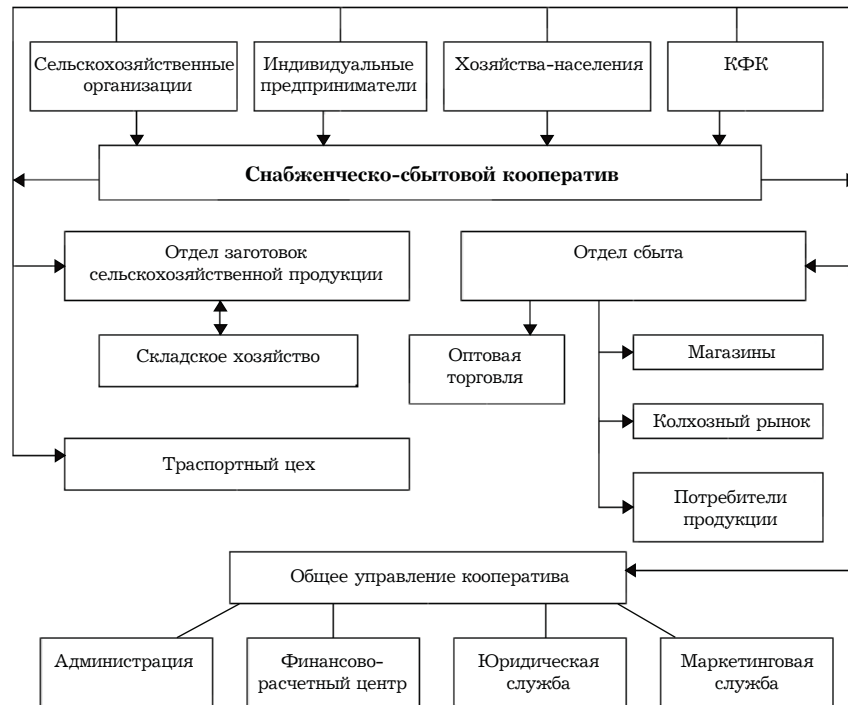

Рисунок. Перспективная организационная структура снабженческо-сбытового кооператива

В составе общего управления кооператива перспективной организационной структуры СПССК, представленной на рисунке, наряду с администрацией, финансово-расчетным центром и юридической службой должно существовать управление маркетинговой службы. Несмотря на то

что в настоящее время среднее по размерам российское сельскохозяйственное предприятие не может позволить себе организовать и содержать такое подразделение, его необходимость в условиях рыночных отношений очевидна. Например, при формировании рынка сбыта продукции предприятия, на которых отсутствует маркетинговая служба, несут значительные потери при бартерных сделках и обращении к посредникам. Наличие такой службы позволит минимизировать подобные потери. Также централизованная служба маркетинга СПССК будет решать значительную часть снабженческо-сбытовых проблем его участников. Одновременно она способна выполнять функции уполномоченного государством заказчика и поставщика продовольствия в федеральный и региональный фонды.

Действуя как рыночный агент, СПССК должен быть заинтересован в обеспечении эффективного комплекса агромаркетинга, основными функциями которого являются сбор, хранение, анализ информации и прогнозирование конъюнктуры и тенденций развития основных показателей продовольственных и других рынков, на которых работают сельскохозяйственные товаропроизводители; поиск оптовых и розничных торговых партнеров, торговое представительство и формирование пакетов соглашений и договоров для обеспечения сбыта продукции и услуг сельхозпроизводителей; мониторинг конкурентной ситуации, положения аграрных товаропроизводителей, содействие в разработке и осуществлении стратегий обеспечения конкурентных преимуществ по товарам и услугам, производимым в районе; мониторинг инновационных решений и проектов для внедрения, поиск бюджетных и внебюджетных источников финансирования; разработка бизнес-планов, планов по маркетингу сельскохозяйственной продукции, их поддержка и исполнение, оценка и снижение рисков, увеличение прибыли.

Наличие маркетинговой службы в структуре СПССК и реализация вышесказанных функций создадут дополнительные условия для эффективного функционирования широкой сети сельскохозяйственных потребительских кооперативов, что обеспечит повышение доходов и занятости их членов, особенно мелких и средних сельхозтоваропроизводителей.

А. В. Макаркин,
директор Регионального центра содействия
трудоустройству выпускников вузов РМ,
кандидат педагогических наук

Востребованность выпускников специальности «маркетинг» на рынке труда Республики Мордовия

Проблемы востребованности и трудоустройства выпускников на рынке труда наиболее актуальны в кризисный и посткризисный периоды. Кризис оказал неравномерное и разноплановое воздействие на различные секторы экономики. В 2009 г. более 85 % компаний ощутили те или иные потери в связи с экономическими проблемами, в три раза упала потребность российских работодателей в выпускниках высших профессиональных учреждений. К середине 2010 г. около 20 % российских компаний продолжало испытывать кризисные тенденции¹.

Такая ситуация по-прежнему негативно влияет на рынок труда молодых специалистов — выпускников 2010 г., несмотря на то что число официально зарегистрированных безработных граждан снижается. Так, по состоянию на 29 сентября 2010 г. официально зарегистрированная безработица в России составила 1,62 млн чел. (2,1 % от экономически активного населения), общая безработица составляет 5,4 млн чел. (более 7 %)². Однако 19 % выпускников 2010 г. Мордовского государственного университета остались нетрудоустроенными, в то время как показатель официальной безработицы среди выпускников меньше в 1,4 раза аналогичного показателя экономически активного населения и составляет 1,5 %.

Следует отметить, что в результате кризисных явлений, оказавших корректирующее влияние на рынок труда, спрос снизился не на все специальности. Определенная группа специальностей стала более востребованной. Сегментируя рынок труда выпускников для проведения анализа востребованности отдельных специальностей, отметим, что в целом по России большинство из востребованных профессиональных позиций находится в области продаж и работы с клиентами, в сфере инженерии и производства, информационных технологий. Наименее востребованными профессиональными позициями являются творческие и гуманитарные профессии, должности в сфере управления персоналом.

В конце 2009 — начале 2010 г. возросла востребованность тех направлений, на специалистов которых в начале кризиса в большей степени сократился спрос (экономисты, управленцы, маркетологи и т. п.). Можно предположить, что студенты этих специальностей в 2010—2011 гг. будут трудоустраиваться более эффективно, чем в 2009 г. Так, в 2010 г. по сравнению с 2009 г. спрос на маркетологов увеличился в два раза³.

Анализируя статистику занятости выпускников специальности «маркетинг» Мордовского государственного университета, можно отметить, что показатель общей занятости в 2009 г. по сравнению с 2008 г. не изменился и составил 93 %. В 2007 г. он составлял 100 %, что объяснялось первым годом выпуска. Однако даже в первый год выпуска трудоустройство по специальности составило 47,4 %, в 2008 г. в связи с кризисными явлениями показатель составил 41,7 %⁴. В этот период большинство работодателей предпочло снижать издержки за счет упразднения или минимизации служб маркетинга. Однако уже в 2009 г. тенденция с трудоустройством маркетологов в Мордовии повторила общероссийскую тенденцию: доля трудоустроенных по специальности увеличилась почти в два раза и составила 70,4 %.

Региональным центром содействия трудоустройству выпускников вузов Республики Мордовия были разработаны показатели, отражающие степень влияния кризиса на востребованность той или иной специальности (ширина коридора вариативности и степень изменения показателя трудоустройства по специальности). На основе этих показателей был проведен анализ спроса на выпускающие специальности, составлены их рейтинги. Кризис оказал негативное влияние на трудоустройство выпускников специальностей «агрономия», «финно-угорская филология», «технология машиностроения», «стандартизация и сертификация», «геоэкология», «ветеринария», «микроэлектроника и твердотельная электроника», «менеджмент организации», «сети связи и системы коммутации». Значительно улучшилось трудоустройство выпускников специальностей «маркетинг», «химия», «промышленная электроника», «технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции».

Основной причиной увеличения спроса на выпускников-маркетологов стала трансформация характера конкуренции

между компаниями от ценовой к маркетинговой. Большая часть организаций стала осознавать, что для продвижения и реализации продукции необходимы новые рекламные стратегии и маркетинговые кампании. Молодые специалисты, владеющие знаниями, необходимыми для успешного бизнеса, способны удовлетворить запросы работодателей.

Третья часть выпускников 2009 г. (29,6 %), отследив тенденцию стабилизации рынка труда маркетологов в Москве, покинули республику для трудоустройства. В 2010 г., по данным анкетирования выпускников, планировали уехать за пределы региона для трудоустройства около 30 %, что более чем в два раза превышает средний показатель по другим специальностям. Среди причин выезда маркетологов наиболее существенной является «низкая заработная плата в регионе» (70 %). По причине «отсутствия работы по специальности» трудоустраиваются за пределами Мордовии 23 % выпускников специальности «маркетинг».

Таким образом, можно сделать вывод, что в результате кризиса 2008—2010 гг., корректирующего современный рынок труда, маркетологи стали более востребованы. В Мордовии также наблюдается увеличение спроса на маркетологов, но в меньшей степени. Это в определенной мере обуславливает трудовую миграцию специалистов в другие регионы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Исследование проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов на современном рынке труда Центра тестирования и развития «Гуманитарные технологии». URL: <http://teletesting.ru/modules/center/index.php> (дата обращения: 20.10.2010).

² См.: Голикова Т.А. Об итогах реализации региональных программ, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации, в 2010 году и задачах по поддержке рынка труда в 2011 году. Выступление министра здравоохранения и социального развития Российской Федерации Т.А. Голиковой 30 сентября 2010 г. // Официальный сайт Минздравсоцразвития России. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/labour/employment/170> (дата обращения: 04.10.2010).

³ См.: Исследование проблем и перспектив трудоустройства выпускников вузов ...

⁴ См.: Макаркин А.В. Система содействия трудоустройству выпускников в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева. Саранск: ООО «13 РУС», 2010. 132 с.

Н. В. ИВАШКИНА

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: этнокультурная образовательная политика, этнокультурное образование, образовательное пространство региона, управление образованием, общественные организации, взаимодействие

Key words: ethno-cultural educational policy, ethno-cultural education, regional educational space, education management, public organisations, interaction

Этнокультурные аспекты образования относятся к проблемам, которые затрагивают основу процесса трансляции культуры от поколения к поколению и связывают различные области гуманитарного знания. Взаимодействие государственных и общественных структур с точки зрения их интеграции для формирования эффективной этнокультурной образовательной политики приобретает особо важное значение в контексте необходимости сохранения в России (многонациональном и полиэтничном государстве) единого интеллектуально-образовательного пространства¹.

Взаимодействие государства с обществом осуществляется постоянно. Это делает сферу образования одним из важнейших пространств поиска оптимальных взаимоотношений и взаимодействий государственного и общественного начал. Система образования является одним из основных институтов и инструментов формирования субъектов гражданского общества. Именно в школе появляется первый опыт (успешный или нет) гражданского самосознания и поведения.

Формирование национально-гражданской идентичности посредством образовательных программ — одно из основных направлений государственной образовательной политики².

ИВАШКИНА Наталия Владимировна, заведующая сектором региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета.

С учетом задач модернизации общества и образования актуальными являются исследования этнокультурного образования как фактора формирования гражданской идентичности. Это обуславливает необходимость проведения мониторинга развития и модернизации этнокультурной образовательной политики в региональном социуме.

В рамках научно-исследовательской темы «Исследование механизмов формирования региональной и этнокультурной образовательной политики в условиях модернизации российского общества» НИИ регионологии Мордовского государственного университета в 2007 и 2009 гг. были проведены социологические исследования в форме экспертного опроса по теме «Механизмы взаимодействия системы образования и институтов гражданского общества по формированию этнокультурной образовательной политики в регионе», а в 2010 г. полученный материал был дополнен глубинными интервью с руководителями образовательных учреждений этнокультурной направленности по этой тематике. Данные исследования позволяют провести сравнительный анализ оценок отдельных процессов формирования этнокультурной образовательной политики и более всесторонне рассмотреть проблемы ее реализации.

Большинство экспертов считает, что в Мордовии реализуется вполне взвешенная этнокультурная образовательная политика (в 2007 г. — 47,0 %, в 2009 г. — 62,5 %). Отвечая на вопрос углубленного интервью «Как Вы понимаете этнокультурную образовательную политику?», руководители образовательных учреждений отметили, что это в основном *«важный компонент воспитательной и образовательной деятельности любого образовательного учреждения», «возвращение к корням национальной культуры, восстановление справедливости в отношении языка, традиций», «формирование и воспитание высокообразованных, физически и нравственно здоровых, духовно богатых людей, которые ценят и берегут свою национальную культуру, уважают культуру других народов».*

В 2009 г. сместились акценты по поводу приоритетности реализации основных направлений региональной этнокультурной политики. Первое место было отдано преподаванию родного языка (29,2 %) (в 2007 г. это было развитие сети учреждений по возрождению, сохранению и

развитию национальной культуры — 32,0 %). Второе место оказалось у повышения уровня профессиональной подготовки педагогических кадров (27,8 %) (в 2007 г. это было возрождение и развитие народных промыслов — 30,0 %), третье — у развития сети учреждений по возрождению, сохранению и развитию национальной культуры (27,5 %) (в 2007 г. это было преподавание родного языка — 24,0 %). Такая рокировка произошла за счет изменения мнений экспертов, работающих в образовательных учреждениях, и представителей общественных организаций. В интервью руководители образовательных учреждений отмечали, что основными направлениями этнокультурной образовательной политики являются преподавание родного языка, истории и культуры, научно-исследовательская работа, проведение конференций, внеклассная работа с учениками по этнокультурной тематике.

По-прежнему наиболее острой проблемой этнокультурной образовательной политики остается низкое финансово-экономическое обеспечение (2009 г. — 53,2 % и 2007 г. — 70,0 %), однако в 2009 г. особую актуальность приобрела проблема материально-технического (2009 г. — 51,1 % и 2007 г. — 38,0 %) и кадрового обеспечения (2009 г. — 34,0 % и 2007 г. — 10,0 %). Активная работа Министерства образования РМ и общественных организаций республики позволила снизить почти в два раза напряженность с недостатком учебно-методического обеспечения (2007 г. — 42,0 % и 2009 г. — 23,4 %).

Эту ситуацию подтверждают и интервью с руководителями образовательных учреждений, где проблемы финансирования и кадров также являются приоритетными. Однако интервьюеры отмечают и другие проблемы: сложность литературного языка (несоответствие разговорному), нежелание отдельной части родителей приобщить своих детей к языку и культуре региона, плохая проработанность методического и дидактического материалов.

Как и в 2007 г., эксперты в 2009 г. отметили большое внимание региональных органов власти к развитию этнокультурного образования в республике, чего нельзя сказать об органах местного самоуправления и общественных организациях. Так, доля тех, кто считает, что органы местного самоуправления уделяют этому вопросу недостаточное или

скорее недостаточное внимание, увеличилась с 46,0 % в 2007 г. до 52,1 % в 2009 г. Такая же ситуация сложилась и с общественными организациями (с 42,0 % в 2007 г. до 52,0 % в 2009 г. соответственно). Эти тенденции нашли свое отражение и в интервью: *«влияние общественных организаций абсолютно не чувствуется, может быть, где-то в Саранске они активно действуют, а вот на периферии их деятельности нет, к нам они не приезжают»*. Если в опросе 2007 г. основной причиной недостаточного внимания институтов гражданского общества к формированию этнокультурной образовательной политики называлось отсутствие нормативно-правовых, экономических и других основ участия (62,0 %), то в 2009 г. эта позиция несколько ослабла (47,5 %), и более заметной стала причина неразвитости общественного сектора (45,0 %) (28,0 % в 2007 г.).

Основным и наиболее эффективным механизмом взаимодействия государственных и общественных структур по вопросам формирования этнокультурной образовательной политики эксперты в 2009 г. назвали создание координационных и консультационных государственно-общественных органов, занимающихся вопросами формирования этнокультурной образовательной политики. Оценивая действующие региональные программы развития образования как эффективные, почти все эксперты в 2009 г. полагали, что существует необходимость разработки и принятия программы развития этнокультурного образования в республике (в 2007 г. — 88,0 %, в 2009 г. — 95,8 %).

Сравнивая предложения экспертов по формированию эффективной этнокультурной образовательной политики в 2007 и 2009 гг., можно отметить, что в 2007 г. они в большей степени касались финансирования и совершенствования нормативно-правовой базы. В 2009 г. предложения стали касаться более конкретных мер: создания электронной базы данных по этнокультурной образовательной политике; закрепления молодых кадров в области этнокультурного образования; создания координационных и консультационных государственно-общественных органов, занимающихся вопросами формирования этнокультурной образовательной политики, и т. п. Это свидетельствует, на наш взгляд, что у экспертов формируются конкретные предложения, направленные на повышение эффективности этнокультурной образовательной политики в регионе.

Отвечая на вопросы о перспективах дальнейшего развития этнокультурной составляющей образовательного процесса, интервьюеры в 2010 г. отметили, что *«перспективы развития этнокультурного образования во многом зависят от того, насколько государство будет заинтересовано в этом развитии»*, *«нужны стимулы, нет стимулов — нет перспектив»*, *«этнокультурная составляющая в образовательном процессе необходима, чтобы мы не забывали свои корни и культуру»*, *«должна быть преемственность в этнокультурном образовании (от детского сада до вуза)»*, *«школа старается сделать больше в этнокультурном направлении, но не все от нее зависит. Нужно, чтобы к этому вопросу более ответственно подошли и органы власти, и общественные организации, и родители»*.

Анализ результатов социологических исследований показал, что наиболее эффективными механизмами формирования этнокультурной образовательной политики являются стимулирование участия общественных структур в ее формировании, создание координационных и консультативных государственно-общественных органов, занимающихся вопросами формирования такой политики. В качестве недостатка эксперты отметили довольно низкий интерес общественных организаций к проблемам формирования этнокультурной образовательной политики.

Сравнительный анализ полученных данных, проведенных в 2007 г., 2009—2010 гг., позволяет говорить о том, что формирование эффективной этнокультурной образовательной политики в республике — это актуальная проблема. Ее успешная реализация потребует дальнейших согласованных мер политического, экономического и правового характера всех заинтересованных сторон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гусаров В.И. Государственно-общественное образование: моногр. Самара: Изд-во НТЦ, 2006. 496 с.

² См.: Левитская А.А. Система поликультурного образования как ядро воспитательного потенциала федерального государственного образовательного стандарта общего образования. URL: <http://mon.gov.ru/ruk/dir/levitskaya/dok/6640> (дата обращения: 21.09.2010).

Л. П. КАНАЕВА

ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: образовательная политика, региональная система образования, государственно-общественное управление, комплексный проект модернизации образования, национальный проект «Образование»

Key words: educational policy, regional educational system, state and public management, complex project for education modernisation, national project «Education»

В соответствии с принятой Государственным Советом РФ и Правительством РФ Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 г. отечественное образование должно развиваться в качестве открытой и единой государственно-общественной системы, в которой неуклонно расширяется участие общества в выработке, принятии и реализации политико-правовых и управленческих решений, выделяются и согласовываются государственная и общественная составляющие в деятельности управленческих структур в сфере образования. В Концепции подчеркивается, что активными субъектами образовательной политики должны стать все граждане России, семья и родительская общественность, федеральные и региональные институты государственной власти, органы местного самоуправления, профессионально-педагогическое сообщество, научные, культурные, коммерческие и общественные институты¹.

Интересы общества и государства в области образования не всегда совпадают с отраслевыми интересами самой системы образования, а потому определение направлений модернизации и развития образования не может замыкаться в рамках образовательного сообщества и ведомства.

КАНАЕВА Лидия Петровна, доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук.

Понимание роли государственно-общественных отношений предполагает согласование и определение представлений о возможностях государственной и общественной составляющих и складывающихся между ними договорных отношений. Государственная составляющая образования должна гарантировать обеспечение доступности и равных возможностей получения полноценного качественного образования. В общественной составляющей можно выделить внутренние (внутреннее профессиональное сообщество, ученическое самоуправление) и внешние (представители родителей, бизнеса, общественных организаций, ассоциации выпускников, национально-культурных сообществ, фонды развития) компоненты.

Общественность — это организованные структуры, отражающие интересы социальных групп в области образования и не подчиненные органам управления образованием. Это могут быть структуры, не связанные непосредственно с системой образования (объединения работодателей, творческие союзы, научные учреждения), объединяющие работников образования (например, ассоциация педагогов-исследователей, ассоциация руководителей школ), объединяющие участников образовательного процесса (родителей, учащихся), и др. Эти структуры могут быть постоянными (ассоциации, союзы, советы, некоммерческие партнерства) и временными (собрания, совещания, конференции).

Выражать интересы определенных социальных групп в сфере образования могут также специалисты, изучающие образовательные запросы и проблемы населения (социологи, психологи, организаторы образования). Эту группу специалистов можно определить как группу экспертов по социальным проблемам образования. К общественности можно отнести и группу экспертов по вопросам управления образовательными системами, не зависящих от органов управления образованием.

Государственно-общественное управление образованием развивается на основе принципов, предполагающих открытость и демократичность, взаимодействие и согласованность, участие и соуправление. Кроме того, можно выделить основные признаки государственно-общественного управления: совместная управленческая деятельность государственных и негосударственных структур по руководству образовательными

ми проектами; процедура принятия решения государственным органом управления образованием, предусматривающая обязательное согласование проекта решения с представителями общественности; делегирование части властных полномочий органов управления образованием структурам, представляющим интересы определенных групп общественности.

Потребность общественности в управлении образовательными системами зависит от уровня организованности самой общественности, наличия структур, представляющих ее интересы, в том числе от экспертных структур. Поэтому разнообразные меры, позволяющие изучать общественное мнение, привлекать общественность к аттестации образовательных учреждений, экспертизе образовательных результатов и организовывать общественное обсуждение проблем образования, — необходимое условие повышения уровня общественной активности в сфере образования. В этом контексте принципиально новый проект в сфере отечественного образования, получивший определение «национального», дает общественным институтам возможность реального участия в принятии важнейших решений.

Республика Мордовия активно включилась в реализацию мероприятий приоритетного национального проекта «Образование». Приказом Министерства образования РМ утвержден список гражданских экспертных организаций для осуществления экспертной оценки лучших учителей общеобразовательных учреждений для получения денежного поощрения и общеобразовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы. Это организации, функционирующие в различных областях общественной жизни (Республиканская общественная организация «Союз женщин Мордовии», Союз журналистов Республики Мордовия, Совет ректоров вузов Республики Мордовия, Мордовская республиканская организация профсоюза работников народного образования и др.)².

От простого финансового участия общественности в деятельности образовательного учреждения удалось существенно продвинуться до понимания ее роли в управлении образовательным учреждением. Паритетное участие общественности, власти, учеников и педагогов в управлении образовательным процессом обеспечивает условия формирования нового общественного договора между обществом,

властью и школой, родителями, учителями и учениками. Во всех общеобразовательных учреждениях республики действует структура управления, в которой в той или иной мере представлена общественная составляющая (советы общеобразовательных учреждений, педагогические советы, методические объединения, творческие группы). Эти формы государственно-общественного управления в системе образования действуют вполне эффективно, имеют конкретные планы, программы, деятельности и т. д. Сформированы и функционируют попечительские советы, органы соуправления родительской общественности, ученического самоуправления в разных моделях и вариантах (от совета старшеклассников до президентской республики). Во всех муниципальных образованиях Мордовии действуют советы управления образованием. В состав большинства советов (коллегий) входят представители гражданских институтов. В ГО Саранск, например, функционируют коллегия, общественный совет по взаимодействию учреждений образования с родителями и общественностью, экспертный совет, городской методический совет.

В республике создано некоммерческое партнерство «Ассоциация лучших школ Республики Мордовия», цели которого — активное участие в развитии системы образования республики, совершенствовании республиканской образовательной политики, а также активное содействие духовно-нравственному воспитанию детей и учащейся молодежи. С 2006 г. функционируют Мордовское региональное и муниципальные отделения Общероссийской общественной организации «Всероссийское педагогическое собрание», главной целью которой является привлечение институтов гражданского общества к постоянному обновлению отечественного образования, повышению конкурентоспособности образовательной сферы, воспитанию и профилактике асоциального поведения молодежи.

Важным в расширении государственно-общественного характера управления образованием стал переговорный процесс, в рамках которого происходит обсуждение актуальных вопросов образования, вырабатываются принципиальные решения в образовательной политике. Хорошо зарекомендовали себя республиканские и муниципальные родительские собрания, где рассматриваются вопросы реализации прав

родителей на участие в управлении образовательным учреждением. Одной из площадок, на которых взаимодействуют различные институты гражданского общества, имеющие отношение к образованию, выступает коллегия Министерства образования Республики Мордовия (в состав коллегии входят представители общественных организаций, учреждений высшего профессионального, среднего профессионального и начального профессионального образования). Коллегия является важным механизмом участия гражданских институтов в выработке государственной образовательной политики. На заседаниях коллегии представители родительской общности, работодатели активно вовлекаются в обсуждение проблем, касающихся содержания общего образования и контроля его качества. Особенно ярко это показывают заседания коллегии, на которых рассматриваются вопросы введения итоговой аттестации выпускников в форме ЕГЭ, перспективы реализации приоритетного национального проекта в сфере образования.

Наряду с участием республики в федеральном эксперименте по проведению государственной итоговой аттестации выпускников 11-х классов общеобразовательных учреждений в форме ЕГЭ с 2005 г. в республике апробируется новая форма итоговой аттестации учащихся в 9-х классах. Во время итоговой аттестации в пунктах проведения ЕГЭ обязательно присутствие общественного наблюдателя.

Достаточно широко в республике используется проведение общественной экспертизы. Более 10 лет при Министерстве образования РМ действует Республиканский экспертный совет, в состав которого входят представители учреждений высшего профессионального и среднего профессионального образования, представители общественности. В его обязанности входит экспертная оценка и утверждение программ элективных курсов, факультативов, учебных предметов регионального компонента школьного образования.

Основопологающим моментом в совершенствовании государственно-общественного управления образованием в регионе можно назвать становление управляющих советов образовательного учреждения, представляющих собой особым образом организованное пространство, где учащимися, родителями, педагогами, управленцами программируется будущее школы. К основным задачам совета относятся опре-

деление основных направлений развития образовательного учреждения, особенностей его образовательной программы; обеспечение качества образовательных услуг; повышение эффективности финансово-хозяйственной деятельности образовательного учреждения; содействие созданию в образовательном учреждении оптимальных условий и форм организации образовательного процесса; содействие созданию здоровых и безопасных условий обучения, воспитания и труда в образовательном учреждении.

Основными факторами, определяющими эффективность создания Управляющего совета, являются готовность руководителей образовательного учреждения к продуктивному диалогу с участниками образовательного процесса и представителями общественности; сформированность в образовательном учреждении органов школьного самоуправления, общественных организаций, представляющих педагогическое сообщество, родительское сообщество, детские общественные организации и ассоциации выпускников; наличие опыта решения проблем с использованием способов коллективной деятельности, навыков программирования будущей совместной деятельности.

Модернизация образования — это общенациональная задача, которая не может осуществляться как ведомственный проект. Сегодня роль общественного участия в управлении образованием остается явно недооцененной. Эффективная система государственно-общественного управления региональной системой образования может строиться только на основе подлинной открытости системы образования, на формировании ее сетевого взаимодействия с другими институтами и агентами индивидуального, экономического и социального развития.

Расширение общественного участия в управлении образованием ориентировано на широкий круг субъектов системы образования, которые можно объединить в такие группы, как Министерство образования РМ, муниципальные органы управления образованием, органы местного самоуправления; администрация образовательного учреждения, педагогические работники, обучающиеся общеобразовательного учреждения; родительская общественность, потенциальные социальные партнеры, представители органов государственно-общественного управления образованием, представители благотворительных организаций.

Существующие сегодня проблемы связаны с отсутствием необходимых правовых, экономических и управленческих знаний у представителей общественных структур, неготовностью общественных институтов к взаимодействию с образовательными институтами. Поэтому разнообразные меры по изучению общественного мнения, привлечению общественности к аттестации образовательных учреждений, экспертизе образовательных результатов, организации общественного обсуждения проблем образования являются необходимым условием повышения уровня общественной активности в сфере образования. Важнейшим направлением в этом контексте стало размещение результатов инновационной деятельности, учебно-методических материалов и т. д. на сайтах школ и педагогов. Сегодня в республике у всех общеобразовательных учреждений есть свои сайты. В связи с этим сформировано открытое, социально-ориентированное образовательное пространство. Важным средством обеспечения информационной открытости государственного общеобразовательного учреждения призван стать публичный отчет образовательного учреждения как формы широкого информирования общественности, особенно родительской, об образовательной деятельности учреждения, основных результатах и проблемах его функционирования и развития.

Очевидно, что эффекты расширения общественного участия в управлении образованием не могут быть сведены к формальному росту количества советов, сайтов и публичных отчетов. Действительным показателем системных эффектов реализации этого направления является признание общественности как полноправного субъекта образовательной региональной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // Официальный сайт Федерального агентства по образованию (Рособразование). URL: http://www.ed.gov.ru/ofinf/nd_fao/6662 (дата обращения: 08.10.2010).

² См.: Ивашкина Н.В., Канаева Л.П., Каргина Т.Ф., Касаткина Н.П. О ходе реализации приоритетного национального проекта «Образование» в Республике Мордовия // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2006 г.: аналит. обзор / под ред. А.И. Сухарева, В.В. Козина, С.В. Полутина; ИЦСЭМ РМ, НИИ регионологии Мордов. ун-та. Саранск, 2006. С. 58—70.

Поступила 01.10.10.

Т. В. ГУСЬКОВА, И. Ю. РОГАШОВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: высшая школа, информационные технологии, модульно-рейтинговая технология, информационный бюллетень

Key words: higher school, information technologies, module and rating technology, information bulletin

Главное конкурентное преимущество высокоразвитой страны связано с возможностью развития ее человеческого потенциала, которое во многом определяется состоянием системы образования. Цель политики модернизации образования в среднесрочной перспективе заключается в обеспечении конкурентоспособности России в мире. Эта цель достижима, если в ближайшие годы обеспечить оптимальное соотношение затрат и качества в сфере образования и науки. Развитие образования сопровождается появлением в педагогической науке новых дефиниций, пополнением значения существующих и устареванием невостребованных понятий. Этот процесс усиливается с проникновением в сферу образования информационных технологий. Во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в. отмечено, что новые информационные технологии являются важным средством обеспечения качества в сфере высшего образования. Достижение его высокого качества, соответствия актуальным потребностям личности, общества и государства стало первой задачей образовательной политики России.

Рассмотрению вопросов психолого-педагогического обоснования возможности использования информационных технологий в высшей школе, модульного обучения и рейтинговой системы оценки знаний обучающихся, особенно

ГУСЬКОВА Татьяна Валентиновна, доцент кафедры педагогики и психологии высшей школы Пензенской государственной технологической академии, кандидат педагогических наук.

РОГАШОВА Ирина Юрьевна, заведующая научной психолого-педагогической лабораторией Пензенской государственной технологической академии.

стей, основных функций, принципов модульного обучения и рейтинговой системы, специфики организации процесса обучения в высшем учебном заведении с использованием модульно-рейтинговой технологии посвящены исследования многих педагогов и психологов¹.

Вышеперечисленное, несомненно, способствует накоплению и систематизации знаний по исследуемой проблеме. Однако авторы научных работ не рассматривают специфику организации целостного образовательного процесса в высшей школе с использованием информационных технологий, не предлагают механизмы внедрения модульно-рейтинговой технологии в практику процесса обучения студентов в высшей школе.

В психолого-педагогической литературе термин «информационные технологии» в одних случаях определяется как отдельное научное направление, в других — как конкретный способ работы с информацией: это и совокупность знаний о способах и средствах работы с информационными ресурсами, и средства сбора, обработки и передачи информации для получения новых сведений об изучаемом объекте². В настоящее время актуальнее приобретает инновационное образование, подразумевающее личностный подход, фундаментальность, творческое начало, профессионализм, компетентность. Решение этой задачи лежит в области проектирования методических систем обучения на основе комплексного использования традиционной, информационной и модульно-рейтинговой технологий³.

Под *модульно-рейтинговой технологией* мы понимаем педагогическую деятельность по проектированию, организации и проведению учебного процесса, основанную на структурировании дисциплин по модульному принципу с использованием рейтинговой системы для объективной оценки учебных достижений студентов⁴. Модульный принцип заключается в выделении учебных модулей дисциплины. По мнению Н. В. Борисовой, модуль представляет собой автономную организационно-методическую структуру дисциплины, которая включает в себя дидактические цели, логически завершённый, информационно и методически обеспеченный блок учебного материала⁵. Структуризация содержания учебной дисциплины основывается на принципах компоновки содержания учебной дисциплины вокруг базовых

понятий и методов, систематичности и логической последовательности изложения учебного материала, целостности и практической значимости содержания, наглядного представления учебного материала. Учебный процесс организуется в форме последовательного продвижения по модулям. Изучение каждого модуля завершается контрольной аттестацией для оценивания знаний, умений и навыков. Для формирования комплексного количественного показателя качества учебных достижений студентов вузы разрабатывают и внедряют в образовательный процесс рейтинговые системы.

По определению Г. П. Савельевой, рейтинг — это оценка, определение класса или разряда, некоторая численная характеристика какого-либо качественного понятия⁶. С. В. Филиппева определяет рейтинговую оценку как сумму баллов, полученную обучающимися за качество выполнения всех контролируемых заданий по конкретной дисциплине, определяющую уровень обученности студентов по той или иной дисциплине через организованный контроль⁷. Обобщая и уточняя эти определения, мы предлагаем свое понимание *рейтинговой системы оценки знаний как совокупности научных, организационных, технологических и правовых положений, обеспечивающих объективную оценку учебных достижений студентов*. При этом комплексным количественным показателем качества учебных достижений студентов является рейтинговая оценка, выраженная в баллах. Для повышения объективности оценки качества знаний студентов используется стобалльная шкала.

Анализ научной литературы и изучение опыта деятельности российских и зарубежных вузов позволили нам разработать модель организации учебного процесса в высшей школе с использованием модульно-рейтинговой технологии, которая внедрена в Пензенской государственной технологической академии (ПГТА) с 2005 г. Модель включает определение (утверждение) весовых коэффициентов учебных дисциплин, изучаемых студентами курса определенной специальности в наступающем семестре, и весовых коэффициентов модулей каждой отдельной дисциплины; номенклатуры и весовых коэффициентов факторов качества освоения студентами учебного материала по каждому отдельному модулю; шкал количественного оценивания подготовки студента по каждому фактору модуля; минимально допустимых баллов по

обязательным факторам качества и правил начисления баллов по каждому фактору.

Весовые коэффициенты дисциплин в семестре назначаются в зависимости от специфики специальности обучающихся, требований государственного образовательного стандарта (ГОС) к объему и содержанию учебного материала по отдельным дисциплинам и с учетом результатов опроса экспертов. Экспертами могут быть ведущие ученые вуза, представители работодателей по той или иной специальности, выпускники вуза по данной специальности, студенты старших курсов и др. Назначение весовых коэффициентов отдельных модулей осуществляется аналогично установлению весовости дисциплин в целом.

Номенклатура оцениваемых факторов качества освоения учебного материала устанавливается в зависимости от специфики или модуля дисциплины, видов аудиторных занятий и перечня обязательных работ (в технической высшей школе — это лабораторные, курсовые, контрольные, расчетно-графические работы и т. п.), предусмотренных учебным планом. В обязательном порядке в номенклатуру факторов качества модуля дисциплины должны входить установленные учебным планом обязательные работы и контрольная аттестация. Для повышения объективности оценки учебной деятельности студентов, по нашему мнению, следует устанавливать не менее двух факторов. Весовые коэффициенты факторов качества освоения учебного материала устанавливаются с учетом трудоемкости выполнения той или иной работы. При этом важно учитывать объем самостоятельной работы студента для выполнения той или иной работы.

Используемая в ПГТА модель расчета рейтинга позволяет применять разные шкалы оценивания студентов не только по разным дисциплинам, но и по разным факторам качества. Для факторов качества, связанных с выполнением обязательных работ, целесообразно устанавливать минимально допустимое количество баллов, чтобы считать работу выполненной. Это необходимо для обеспечения уверенности в том, что студент освоил учебный материал в соответствии с требованиями ГОС. По окончании изучения каждого отдельного модуля дисциплины рассчитывается рейтинг за модуль. По окончании семестра по каждой дисциплине рассчитывается итоговый рейтинг. Величина рейтинга студента

по дисциплине находится в пределах от 0 до 100 и может служить окончательной количественной оценкой качества знаний, умений и навыков студента в семестре по дисциплине либо основанием для утверждения окончательной оценки в лингвистической форме на основе утвержденных правил перевода с курса на курс.

В ПГТА рассчитывается также интегральный рейтинговый показатель качества освоения студентом учебного материала за семестр и рейтинг студента с начала учебы в вузе. Все этапы расчета рейтинга студентов осуществляются в автоматизированной системе. Модель модульно-рейтинговой технологии, применяемая в ПГТА, охватывает все виды и формы учебной деятельности, позволяет выявлять точечные несоответствия организации в методическом и техническом обеспечении учебного процесса по результатам аттестации студентов за конкретный фактор качества, своевременно вносить соответствующие коррективы.

Использование информационных технологий в высшей школе позволяет повысить роль участников образовательного процесса (педагогов, обучающихся, родителей) в подготовке будущих специалистов и повышения качества их обучения. Одной из форм взаимодействия педагогов и родителей в ПГТА является проект «Информационный бюллетень», разработанный и введенный в действие в январе 2008 г. по инициативе ректора ПГТА. Основное назначение этого проекта заключается в привлечении родителей обучающихся к сотрудничеству с администрацией и профессорско-преподавательским составом ПГТА.

Эта форма взаимодействия семьи и высшей школы реализуется путем полного, непрерывного и конфиденциального информирования родителей об учебных и внеучебных результатах деятельности обучающихся в интерактивном режиме. Это взаимодействие основано на принципах добровольности и инициативности. Оно предполагает, с одной стороны, распределение ответственности между субъектами образовательной деятельности, с другой — повышение их роли в образовательном процессе высшей школы.

Для эффективной реализации этого проекта была разработана нормативно-правовая документация: положение «О сотрудничестве академии с партнерами — родителями обучающихся», стандарт академии «Услуга „Информаци-

онный бюллетень”», «Требования», договор-соглашение, организационные приказы и распоряжения и др. Были организованы и проведены обучающие семинары для профессорско-преподавательского состава по сопровождению проекта, индивидуальные консультации для родителей обучающихся по участию в проекте.

Таким образом, использование возможностей информационных технологий при организации образовательного процесса в ПГТА способствует эффективному взаимодействию профессорско-преподавательского состава с родителями обучающихся, созданию условий индивидуального сопровождения обучающихся высшего учебного заведения, обеспечивающих формирование личностных и профессиональных качеств будущих специалистов и повышению качества обучения в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. Орел: ОГТУ, 2000. 124 с.

² См.: Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. С. 22.

³ См.: Богомаз И.В. Научно-методический комплекс профессиональной подготовки студентов с использованием компьютерных технологий и модульно-рейтинговой системы. URL: http://www.mgoru.ru/JOURNAL/07_bogomaz.htm (дата обращения: 14.08.2010).

⁴ См.: Гуськова Т.В. Организация учебного процесса в высшей школе с использованием модульно-рейтинговой технологии (на примере технического вуза): дис. ... канд. пед. наук. Пенза, 2008. С. 71.

⁵ См.: Борисова Н.В. От традиционного через модульное к дистанционному образованию: учеб. пособие. М.; Домодедово: ВИПК МВД России, 1999. С. 74.

⁶ См.: Савельева Г.П. Рейтинговые технологии в управлении качеством подготовки выпускников в вузе: учеб.-метод. пособие. М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. С. 33.

⁷ См.: Филиппева С.В. Рейтинговая оценка общеобразовательной подготовки учащихся профессионального лицея: дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. С. 93.

Поступила 10.11.10.

Е. А. ШЕВЕЛЕВА

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДАХ

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, малые и средние города, социальные проблемы развития высшего профессионального образования, качество образования, доступность образования, рынок труда

Key words: higher professional education, small and medium towns, social problems in the development of higher professional education, quality of education, education availability, labour market

Структурная перестройка российского общества, изменения в социально-профессиональной сфере привели к необходимости модернизации образования. Развитие высшего профессионального образования направлено на выявление способов его адаптации к требованиям рынка труда и создание качественно новой профессиональной школы, способной занять достойное место в рыночной экономике и удовлетворить потребности каждой личности в получении профессиональных знаний и социального опыта.

Вместе с тем ослабление роли государства в сфере высшего профессионального образования и неконтролируемый рост количества филиалов вузов в малых и средних городах России привели к возникновению серьезных социальных проблем. Во-первых, государство утратило возможность активно влиять на характер и структуру подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием, следствием чего стали перепроизводство кадров по ряду гуманитарных и социально-экономических направлений подготовки и дефицит специалистов технического профиля. Во-вторых, возникла разветвленная сеть филиалов государ-

ШЕВЕЛЕВА Елена Александровна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета.

ственных и негосударственных высших учебных заведений, среди которых многие не располагают квалифицированными педагогическими кадрами и достаточной учебно-лабораторной базой для обеспечения надлежащего качества подготовки специалистов.

Проникновение высшего профессионального образования в малые и средние города России актуализировало потребность в комплексном теоретическом и эмпирическом исследовании этого явления. В настоящее время анализу социальных проблем развития высшего профессионального образования в рамках малых и средних городов России в научной литературе не уделяется достаточного внимания. Вместе с тем этот сектор высшего профессионального образования играет важную роль в современном российском обществе, является неотъемлемым элементом отечественной системы образования и активным участником рынка образовательных услуг. Вышеизложенное свидетельствует о необходимости обращения к социологическому осмыслению современного состояния российского высшего профессионального образования вообще, а также тенденций и перспектив его развития в рамках малых и средних городов России.

Функционирование и развитие высшего профессионального образования как социального института характеризуется внутренними противоречиями, отражающимися в виде множества социальных проблем. Из всей их совокупности к разряду социально значимых можно отнести обеспечение качества и доступности высшего профессионального образования в современной России и диспропорцию между требованиями рынка труда и рынка образовательных услуг, образовательными потребностями личности.

Проблема обеспечения качества услуг высшего профессионального образования является одной из наиболее сложных и важных социальных проблем отечественной высшей школы. Качество образовательной деятельности характеризуется различными составляющими: государственным стандартом высшего профессионального образования и качеством его реализации; качеством профессорско-преподавательского состава вуза; качеством материально-технической базы высшего учебного заведения; качеством методического, библиотечного и информационного обеспечения учебного процесса; качеством организации учебного процесса в учебном

заведении, а также качеством субъектов обучения. Таким образом, можно выделить группы проблем, связанных с обеспечением качества подготовки специалистов в высших учебных заведениях. Первую группу образуют проблемы состояния законодательной и нормативной базы, ее ориентации на решение проблем качества образовательных услуг в вузах РФ. Вторая группа включает в себя проблемы источников формирования и обновления содержания высшего образования как важнейших факторов обеспечения качества подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием. В состав третьей группы входят проблемы соответствия профессорско-преподавательского состава вузов современным требованиям к качеству подготовки специалистов, а также к их педагогической деятельности. Четвертая группа содержит проблемы соответствия уровня подготовки абитуриентов вузов требованиям к исходной подготовке студентов — будущих специалистов. Пятую группу составляют проблемы организации образовательного процесса и внедрение в него новых (в том числе информационных) технологий, обеспечивающих достижение установленных требований к качеству подготовки специалистов. Шестая группа представлена проблемами взаимодействия вузов со своими выпускниками и сферой их трудовой деятельности, их участием в разработке и реализации программ совершенствования качества подготовки специалистов.

Проблема доступности получения услуг высшего профессионального образования для широких слоев населения современной России является одной из актуальных социальных проблем. Оценивать доступность получения высшего профессионального образования можно по показателям наличия реальной возможности поступления в высшее учебное заведение, достаточности собственной подготовки для поступления в вуз, доступности языка обучения, личной способности к обучению. С проблемой обеспечения доступности высшего профессионального образования тесно связана проблема диспропорции в размещении вузов на территории РФ. С распадом СССР, когда многие крупнейшие университетские центры оказались за рубежом, проблема доступности высшего образования стала особенно острой. Более половины российских высших учебных заведений было сосредоточено в Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской,

Челябинской, Свердловской, Новосибирской, Самарской, Тюменской, Нижегородской и Московской областях, республиках Татарстан и Башкортостан, Краснодарском крае. Решению этой проблемы в последнее десятилетие поспособствовал интенсивный рост количества филиалов государственных и негосударственных высших учебных заведений в регионах, где доступ к высшему образованию отсутствовал. Филиальная сеть позволила ликвидировать структурные «перекосы» в отечественной системе высшего профессионального образования и заполнить пустующие в ней ниши.

Другой проблемой, снижающей эффективность деятельности современной системы высшего профессионального образования в России, является ярко выраженная диспропорция между требованиями рынка труда, возможностями рынка образовательных услуг и образовательными потребностями личности. Абитуриенты часто не связывают выбор специальности и учебного заведения с последующим трудоустройством или ориентируются на него лишь частично. Рынок труда требует от системы высшего образования удовлетворения своих потребностей в квалифицированных кадрах, а рынок образования ориентируется на удовлетворение личностных потребностей индивидов в получении высшего образования. В настоящее время отечественная система подготовки и переподготовки кадров не отвечает требованиям создания и поддержания рационально сбалансированной структуры рабочей силы. Это приводит к нерациональному использованию трудовых ресурсов, созданию потенциала внешней миграции и другим негативным социальным последствиям. С одной стороны, работодатели нуждаются в специалистах, но не сотрудничают с учреждениями высшего профессионального образования, с другой — высшие учебные заведения «перепроизводят» специалистов, не востребованных на рынке труда.

Проблемы высшего профессионального образования современной России находят свое отражение в тенденциях его развития на уровне малых и средних городов. Главной проблемой деятельности филиалов высших учебных заведений, расположенных в малых и средних городах, стало качество обучения. Эта проблема сопряжена со сложностью комплектования педагогических штатов и недостатком квалифицированных преподавателей, проживающих в городе и

имеющих научно-педагогическую подготовку (ученую степень и ученое звание). Весь профессорско-преподавательский состав, задействованный в учебном процессе филиалов, можно представить в виде трех категорий. Первую категорию составляют преподаватели из числа штатных сотрудников головного вуза, вторую — привлеченные штатные совместители из филиалов других вузов. К третьей категории относятся внешние совместители, которыми являются в основном местные учителя средних школ, техникумов и ПТУ. Преобладание в структуре преподавательского состава филиалов высших учебных заведений, расположенных в малых и средних городах, представителей второй и третьей категорий влечет за собой снижение ответственности за качество подготовки студентов, проведение необходимой воспитательной работы, а также организацию методической и научно-исследовательской работы.

Другой существенной проблемой, связанной с обеспечением качества образовательных услуг филиалов вузов, расположенных в малых и средних городах, являются обеспеченность учебными площадями и учебно-лабораторной базой с разбивкой на аудитории по общеобразовательным и специальным дисциплинам, оснащение кабинетов вычислительной техникой, специализированными лабораториями, техническими средствами обучения и т. д. Большинство филиалов осуществляет свою деятельность в арендованных помещениях на базе средних специальных учебных заведений провинциальных городов. Это затрудняет проведение специализированных лабораторных работ, предусмотренных учебным планом ряда образовательных программ, в стенах филиалов. С этой целью студенты вынуждены выезжать либо в головные вузы, либо выполнять эти виды работ на предприятиях или в организациях города при наличии в них необходимой базы.

Не менее важной проблемой, связанной с обеспечением качества подготовки специалистов в филиалах высших учебных заведений, расположенных в малых и средних городах, является обеспеченность образовательного процесса необходимыми библиотечными и информационными ресурсами. Зачастую библиотеки, созданные в филиалах, не располагают достаточным фондом учебной и учебно-методической литературы, а в малых и средних городах, как

правило, отсутствуют общедоступные научные библиотеки или научно-информационные библиографические центры. Далеко не во всех филиалах студентам предоставляется открытый доступ к интернет-ресурсам и возможность дополнительных занятий в компьютерных классах, что также негативно сказывается на качестве обучения.

Еще более остро в малых и средних городах стоит проблема соответствия подготовки абитуриентов филиалов требованиям к исходной подготовке студентов. Значительная часть выпускников общеобразовательных школ малых и средних городов, а также примыкающих к ним сельских поселений по уровню подготовки не удовлетворяет требованиям высшей школы. Это обстоятельство приводит к снижению требований при проведении промежуточных аттестаций студентов, снижению качества подготовки специалистов или массовому отчислению студентов за академическую неуспеваемость и существенному сокращению контингента обучающихся.

Безусловно, необходимо добиваться повышения качества работы филиалов, обеспечивать полноценность выдаваемых ими дипломов, так как главным недостатком такого образования является именно низкая требовательность к качеству знаний. Однако необходимо не только контролировать, но и стимулировать развитие высшего профессионального образования в провинции, способствовать тому, чтобы созданные в малых и средних городах филиалы вузов набирали силу, подтягивались к столичному уровню.

Проблема доступности высшего профессионального образования для жителей малых и средних городов России в последнее десятилетие претерпела значительные изменения. Это произошло, с одной стороны, за счет открытия в них негосударственных высших учебных заведений и филиалов государственных и негосударственных вузов. Жители даже самых удаленных малых и средних российских городов получили возможность, не предпринимая экономических и миграционных усилий, быть включенными в образовательную инфраструктуру. Работающие студенты могут обучаться без отрыва от трудовой деятельности, следовательно, не испытывать опасений потерять работу, не тратить дополнительных средств на проезд и проживание в другом городе на время сессии. С другой стороны, с увеличением количества платных образовательных услуг в вузах РФ и

в филиалах, расположенных в малых и средних городах, существенно возросла зависимость доступности высшего профессионального образования от уровня материального обеспечения абитуриентов. При этом следует иметь в виду, что цены на образовательные программы дифференцируются в зависимости от их качества, спроса населения на ту или иную специальность, бренда и места расположения высшего учебного заведения. Стоимость получения образовательных услуг в филиалах вузов, расположенных в малых и средних городах, как правило, значительно ниже стоимости обучения в вузах крупных городов.

Разбалансированность между требованиями регионального рынка труда, возможностями локального рынка образовательных услуг и образовательными потребностями личности в малых и средних городах в значительной степени обусловлена их особенностями. Отличительной чертой рынка труда малых и средних городов стал тот факт, что спрос на рабочую силу зависит от состояния исторически сложившихся в конкретном регионе отраслей экономики и экономического положения градообразующих предприятий. Сегодня большинство промышленных предприятий малых и средних городов находится в тяжелом экономическом положении и поэтому не производят перспективного планирования кадров, а это затрудняет процесс планирования вузами потребности экономики региона (района) в специалистах.

Для локального рынка образовательных услуг высшего профессионального образования малых и средних городов характерны ограниченные возможности производителей образовательных услуг, превалирование экономических и гуманитарных специальностей, узкая сфера влияния локального рынка труда (потребителями образовательных услуг являются жители данной территории), конкурентная борьба между вузами за потребителей образовательных услуг, необъективная или неполная информация об участниках локального рынка образовательных услуг в результате недостаточного использования информационных коммуникаций во многих структурных подразделениях вузов малых и средних городов¹.

Дисбаланс между образовательными потребностями личности, требованиями рынка труда и возможностями рынка образовательных услуг снижает, с одной стороны, эффек-

тивность деятельности высшей школы в удовлетворении потребностей населения малых и средних городов в высшем профессиональном образовании, с другой — воспроизводство и развитие социально-профессиональной структуры региона. В условиях малого города возникает противоречие между образовательными потребностями и образовательными возможностями населения, обостряется проблема доступа к получению качественного образования, что снижает уровень потребностей населения в качестве образовательных услуг. Деформация потребностей жителей малых и средних городов в услугах высшего профессионального образования в сочетании с предоставлением значительной свободы вузам в формировании образовательных программ, профессиональной структуры выпуска и развития платного обучения ведет к развитию системы массового высшего образования низкого качества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Зборовский Г.Е., Тейтельман Н.Е., Шуклина Е.А. Образовательные потребности студентов в малом городе // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 18—29.

Поступила 22.06.10.

Е. М. ВЛАСОВА

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В РЕГИОНАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: критерии идентификации среднего класса, социально-экономический и профессиональный состав среднего класса, социальное самочувствие среднего класса, роль среднего класса в развитии регионов

Key words: criteria for the middle class identification, social and economic and professional structure of the middle class, social well-being of the middle class, role of the middle class in the development of regions

В современной отечественной социологии до сих пор нет единого мнения относительно того, каковы критерии идентификации российского среднего класса и условия его воспроизводства. Специфика экономико-политического устройства современного российского общества с его ярко выраженной регионализацией актуализирует внимание к такому аспекту проблемы среднего класса в России, как количественное и качественное наполнение средних классов в разных регионах. По данным Российского мониторинга экономического благосостояния и здоровья населения (RLMS), именно региональное неравенство — один из важнейших факторов социальной дифференциации российского общества и формирования структуры региональных социумов¹.

Для выявления специфики количественного и качественного состава среднего класса в регионах Среднего Поволжья и факторов, оказывающих влияние на его воспроизводство, нами в октябре — декабре 2009 г. было проведено исследование «Средний класс в регионах Среднего Поволжья», объектом которого стало городское трудоспособное население

ВЛАСОВА Екатерина Михайловна, аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Ульяновского государственного технического университета.

Самарской и Ульяновской областей и Республики Марий Эл. Объем выборочной совокупности составил 1 080 чел. Репрезентирующими индикаторами квотной выборки были пол, возраст, тип жилья. Методом сбора первичной социологической информации стало полужформализованное интервью. Выбор крупных городов обусловлен большей концентрацией в них среднего класса.

Сравнительный анализ социально-экономического положения трех регионов ПФО показал, что эти территории существенно различаются по уровню социально-экономического развития. Согласно классификации, предложенной Независимым институтом социальной политики, Самарская область относится к группе развитых регионов, Ульяновская область — к регионам «середины», Республика Марий Эл входит в число регионов-«аутсайдеров»².

Самарская область, являясь крупной агломерацией, характеризуется развитой инфраструктурой сферы услуг и концентрацией производств, требующих высокого уровня квалификации работников, что накладывает отпечаток на структурные и качественные характеристики населения. Для области характерны высокий уровень доходов населения (один из самых высоких в ПФО), экономическая дифференциация социальной структуры и миграционный приток.

В Ульяновской области за последние годы происходит стабилизация социально-экономической ситуации на фоне оживления машиностроительной и авиационной отраслей и снижения уровня безработицы. По уровню квалификации занятых регион соответствует среднероссийскому показателю, наблюдается сокращение миграционного оттока. Вместе с тем для области характерен низкий уровень оплаты труда и доходов населения, уровень бедности превышает средний показатель по России. Социально-экономическая ситуация в Республике Марий Эл обусловлена высоким удельным весом аграрного сектора в экономике региона. Для этого субъекта Федерации характерны низкие темпы модернизации, низкий уровень доходов населения на фоне высокого уровня бедности и безработицы (самый низкий уровень экономического развития в ПФО), устойчивый миграционный отток активного трудоспособного населения³.

Эти субъекты ПФО различаются также по количеству предприятий малого бизнеса: в Самарской области на 10 тыс.

чел. жителей приходится 124 предприятия, на которых работают 257,2 тыс. чел. (2-е место в ПФО); в Ульяновской области — 66 предприятий на 10 тыс. чел. жителей, и работают на них 81,3 тыс. чел. (11-е место); в Республике Марий Эл — 79 предприятий на 10 тыс. чел. жителей и 47,6 тыс. чел. занятых (5-е место).

Теоретико-методологической основой нашего исследования выступает комплексный подход к критериям идентификации среднего класса, который представлен в работах М. К. Горшкова, О. И. Шкаратана, Л. А. Беляевой и Т. М. Малевой⁴. Ученые исходят из того, что, во-первых, стратификационные критерии применительно к среднему классу должны включать не только экономические показатели, но и позволять выявить различные функции этой группы — политическую, профессиональную, социокультурную. Именно выполнение особых функций в социуме и конкретном регионе трансформирует категорию «средний слой» в «средний класс». Перечень этих критериев постоянно расширяется в связи со способностью среднего класса выполнять функции «стабилизатора» социально-политической и экономической жизни, «поставщика» высококвалифицированной рабочей силы, «распространителя» новых социально-экономических и социокультурных практик, носителя национальной или профессиональной культуры. Во-вторых, является продуктивным положение о неоднородности среднего класса и его циклической структуре: «ядро» (собственно средний класс), характеризующееся сочетанием всех признаков; «периферия» — группы, обладающие несколькими признаками и по уровню жизни относящиеся к «базовым» слоям. Такая структура решает проблему размытости границ российского среднего класса и позволяет прогнозировать переход некоторых социальных групп из его «периферии» в «ядро».

В нашем исследовании в качестве основных критериев идентификации среднего класса выбраны социально-экономический, социокультурный, социально-профессиональный, а в качестве ведущих показателей — среднедушевой доход в пределах установленных в регионе четырех-шести прожиточных минимумов, образование не ниже среднего профессионального, нефизический характер труда. Собственно средний класс составляют жители регионов, соответствующие всем трем признакам. Учет прожиточных

минимумов, характерных для конкретного региона, позволил выявить качественное своеобразие не только «ядра», но и периферийных групп, имеющих соответствие по одному-двум показателям.

Анализ показал, что в Самарской и Ульяновской областях, согласно принятым в каждом регионе прожиточным минимумам, практически равные доли городского населения относятся к «ядру» среднего класса установленных в регионе 22 и 20 %. Самый низкий удельный вес среднего класса в Республике Марий Эл — 15 %. «Периферия», состоящая в социально-экономическом плане из базовых слоев, наиболее полно представлена в Самарской области и Марий Эл (46 и 45 %). Эта часть городского населения «не дотягивает» до среднего класса по уровню доходов, но имеет достаточный образовательный и профессиональный потенциал. Можно предположить, что при благоприятном социально-экономическом развитии регионов эта часть населения пополнит социальную базу собственно среднего класса. В Ульяновской области доля таких социальных групп значительно меньше (34 %).

Границы среднего класса задаются не только объективными экономическими характеристиками, но и субъективными оценками. Восприятие индивидом своей покупательской способности, самооценка возможностей приобретения товаров и услуг характеризуют наличный уровень качества жизни. Прежде мы определили, какая покупательская способность может считаться присущей среднему классу. На субъективной шкале оценки покупательских возможностей наиболее адекватно отражает позицию среднего класса формулировка «денег вполне хватает на крупные покупки, но мы не могли бы купить сразу новую машину». Согласно данным исследования, около половины представителей среднего класса во всех регионах оценило свое благосостояние таким образом.

Характеристики покупательской способности среднего класса варьируются в зависимости от региона. Так, в Самарской области доля тех, у кого покупательская способность оценивается как «денег вполне хватает на крупные покупки», — 67 %, в Ульяновской области — 56 %, в Марий Эл — 46 %. Результаты самооценки свидетельствуют, что реальные экономические условия жизни зависят от благополучия региона. В Йошкар-Оле меньшая доля среднего класса

сопровождается и более низкими доходно-имущественными характеристиками.

Особый интерес представляют данные об источнике доходов среднего класса. Эта характеристика часто выступает индикатором структурных изменений, происходящих в экономическом развитии территорий. Большинство представителей среднего класса имеют статус наемных работников. Главным источником доходов представителей среднего класса стал доход по основному месту работы: Самарская область — 94 %, Ульяновская область — 82 %, Республика Марий Эл — 81 %. Но этот источник не является единственным.

Наибольшая доля представителей среднего класса, получающих доходы от собственной коммерческой деятельности, зафиксирована в Республике Марий Эл (31 %) (в Самарской области — 16 %, Ульяновской области — 11 %). Выявленная специфика связана со структурными процессами пополнения среднего класса в России: в экономически отсталых регионах, где крупный капитал слабо представлен в бизнесе, роль альтернативного источника дохода играет малый бизнес. Очевидно, что сегодня процессы развития малого предпринимательства переживают некоторую стагнацию, основным источником пополнения среднего класса в целом является «новый» средний класс — профессионалы, имеющие высокий человеческий капитал и развитые навыки интеллектуальной деятельности.

Профессиональная стратификация играет роль одной из основных форм социальной стратификации в России. Поэтому более точное представление о месте среднего класса в социальной структуре регионов дает анализ профессионального и образовательно-квалификационного статуса его представителей.

Самарская область — это регион с более развитой инфраструктурой системы высшего профессионального образования (здесь больше количество вузов и число студентов). Ульяновская область и Республика Марий Эл в этом ей существенно уступают. В частности, по состоянию на 2009 г. в Самарской области было 30 образовательных учреждений высшего профессионального образования и 524 студента на 10 тыс. чел. населения, в Ульяновской — 10 и 400 студентов на 10 тыс. чел. населения, в Марий Эл — 6 вузов и 379 студентов на 10 тыс. чел. населения⁵.

Сложившаяся в регионах система профессионального образования формирует определенный образовательный статус представителей среднего класса. Во всех обследованных регионах в среднем классе преобладают жители с высшим образованием (среднее специальное образование у 12—18 % представителей среднего класса). Наиболее высоким образовательным уровнем обладает самарский средний класс: 86 % его представителей имеют высшее образование, в Ульяновской области — 74 %, Республике Марий Эл — 69 %.

Возникает закономерный вопрос «Соответствует ли более высокая „образованность“ среднего класса его более высокой квалификации?». Для ответа на этот вопрос мы использовали метод структурных коэффициентов: отношение доли конкретной профессиональной группы в региональном социуме к доле этой профессиональной группы в общем объеме опрошенных.

В целом в обследованных регионах у среднего класса управленческое и менеджерское, а не предпринимательское «лицо». Две трети представителей этой социальной страты — это специалисты, менеджеры и руководители разного уровня. В Самарской области основу среднего класса составляют так называемые «профессионалы»: специалисты с высшим образованием (врачи, преподаватели, инженеры). На втором месте стоят руководители разного уровня. В Ульяновской области основной «костяк» среднего класса (более половины) составляют руководители разного уровня, реже представлены специалисты и мелкие собственники. Здесь чаще, чем в Самарской области, в средний класс попадают менеджеры и специалисты, имеющие не высшее, а среднее специальное образование.

Профессиональный портрет среднего класса Республики Марий Эл ближе к ульяновскому, но также обладает собственной спецификой: большинство его представителей являются руководителями разного уровня (две трети). На втором месте оказались мелкие собственники. Значительно реже, чем в Самарской и Ульяновской областях, входят в средний класс специалисты и служащие. Этот факт свидетельствует как о более низком удельном весе квалифицированных специалистов в активном трудоспособном населении республики, так и о более низких размерах доходов гуманитарной и технической интеллигенции Республики Марий Эл.

Экономико-политическая специфика регионов формирует закономерную тенденцию в социально-профессиональном портрете среднего класса: чем выше уровень экономического благосостояния региона и его образовательной сферы, тем больше средний класс тяготеет к чертам европейского «нового среднего класса». Его ядро состоит из высококвалифицированных наемных специалистов. Чем ниже экономический и образовательный потенциал региона, тем больше «ядро» среднего класса приобретает специфические российские черты класса «руководителей». Экономические и квалификационные ресурсы управленцев позволяют относить их к среднему слою, но занимаемые ими социальные позиции не всегда соответствуют функциям среднего класса в регионе.

Повышение социально-профессионального потенциала населения, входящего в «ядро» и «периферию» среднего класса, зависит не только от образовательной системы, но и от состояния социокультурной инфраструктуры регионов. Исследования показывают, что по этому параметру Ульяновская область и Республика Марий Эл значительно уступают Самарской области⁶. Так, социокультурная инфраструктура крупного регионального центра, каким является Ульяновск, включает 28 библиотек, 2 концертных зала, 2 муниципальных киноvideоцентра, 4 частных киноvideоцентра, 25 дорожек боулинга, 7 заведений для игры в бильярд и 3 плавательных бассейна. Но в городе отсутствуют зоопарк, планетарий, полноценный цирк, театры музыкальной комедии, оперы и балета. Между тем эти учреждения должны входить в стандартный набор социокультурной среды современного крупного города.

Уровень развития социокультурной инфраструктуры и процесс «развертывания» общества потребления влияют на досуговое поведение жителей. Типичная практика семейных развлечений представителей средних слоев ограничивается объектами торговли и питания. При этом с увеличением доходов населения растет спрос на рекреационные и оздоровительные услуги, но пока предпочтение отдается торговым центрам.

Изучение социальных настроений представителей среднего класса позволяет прогнозировать дальнейшее развитие этой социальной группы и ее активности в регионе. В нашем исследовании использовались оценки удовлетворенности

своей жизнью (относительно себя и своей семьи) и своим положением в обществе, уверенности в будущем.

Несмотря на то что Самарская область обладает самым высоким уровнем социально-экономического развития и достаточно развитой социокультурной инфраструктурой, именно в ней мы выявили самый высокий уровень социального напряжения представителей среднего класса по всем показателям. Средний класс этого региона («ядро» и «периферия») меньше удовлетворен своей жизнью, особенно в перспективе. Только для самарского среднего класса характерно наличие крайних негативных оценок: четверть его представителей заявила о том, что совсем не удовлетворена жизнью. В двух других регионах подобной ситуации нет. Представители среднего класса Ульяновской области и Республики Марий Эл демонстрируют более оптимистичное социальное самочувствие (оно выше среднего), при этом в настоящее время в республике более позитивно оценивают свою жизнь, а в области оптимистичнее смотрят в будущее.

Такая ситуация является следствием ряда причин. Влияние финансово-экономического кризиса больше сказалось на экономически развитых регионах. Самарская область вошла в перечень регионов, находящихся в крайне тяжелом положении от последствий кризиса, заняв в рейтинге 8-е место (Ульяновская область — 15-е место, Республика Марий Эл — 41-е). Несмотря на более низкий уровень жизни в целом, средний класс двух последних регионов испытывает меньший стресс. Социальный оптимизм или пессимизм связаны с возможностью реализации того образа жизни, который соответствует сформированным в регионе стандартам: менее инновационные практики вызывают меньше опасений со стороны их субъектов.

Сопоставление данных опроса и статистических показателей регионального развития позволило сделать вывод, что условиями, оказывающими влияние на функционирование и увеличение среднего класса, являются состояние и перспективы регионального рынка труда, его отраслевая специфика; уровень заработной платы, от которого зависит возможность квалифицированных специалистов получать за свой труд доход не ниже «пропускного» в средний класс; состояние института профессионального образования и социокультурной инфраструктуры в регионе, их доступность

и нацеленность на поступательное развитие человеческого капитала.

Имея схожую логику развития, региональные средние классы имеют существенные различия, обусловленные спецификой социально-экономического и социокультурного развития регионов. Более высокий уровень социально-экономического развития региона не всегда гарантирует устойчивое положение его среднего класса. В кризисной ситуации регионы, обладающие развитыми сферами финансовых услуг, частного бизнеса (традиционные сферы занятости среднего класса), оказываются в числе наиболее напряженных. В таких регионах более высоки потребительские стандарты, и, следовательно, точка отсчета для идентификации себя со средним классом выше, как и дискомфорт, вызванный необходимостью отказываться от привычных моделей поведения. К таким регионам в нашем исследовании отнесена Самарская область, средний класс которой в условиях финансово-экономического кризиса реагирует на его последствия острее, выражая неудовлетворение своим положением и перспективами.

Специфика региональных рынков труда накладывает отпечаток на профессионально-статусный портрет среднего класса. В регионах с более высоким уровнем развития социальная база среднего класса шире: благодаря приемлемым доходам в его состав попадает более высокая доля профессионалов и менеджеров. В регионах с менее развитой экономикой профессионалы не преодолевают доходный барьер среднего класса, а ядром последнего становятся руководители разных уровней, представители малого предпринимательства.

Высокий уровень образования уже сейчас можно назвать «визитной карточкой» среднего класса, следовательно, преимущество в дальнейшем развитии этой социальной группы имеют регионы с развитой социокультурной инфраструктурой. Поддержку высшей школы можно считать приоритетом государственной и региональной политики в сфере поддержки среднего класса, помимо повышения общего уровня благосостояния населения. Также следует отнести к перспективным направлениям укрепления социального положения среднего класса реализацию культурных проектов (межрегиональных фестивалей, позиционирование их как объектов событий-

ного туризма); создание культурно-досуговых продуктов на основе использования памятников истории и культуры, расположенных в регионах; осуществление образовательной, просветительской и информационной деятельности в контексте приобщения к культурному досугу семей с базовым и средним уровнем доходов.

Курс на инновационную экономику и модернизацию общества требует роста доли специалистов умственного труда. Тренд к такому росту в российском обществе действительно наметился. Поэтому крайне важно выделить те профессиональные и статусные группы, которые станут базисом среднего класса в регионах. При помощи государственного регулирования конъюнктуры рынка труда необходимо формировать должный уровень доходов и общественной престижности этих профессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. М.: Росстат, 2009. С. 23.

² См.: Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? // Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2005. С. 75—78.

³ См.: Регионы России ... С. 76.

⁴ См.: Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 320 с.; Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / под ред. Т. Малеевой. М.: Гендальф, 2003. 506 с.; Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. 183 с.

⁵ См.: Регионы России ... С. 251—255.

⁶ См.: Шиняева О.В. Социокультурная инфраструктура крупного города в объективных показателях и субъективных оценках горожан // Вопросы культурологии. 2010. № 8. С. 13.

Поступила 23.09.10.

О. А. ПОЛЮШКЕВИЧ

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ¹

Ключевые слова: социальные представления, общественные трансформации, гендерная дифференциация, российское общество, региональные особенности

Key words: social presentations, public transformations, gender differentiation, Russian society, regional peculiarities

За последние двадцать пять лет произошли значительные изменения. Помимо экономических, политических, социальных и общекультурных трансформаций российского общества, происходит преломление личного опыта и условий выживания, влияния социальных стереотипов и мышления, поведения мужчин и женщин. Вырабатываются различные представления о происходящих трансформациях. Гендерная дифференциация в восприятии социальных трансформаций основывается на доминирующих в обществе социальных представлениях. Они служат инструментом познания и одновременно его продуктом и процессом. Социальные представления позволяют описать, классифицировать и объяснить объекты социальных изменений и в то же время дают возможность людям перерабатывать информацию².

Помимо этого, социальные представления опосредуют поведение. Они регламентируют и определяют жизнь всех членов конкретной социальной группы. Эта функция может проявляться как во внешних формах (например, в регламентировании поведения или форме одежды), так и во внутренних (например, эмоциональной реакцией на определенные события, поступки и слова, соответствующие людям определенного статуса, профессии и т. д.).

ПОЛЮШКЕВИЧ Оксана Александровна, доцент кафедры регионоведения и социальной экономики Института социальных наук Иркутского государственного университета, кандидат философских наук.

Социальные представления обладают также адаптационным потенциалом. С одной стороны, они адаптируют новые социально-политические и культурно-исторические факты и явления к устоявшимся правилам и нормам, сформировавшимся ранее взглядам. С другой стороны, благодаря социальным представлениям индивид может успешно адаптироваться в социуме. Ориентироваться в социальной реальности возможно только тогда, когда индивид или группа усвоили ценности и представления того или иного социума.

В этом отношении особый интерес представляют гендерные отличия в восприятии социальных трансформаций в современном обществе. Опрос, посвященный этой проблеме, проводился исследовательской группой Института социальных наук Иркутского государственного университета в 2009 г. Объем квотной многоступенчатой выборки составил 1 050 чел. в возрасте от 18 до 65 лет в таких городах, как Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Ангарск, Усолье-Сибирск, Шелехово, Черемхов, Байкальск, Улан-Уде. Обработка результатов анкетирования велась с использованием программы SPSS.

К первому фактору оценок социальных изменений относятся *социально-экономические основания*. Респонденты, характеризуя трансформации, происходящие в обществе, выделяют изменение своего социального статуса, связанное с финансовым и профессиональным положением. В большинстве случаев (67 %) они указывали на ухудшение этой сферы жизни, только 33 % заметили улучшение, например, *«работы не стало»*, *«нет уверенности, что завтра будут деньги»*, *«работаю не по профессии, а где платят лучше»*, *«учились одному, а работаем по другому»*, *«сегодня больше возможностей, хотя меньше стабильности»* и т. д. Отсутствие гендерных различий в этом отношении (мужчин — 48 %, женщин — 52 %) вызвано тем, что мужчины и женщины вынуждены работать, выстраивать свою карьеру, обеспечивать семью и т. д. вне зависимости от пола.

Гендерные различия проявляются в психологической оценке социально-экономических изменений. Мужчины говорят о том, что *«надо изменять условия»*, *«надо добиваться своих целей»*, *«есть возможность проявить себя»*, *«есть условия для действий»*, *«есть возможность стать успешным»* и т. д. Позиция мужчин проявляется в активном доминировании,

захвате, победе, социально-экономических факторах, способах для их самоутверждения. Женщины говорят о том, что *«надо подстраиваться под власть, систему, руководителей»*, *«работаю там, где есть возможность, а не там где хочется»*, *«зарабатываю столько, сколько платят, а не столько, сколько необходимо для выживания»* и т. д. Позиция женщин ориентируется на «подстройку» к социальным условиям, общественным изменениям, далеко не всегда их устраивающим, но они не готовы что-то менять, поэтому соглашаются со сложившимися условиями. Такая ситуация иллюстрирует гендерные стереотипы, закрепляющие за мужчиной и женщиной определенные образцы поведения, особенно ярко проявляющиеся в региональном контексте. Это подтверждают данные социологических опросов, проводимых Фондом общественного мнения (ФОМ). Выяснилось, что жители регионов Сибири и Дальнего Востока более традиционны и консервативны в своих взглядах и убеждениях, чем жители европейской части России. Социальные представления жителей крупных городов европейской части России более лояльны и гибки³.

Ко второму фактору относятся *социально-психологические основания*. Респонденты, описывая трансформации, происходящие в обществе, опираются на изменение своего психологического состояния. И мужчины, и женщины указывали на общее увеличение «тревожности и беспокойства» (38 %), изменение «ценностей и приоритетов в жизни» (35 %), «постоянный стресс и усталость» (27 %) и т. д. Например, *«волнуюсь за детей и за себя, нет спокойствия»*, *«есть недоверие между людьми»*, *«страшно жить»*, *«у моих детей совсем другие ценности, чем у меня»*, *«я очень устаю от психологического давления на работе»* и т. д. В этом факторе доминируют женщины (66 %), мужчин здесь в два раза меньше (34 %). Это можно объяснить тем, что женщины более близко воспринимают неуверенность в завтрашнем дне, вызванную реформами, сокращениями на работе, ростом цен и т. д., на них лежит ответственность за семью, детей и их будущее. Мужчины более отстранены от семейных забот, они ориентированы на проблемы внешней среды, которые, по их мнению, в большей степени зависят от экономики и политики, в меньшей степени — от психологических особенностей. По нашему мнению, на этот фактор также влияют

региональные особенности: ограниченность рабочих мест, маятниковая миграция, ограниченность инфраструктурных ресурсов и т. п. (особенно это касается жителей малых городов — Усолье-Сибирск, Черемхово, Шелехово и т. д.)

Выявлены отличия негативных оценок у мужчин и женщин. Женщины чувство беспокойства и тревоги за детей, семью, мужа, работу переносят в 83 % случаях и только в 17 % — за себя. Беспокойство за себя, свое будущее, свои возможности, состоятельность испытывают 76 % мужчин, о семье, детях, жене беспокоятся 24 %. Такое распределение объясняется культуральными особенностями психологического комфорта, надежности, безопасности в российской культуре. В ней заложены определенные схемы поведения, реакции на те или иные воздействия извне. Психологический комфорт мужчин в традиционной культуре — его личный социальный успех, для женщин — безопасность семьи, детей и их социальный успех. Поэтому, когда при трансформациях общества уменьшается уровень надежности и психологического комфорта, у людей развиваются тревожность, страхи, усталость и т. д. Это подтверждают исследования ФОМ⁴.

К третьему фактору относятся *ментально-культурные основания*. Опрашиваемые рассматривают социальные трансформации как элемент общего, мировоззренческого сдвига, начавшегося с научно-технического совершенствования, экономических преобразований и заканчивающегося более тонкими ментально-психологическими изменениями социальных групп. Например, они говорят о том, что *«изменяется социальное пространство»*, *«изменяется наше восприятие работы, способов зарабатывания денег»*, *«общество становится мультикультурным»*, *«общество глобализируется»*, *«теряется национальное, но приобретает межнациональное единство»* и т. д. Причем так считают 61 % мужчин и 39 % женщин. В этой группе преобладают люди с высшим образованием, занимающие высокое социальное положение и имеющие доход выше среднего. Кроме того, это в основном жители крупных городов Сибири (Новосибирск, Красноярск, Иркутск). Это объясняется тем, что именно в крупных городах больше возможностей соприкоснуться с новыми формами работы, новыми сферами деятельности, осуществить профессиональный и социальный

рост, тогда как малые города — это в основном моногорода с ограниченными возможностями трудоустройства, личных и социальных перспектив развития.

К четвертому фактору относятся *идеолого-политические основания*. Респонденты полагают, что социальные изменения в России являются результатом перестройки идеологических оснований, пересмотра политического развития страны. Жители разных городов называли примерно одинаковые факторы: *«изменение целей и ценностей социалистического общества на демократические»*, *«потеря консолидации общества»*, *«утрачен общий стержень развития страны»* и т. д. Это говорит о том, что идеолого-политическое пространство различных регионов Сибири преодолевают схожие проблемы: деидеологизация, политическое разобщение и разрушение политической культуры и т. д.

В этой группе также преобладают мужчины (72 %), женщин всего 28 %. Это объясняется традиционно большей информированностью и вовлеченностью мужчин в политические процессы, хотя и не всегда оправданными и объективными. При этом мужчины проявляют более активную позицию в стремлении изменить сложившуюся ситуацию: *«надо менять руководство»*, *«надо создавать идею для всех»*, *«надо придумать новую философию для народа»*. Женщины выбирают более пассивную и менее радикальную позицию: *«реформы когда-нибудь закончатся»*, *«общество найдет свою основу и стержень»*, *«придет настоящий хозяин и все наладит»* и т. д. Опять же в таком разделении позиций прослеживается влияние гендерных стереотипов.

Транссимволический анализ позволил уточнить и детализировать полученные при опросе данные через доминирующие символические триады. По анализируемым категориям было выявлено более 350 ед. анализа, которые были сведены в несколько переменных или категорий анализа. Когнитивные символы характеризуют то, что именно приносят экономические преобразования в жизнь, аффективные символы определяют сферы реализации этих изменений, деятельностные символы показывают результат или оценку этих воздействий.

Социальные трансформации в сфере экономики для мужчин выражаются в социально значимых и одобряемых формах самореализации (когнитивные символы «статус», «достаток»,

«положение»). Причем направленность экономических преобразований касается их самих (социальное, финансовое или профессиональное положение — аффективные символы). Социальные трансформации в экономике для женщин проявляются в изменении финансового уровня и экономического статуса на общественном уровне, более значимы не личные потери и приобретения, а социальные. Они выражаются в более нейтральных формах, чем у мужчин (когнитивные символы «страна», «деньги», «финансы»). Аффективные символы («заработанные», «народные», «быстро») показывают отстраненность и социальную обусловленность этих символов. У женщин прослеживается более негативный контекст восприятия экономических перемен, чем у мужчин (на это указывает деятельностный символ — «беднеет», «тратятся», «исчезают»). Для мужчин преобразования носят либо нейтральный, либо позитивный контекст: их положение и статус либо «меняются», либо «укрепляются».

Символические триады категории «политика» у мужчин и женщин схожи между собой. И мужчины, и женщины воспринимают политические преобразования одинаково негативно. Но мужчины говорят в основном о «власти» и «выборах», тогда как женщины включают в процесс политических реформ, кроме «власти», еще «общество» и «народ» (когнитивные символы), т. е. происходящие процессы воспринимают более объемно. Аффективные символы у мужчин более нейтральны и безоценочны («российская», «далекая», «демократические»), женщины дают более эмоциональную, негативно-оценочную характеристику политики («ворующие», «российское», «обманутый»). Деятельностные символы у мужчин и женщин совпадают по оценкам одинаково негативных последствий политических изменений (мужчины: «ворует», «лишают», «обманывает»; женщины: «грабят», «бедствует», «голосует»). Таким образом, изменения в сфере политики не устраивают ни мужчин, ни женщин.

Символические триады категории «общество» также достаточно близки у мужчин и женщин, однако есть и различия. Идентична общая негативная оценка происходящих перемен, выраженная в совпадении по смыслу когнитивных и деятельностных символов. Когнитивные символы у мужчин и женщин являются тождественными («люди», «социум», «общество», «пространство») и определяют тех субъектов,

с кем происходят основные изменения. Деятельностные символы также близки и проявляются одинаково негативно (у мужчин: «бедствует», «изменяется», «разрушается»; у женщин: «рушится», «распадается», «выживают»). Но аффективные символы у женщин носят более негативные контексты, а у мужчин — нейтральные (женщины: «обманутое», «разграбленный», «брошенные»; мужчины: «обманутые», «современный», «социальное»). Это говорит о том, что женщины более эмоционально и близко к сердцу воспринимают перемены, а мужчины — более отстраненно и спокойно.

Итак, на восприятие социальных перемен в российском обществе влияют социально-культурные изменения, заставляя людей вписываться в новые рамки, но при этом сильны и достаточно жестко встроены в жизнь культурно-традиционные схемы, особенно гендерные стереотипы, что определяет поведение мужчины и женщины. Они выбирают разные стратегии адаптации к новым условиям, поэтому и образы восприятия происходящих перемен не являются одинаковыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена по материалам гранта Президента РФ МК-385.2009.6. и гранта АВЦП Рособразования № 2.1.3./1260.

² См.: Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 54.

³ См.: Социология гражданского общества (обзор результатов исследований ФОМа в 2003—2008 гг.) // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/sgo0801> (дата обращения: 25.04.2010); «Идентичность людей-XXI: ценности, практики, институции» // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/People-21-08> (дата обращения: 25.04.2010).

⁴ См.: Катастрофизм в контексте российской политической культуры // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/ke0009131 (дата обращения: 25.04.2010).

Поступила 25.05.10.

И. Н. ПРОНИНА

ОТ ВЕЩИ К БРЕНДУ: СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: вещь, бренд, знак, потребление, идентичность, глобализация, глокализация, товарный знак, реклама

Key words: thing, brand, sign, consumption, identity, globalisation, glocalisation, trade mark, advertisement

Поиски собственной идентичности, особенности и в то же время тождественности другому занимают все большее место в самосознании себя в новом глобальном пространстве. Глобализация помещает личность в семантический контекст, влияющий на усвоение культурных значений идентичности. Процесс символизации жизненного пространства становится условием существования социума как единой системы. Это необходимое условие коммуникации, в ходе которого происходит своеобразная дифференциация мира на «свой» и «чужой». Отражением такой символической деятельности выступает *вещь* как носитель культуры.

Вещь несет в себе образ мира, в котором веществу, но в то же время и мир формирует образ вещи. Вещь, отсылающая к преданию, традиции, преемственности поколений, теряется в стихии тотального опосредования, заменимости, потребительства. «Медленные вещи», обладающие личностной, лирической ценностью, биографией, сменяет вещь-однодневка, заслоняющая собой мир изначальных смыслов, «природных созвучий», в котором сливались мир души и предметная реальность. Потребление становится одной из значимых социальных практик, превращая вещи в коммуникативные инструменты, знаки, через взаимодействие которых человек вступает в социальные отношения с другими и са-

ПРОНИНА Ирина Николаевна, доцент кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

мим собой. «Потребительство не знает предела и насыщения, поскольку имеет дело не с вещами как таковыми, а с культурными знаками, обмен которыми идет непрерывно и бесконечно, со все нарастающей скоростью. Эти знаки четко соотносятся друг с другом в рамках структурного кода, зато все больше отрываются от референтного, то есть собственно человеческого (личностного или родового) смысла; это знаки дегуманизированной культуры, в которой человек отчужден», — пишет Ж. Бодрийяр¹. Вещь утрачивает духовную ауру, трансформируется в товар. С точки зрения культуры производство товара является культурным и когнитивным процессом: товар следует не только произвести физически как вещь, но и маркировать в координатах культуры как вещь определенного рода. В современном обществе роль «языка потребления» играет реклама. Понятие «марка» является ключевым для рекламного дискурса, в данном языке осуществляется «чудо психологического ярлыка», которое пробуждает желание потребления вещи. «Больше нет доверия к вещам, доверие заслуживают только фирмы, знаки», — отмечает В. Б. Голофаст². Система *вещей* уступает место системе *брендов*.

В «обществе символического обмена» возникает острая потребность в виртуальном, образном товаре, каковым является бренд. Бренд — феномен массового сознания, образ, социальное представление, имеющее сложную структуру и содержание. Понятие «бренд» стало общеупотребительным для современного общества и трактуется в отечественной литературе весьма широко. Брендом сегодня называются вещи, люди, события из сфер экономики, политики, культуры. Бренд — это не только специфические товары, но и символы, имена, достопримечательности, вызывающие устойчивые положительные ассоциации. Материальная сущность бренда тождественна товарному предложению, перцептивная сущность — это ореол ощущений и символических представлений, уникальных для марки товара. По своей сути бренд — коннотативный продукт массовой культуры, являющийся ее стратегическим ресурсом и капиталом, позволяющим получать экономические выгоды от внеэкономических благ — символических атрибутов и преимуществ, осязаемых и неосязаемых элементов репутации, легенд и мифов, культурных традиций.

Истинная природа бренда раскрывается в своей искусственности, символической наполненности. Выражением бренда является *товарный знак*. Товарный знак — символическое «имя» вещи, способствующее ее индивидуализации. Являясь эмблемой товара, графическим оформлением его содержания, товарный знак облагораживает массовую вещь. Качество знака приобретает все большее значение, в современном мире знаки — это опредмеченные отношения. Давно стала привычной практика «вынесения знака на поверхность предмета — джинсов, куртки, холодильника, телевизора — и т. д., подобно тому, как на обложку книги мы выносим имя автора, ибо, покупая незнакомую нам книгу, мы руководствуемся тем, что знаем о ее авторе, или идем в театр „на драматурга“, или „на режиссера“, или „на актера“, или „на данный театр“, индивидуальность которого обозначается в его знаке — знаменитой мхатовской чайке, например, или своеобразном рисунке афиши акимовского Театра комедии»³. Знак означает прощание с массовой, серийной вещью. «Знак есть укрощение и одновременно раскрепощение, соединение и разобщение, саморастворение в массе и освобождение собственного „я“. Знаки являются воплощенным правом на неравенство»⁴.

Реклама не только информирует о ценностно-смысловом содержании дискурса-вещей, но и управляет процессами смыслопорождения и смыслопотребления. В массовом сознании рекламные образы сливаются в одно целое и потребляются как специфическая картина мира, с успехом решая задачи производства, формируя бесконечное потребление товаров и услуг. Различные материальные блага, кроме очевидных функциональных ценностей, формируют систему социальных символов, несущую информацию о владельцах. Реклама дает соответствующие социальные представления о материальных объектах как символическом проявлении идентичности и статуса, т. е. наделяет вещи специфическими стратификационными знаками, задает нормы престижного потребления. Приобретенный под влиянием рекламы товар зачастую символизирует социальный статус владельца, делает его «своим» для определенной, заявленной в рекламе социальной группы, отделяет его от «чужих». Реклама навязывает представление о потреблении рыночного товара как об определяющем элементе социальной идентификации

личности. «Предметы никогда не исчерпываются тем, для чего они служат, и в этом-то избытке присутствия они и наделяются значением престижа, „отсылая“ уже не к миру, а к бытию и социальному рангу их обладателя»⁵.

Одно из главных генетических качеств бренда — его глобальность. Й. Кунде, определяет этот феномен как «уникальную ценность, которая может быть глобально распространена и многократно размножена»⁶. Открытость социокультурных границ России делает ее ареной, на которой в гипертрофированном виде представлены мировые тенденции и модели производства и потребления. Пестрый калейдоскоп маркирующей атрибутики различных культур хлынул на медиапросторы, манифестируя вездесущность брендов. Соответственно, «различные жизненные стили „предлагают себя“ каждому, кто обеспокоен поиском идентичности и стремится обрести новый целостный образ мира с четкой фиксацией собственного места в нем», — пишет Н. И. Воронина⁷.

Можно говорить о довольно сложной картине развития отечественной культуры в эпоху глобализации. Большинство исследователей рассматривает глобализацию как сложный процесс, включающий в себя интерпретацию тождества и различия. Действительно, процессы глобализации и национальной идентификации являются взаимообусловленными. Известно, что в мире возросло ощущение собственной уникальности у многих народов и регионов. В конце XX — начале XXI в. Россия оказалась открытой для процессов глобализации всех сфер жизни общества, в том числе и повседневности, ядром которой стали потребительские практики. Однако глобализация — это тенденция, наталкивающаяся на противоположную тенденцию к локализации. Синтезом этих противоположностей стала глокализация, в процессе которой глобальные формы адаптируются к местным ресурсам, традициям, природным и прочим особенностям.

Знаки и символы имеют большое значение в построении и самоорганизации больших и малых социальных групп. В современном обществе вещи-знаки наполняют социальные отношения интерсубъективными смыслами и выступают в качестве означающих индивидуальный статус в социальной иерархии. В то же время, как считает П. Е. Родькин, «циркулирование и функционирование знаков и стилей в глобальном контексте связано с проблемой визуального и

знакового суверенитета»⁸. При этом понимание суверенитета, по его мнению, выходит за рамки территориальной или политической независимости. Суверенность культуры определяется независимостью и первичностью образов, знаков, смыслов, производимых и распространяемых этой культурой. В условиях глобализации и массовой культуры такая первичность приобретает особую важность. «Прививка» фрагментов чужих традиций идентичности российского человека ведет к деформации личности, противоречию между ее культурной сущностью и социальными способами реализации. Социальных идентичностей не только много, но и нередко они конфликтуют друг с другом.

Средства массовой коммуникации способствуют тиражированию культурных моделей, которые подаются как общезначимые. Современная реклама зачастую использует принцип автоматического переноса чужих статусных маркеров в культурный контекст, подразумевающий перемещение вещей и связанных с ними кодов (названий), функций, идеологий, стилей, что трансформирует культурный и социальный смысл вещи. Ж. Сегела, размышляя о причинах глобального успеха ведущих торговых марок США, писал: «Американская мечта была обнаружена не романистами или философами страны, а простыми продуктами, которые, вобрав в себя фундаментальные ценности Америки, заставили их сверкать во всех концах света. „Coca-Cola” — юность, „Marlboro” — мужественность, „McDonald's” — семья, „Levis” — свобода, „Nike” — ответственность. Пять самых крупных торговых марок мира стали таковыми, воздев на щит свою мораль, американский образ жизни»⁹. Наряду с товарами тиражируются идентичности, предоставляя среду для самоопределения. Реклама направлена не столько на покупку товара, сколько на введение в структуру значений потребителя определенного имени, с которым связан товар. Товарный знак «присваивает» человека, навязывая ему определенный образ и чувство принадлежности к определенной социальной группе.

Поиски идентичности накладываются на деперсонифицированный мир современной коммуникации, делающей акцент на визуализацию. Внешняя идентичность зачастую преобладает над внутренней. Исследователи отмечают, что в «современном российском обществе можно наблюдать такой

феномен, как имитация стилей жизни иерархически других социальных групп»¹⁰. Потребление в данном контексте становится определяющим вектором не только в успешности конструирования идентичности, но и актуализации человеческой самости как возможности своей инобытийности. Успех рекламной продукции, нацеленной на продажу не столько товара, сколько образа жизни, зависит от того, насколько удалась или не удалась идентификация потенциального потребителя с предложенной ему моделью, т. е. насколько человек способен «примерить» на себя предложенную ситуацию или идентичность, соотнося представление о себе «Каков я есть» с представлением о себе «Каким бы я стал».

Семиотическое значение рекламы размывает границы самости. Современная культура помещает человека в культуру неопределенности, полифонии, гетерогенности. «Проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность», — считает З. Бауман¹¹. Для заполнения пустоты, образовавшейся на месте субъекта, для его функционального замещения в процессе социокультурной идентификации и самоидентификации служат символические наборы знаков и символов индивидуальности, выстраиваемые в значительной степени с помощью потребления. Упаковка, ярлык, фирменная марка становятся важными как для товара, так и для человека. Отношения людей сводятся к взаимодействию на уровне имиджа, маски, социальной роли. Потребительские практики предполагают выбор различных символов и знаков, маркирующих идентичность. Бренд позволяет быстрее трансформировать стиль при их смене. В постоянной гонке за самим собой, пытаясь раскрыть неведомую ранее миру многогранность собственной индивидуальности, «глобальный потребитель» устремлен не к вещам, а клеймящим их брендам. Таким образом, бренд позволяет приобрести иллюзию социальной идентичности, почувствовать возможность принадлежать целому.

В региональном социуме можно говорить о формировании плюралистической идентичности, строящейся по принципу «единство в многообразии», при которой «местные» культурные формы частично инкорпорируются в глобальное

пространство. Для современного человека характерна необычайная легкость перехода от разнообразия к унификации: из глобального в локальное, из национального в космополитическое и наоборот. «Маскарадность бытия» позволяет сбрасывать и примерять идентичности, как при смене наряда.

В процессе заимствования вытесняются многие традиционные элементы культуры, кажущиеся непривлекательными и невостребованными. Визуальные константы городской среды (реклама, вывески, витрины) являются своего рода семантическим приложением к «языку вещей». Сегодня каждое предприятие стремится «закрепить» посредством корпоративной символики свою индивидуальность. Рекламное решение фасадов зданий стало одним из оптимальных изобразительных средств, раскрывающих характер происходящих процессов. Активно идет процесс заимствования слов, идей, образов, что приводит к рождению новых смысловых образований. Объективным показателем конкурентоспособности бренда является ситуация с использованием родного языка. Все чаще мы становимся свидетелями того, как отечественные фирмы берут названия, звучащие на иностранном лад. Тенденция к исчезновению самобытных, индивидуальных особенностей проявляется в визуальной составляющей бренда — товарном знаке. Несмотря на то что количество товарных знаков, использующих в своих наименованиях и марках национальную культурную символику, увеличилось, национальная самобытность подается односторонне и примитивно¹².

Таким образом, возникающая потребность в поиске новых идентификационных моделей находит свое воплощение в потребительских практиках. Процесс потребления может рассматриваться как процесс создания и «производства» себя. Вещь (бренд) является не просто материальным телом, но и некой идеальной оболочкой, наделяющей человека своим смыслом, своей собственностью и, наконец, самостью, идентичностью. Формирование общества потребления в России неизбежно приобретает глокальные формы: с одной стороны, это процесс, заимствованный из стран развитой рыночной экономики, с другой — такое общество формируется в контексте социально-экономических и культурных особенностей страны и региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. С. 118.
- ² Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социол. журн. 2000. № 5. С. 58—65.
- ³ Дайксель А., Брандмейер К., Глистерлинк Э.М. Товарный знак в Европе и России. Вопросы теории и истории. СПб.: Славия, 2002. С. 8.
- ⁴ Там же. С. 64.
- ⁵ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион, 2004. С. 13.
- ⁶ Кунде Й. Уникальность теперь... или никогда. Бренд — движущая сила компании в новой экономике ценностей. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. С. 20.
- ⁷ Воронина Н.И. Города и люди: культурная идентичность. Саранск: Красный Октябрь, 2008. С. 59.
- ⁸ Родькин П.Е. Визуальная политика. Фирменный стиль России. М.: Совпадение, 2007. С. 19.
- ⁹ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. М.: Вагриус, 1999. С. 23.
- ¹⁰ Воронина Н.И. Города и люди: культурная идентичность. С. 61.
- ¹¹ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 234.
- ¹² См.: Коновалова Е.Н. Знаковая сущность рекламной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2006. 17 с.

Поступила 23.04.10.

Е. В. ЖЕЛНИНА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ПЕРСОНАЛА: ОТВЕТ НА КРИЗИС

Ключевые слова: профессиональная подготовка персонала, обучение, квалификация, конкурентоспособность, крупная компания, компетентность, кризис, стабильность

Key words: professional training of personnel, studying, qualification, competitiveness, large company, competence, crisis, stability

Профессиональная подготовка персонала является важным элементом системы управления современной крупной компанией и позволяет решать не только экономические и производственные, но и социальные задачи компании, в частности, снижать социальную напряженность, связанную с постоянной интенсификацией производственной деятельности, минимизировать социальные конфликты, формировать благоприятный социально-психологический климат в коллективе. Более того, профподготовка персонала становится основным инструментом повышения социальной защищенности и уверенности сотрудников в своей профессиональной значимости, а также одним из важнейших регуляторов социального взаимодействия участников множества социальных групп, включенных в структуру компании.

Высокий уровень неопределенности условий функционирования современных крупных компаний предъявляет жесткие требования к используемым системам управления компетентностью персонала¹. При этом довольно часто специфика условий функционирования компаний на российском рынке не позволяет воспользоваться решениями, давно и успешно апробированными в зарубежных организациях. Поэтому проблема разработки технологий профессиональной подготовки персонала крупных компаний автопрома, к которой мы обратились, является достаточно актуальной, особенно в

¹ ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, кандидат социологических наук.

условиях отсутствия доступного практического инструментария и широко апробированных методик профподготовки персонала, основывающихся на характеристиках социальных технологий. Поскольку профессиональная подготовка персонала современных российских компаний становится весьма распространенной формой развития сотрудников и достаточно интенсивно используется², актуальность этой темы также находит подтверждение.

Это предопределило направление, цели и задачи нашего исследования. Основной целью стало выявление отношения менеджеров крупных промышленных компаний к профессиональной подготовке персонала. Время и мировая экономическая ситуация внесли свои коррективы в ход исследования, что определило еще одну цель проекта, связанную с определением того, является ли одинаковым отношение к профессиональной подготовке персонала в стабильный период (июль 2005 г. — март 2007 г.) и в условиях финансового кризиса (март—апрель 2009 г.). Выявлено, что отношение менеджеров промышленных компаний к профессиональной подготовке персонала в значительной степени отличается в зависимости от фактора стабильности компании и внешней среды ее функционирования.

Подавляющее число респондентов первого этапа исследования (83,3 %) оценивает экономическое положение своей компании как хорошее, 12 % — как удовлетворительное, по 1,8 % — как отличное и плохое. Такой достаточно высокий процент позитивной оценки может быть объяснен периодом стабильности российского рынка, государственной политикой, благоприятствующей развитию отечественного автопрома, а также субъективной уверенностью респондентов в завтрашнем дне. Респонденты, участвовавшие во втором этапе исследования, более пессимистично отзывались об экономическом положении их компании: 91,7 % участников определили его как «удовлетворительное», остальные — как «плохое». Варианты «отличное» и «хорошее» вообще не были отмечены.

Лишь 3,7 % опрошенных самостоятельно повышают свою квалификацию и занимаются саморазвитием, 50,0 % руководителей считают, что они достаточно компетентны в своей профессии, а 38,9 % полагают, что в их обучении нет необходимости. Остальные 7,4 % планируют в ближайшее

время пройти курсы повышения квалификации на предприятии. Эти цифры подтверждают существующую в современных российских компаниях тенденцию «невнимания» менеджмента к вопросам собственной профподготовки, повышения квалификации, развития персонала. Большинство участников (83,3 %) второго этапа не учатся и не повышают квалификацию, объясняя это нехваткой времени, а также финансовых и материальных средств.

Большинство респондентов экспертного опроса (68,5 %) дало среднюю оценку процессам обучения персонала в своей компании, 22,2 % оценили систему профессиональной подготовки как хорошую, а 9,3 % — как неудовлетворительную. Анализ данных второго этапа исследования позволил сделать вывод о том, что работа по повышению квалификации персонала существенно не изменилась. Возможно, это объясняется тем, что в компании достаточно хорошо налажен процесс планирования развития сотрудников, и в настоящий момент составленные планы находятся на стадии реализации.

Учитывая ответы участников интервью, можно предположить, что компании в ближайшем будущем сократят затраты на профессиональную подготовку своих сотрудников. Вероятно, это будет реализовываться путем принятия на работу подготовленных, высокопрофессиональных работников (показатель вырос на 11,1 %), а также посредством поощрения самостоятельного обучения работников компании (показатель увеличился на 25,9 %).

Частота обучения сотрудников компании напрямую зависит от потребности в приобретении новых знаний, информации, сведений, умений и навыков. Именно тот, кто ощущает эту потребность, и становится инициатором проведения профессиональной подготовки. Из анализа ответов участников исследования можно сделать вывод, что в современной практике профессиональной подготовки персонала российских компаний не очень развита система самостоятельного обращения работников в кадровые службы для оформления заявки на прохождение повышения квалификации. Зато очень распространена профессиональная подготовка работников, инициированная «сверху» и исходящая от руководителя. Профессиональная подготовка, инициированная руководителем, может быть эффективна, так как именно руководитель

в большей степени знаком со стратегическими планами компании. Следовательно, именно он может предположить, какими знаниями, умениями и навыками должны обладать сотрудники для обеспечения успешного функционирования компании в конкурентной среде современного рынка. Единственный недостаток видится в том, что сотрудники могут быть недостаточно мотивированы на эффективное исполнение навязанной «сверху» инициативы, что может повлечь за собой формальное осуществление обучения. На наш взгляд, сотрудникам отделов по персоналу для систематизации сбора индивидуальных заявок на профессиональную подготовку целесообразно периодически проводить опросы работников, используя социологические и психологические методики их разработки.

Респонденты второго этапа исследования отметили сильную зависимость осуществления профессиональной подготовки персонала от финансовых и материальных возможностей компании, так как в кризисные, нестабильные периоды руководители компаний стараются более тщательно планировать организационные расходы. Профессиональная подготовка персонала является достаточно затратной статьей расходов, в которую непременно должны входить оплата учебного времени; стоимость учебных материалов; выплаты преподавателям, лекторам, тренерам, наставникам; аренда помещений для проведения обучающих мероприятий и др. В связи с этим возникает вопрос о том, кто должен нести расходы, связанные с профессиональной подготовкой работников компании. Для выяснения этого аспекта участникам исследования был предложен вопрос об оплате обучения, в результате которого оказалось, что подавляющее большинство руководителей (70,4 %) считает, что и работник, и компания должны нести солидарные расходы, касающиеся профессиональной подготовки.

Общая тенденция ответов респондентов на этот опрос отмечена и в связи с кризисным периодом деятельности компании, хотя небольшим бременем оплата профессиональной подготовки ложится на плечи работников компании. Согласно этим результатам, очень актуальна практика введения так называемых «ученических договоров в области профессиональной подготовки». Таким образом, и сотрудники не несут значительных финансовых расходов на свое обучение, и

компании могут быть уверены, что инвестиции в человеческий капитал окупятся, что они смогут воспользоваться результатами профессионального роста своих работников.

Анализ ответов проведенного экспертного опроса позволяет определить наиболее предпочтительную для руководителей современных российских компаний форму профессиональной подготовки персонала: организованные в соответствии с возникшей потребностью и продолжающиеся не более одной недели корпоративные курсы повышения квалификации или организованная при помощи дистанционной формы обучения профессиональная подготовка сотрудников непосредственно на рабочем месте, без отрыва от основной работы.

На основе анализа данных второго этапа исследования можно сделать вывод о том, что профессиональная подготовка персонала компании в достаточной степени зависит от стабильности положения компании на рынке. Наиболее приемлемой моделью профессиональной подготовки в кризисный период являются непродолжительные, редкие обучающие мероприятия с солидарной материальной и финансовой ответственностью по ее финансированию (компанией и работником) и только тогда, когда в ней есть крайняя необходимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: АВТОВАЗ: сегодня, завтра, вчера. Интервью с С.В. Вильчиком // Человек и труд. 2003. № 11. С. 77—79; Беляев К., Воробьева Л., Воробьева О. Корпоративное многоступенчатое образование — современная концепция управления развития человеческих ресурсов // Кадровик. 2008. № 9. С. 32—36.

² См.: Зименкова Е.Р. Управление трудовыми ресурсами // США — экономика, политика, идеология. 1997. № 7. С. 111—121; Ицкович Э.Л., Юрченко В.Е. Методика распределения финансовых ресурсов предприятия среди различных по тематике инновационных проектов // Проблемы управления. 2008. № 6. С. 51—58; Каштанова Е. Подготовка кадров при внедрении стандартов менеджмента качества // Кадровик. 2008. № 9. С. 56—65; Моргунов Е.Б. Корпоративный университет как инструмент становления научающейся компании // Управление персоналом. 2004. № 1—2. С. 46—50; Низова Л., Пищенина Е. Подготовка рабочих кадров — приоритет социально-экономического развития региона // Кадровик. 2009. № 3. С. 61; Оболенский С.Е. Менеджмент в корпорации «Хьюлетт-Паккард» // Управление персоналом. 1998. № 10. С. 20—22.

Поступила 16.09.09.

М. В. БИКЕЕВА

СОСТАВЛЯЮЩИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Ключевые слова: социальная ответственность бизнеса, данные социологических опросов, составляющие социальной среды предприятия, социальный пакет, условия работы и охрана труда, социальная защищенность работников

Key words: social responsibility of business, data of sociological inquiries, enterprise social environment components, social package, job conditions and labour safety, employees' social protection

В последние годы все большее значение приобретают социальные аспекты деятельности организаций. Это в равной мере относится к организациям всех типов, размеров и форм собственности вне зависимости от их территориального размещения, сферы деятельности, культурных и национальных традиций регионов. Эту задачу предпринимательство может эффективно решить только в случае осознания своей ответственности за успешное социально-экономическое развитие страны.

Проблема социальной ответственности российского предпринимательства в современных условиях активно обсуждается учеными, политиками и бизнесменами. Однако единого понимания содержания, целей и методологических особенностей исследования социально-экономической ответственности бизнеса пока не сформировалось.

Представляет интерес оценка социальной ответственности среди представителей бизнеса¹. Согласно данным социологических опросов, проведенных Ассоциацией менеджеров, примерно 25 % предпринимателей считает, что социальная ответственность реализуется в создании рабочих мест, выплате (своевременно и в полном размере) заработной платы

БИКЕЕВА Марина Викторовна, доцент кафедры статистики Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

и уплате налогов. Сторонники этой точки зрения указывают на то, что основной груз социальной ответственности должно нести государство. Такое понимание социальной ответственности чаще демонстрируют представители малого и среднего бизнеса, в то время как среди представителей крупного бизнеса такая позиция встречается гораздо реже. Среди этой группы бизнесменов распространено также мнение о целесообразности различать социальную ответственность бизнеса (фирмы) и бизнесмена (собственника). Если бизнес, согласно этому мнению, должен концентрировать усилия на получении прибыли и тем самым через налоги давать возможность государству проводить социальную политику, то бизнесмен как руководитель должен иметь моральные обязательства перед обществом, если власть не будет сама навязывать такие обязательства.

Несмотря на такую относительно узкую трактовку социальной ответственности, предприниматели убеждены в необходимости вносить свой вклад в социальное развитие, особенно своих работников, но считают нецелесообразным выходить за границы разумного и тем более подменять собой государство с его социальными функциями.

Около 50 % респондентов трактует социальную ответственность бизнеса достаточно широко и распространяет это понимание не только на работников своих компаний, но и на территорию своей деятельности. Эта констатация готовности бизнеса к реализации социальных программ принципиально важна. Наиболее последовательно этой точки зрения придерживаются представители крупных компаний, которые имеют достаточно ресурсов, чтобы не только продекларировать эту позицию, но и реализовать ее. Эта бизнес-группа готова к инвестициям в свой персонал, городские и областные социальные проекты.

Для представителей крупного бизнеса широкая трактовка социальной ответственности обусловлена тем, что они ставят перед собой масштабные цели, которые лежат за пределами их предпринимательской деятельности. Проявляя озабоченность относительно своего имиджа в обществе и властных кругах, они нередко воспринимают себя как общественных деятелей, политически значимых фигур, настроенных патриотически.

Таким образом, представления о социальной ответственности отечественного бизнеса связаны с тремя основными позициями. Бизнес должен быть заинтересован в производстве качественных товаров и услуг, уплате налогов, создании хорошо оплачиваемых рабочих мест, финансовой поддержке ведомственной социальной инфраструктуры; во вкладе в развитие социальных программ, влияющих на сферы деятельности предприятия в соответствии со своими стратегическими интересами, для повышения эффективности своего бизнеса в долгосрочной перспективе; в восприятии социальной ответственности как полноценного, многофакторного и структурного элемента деятельности предприятия, влияющего на имидж, инвестиционную привлекательность, маркетинговую эффективность, конструктивность взаимоотношений с властью, обществом, работниками и на другие важные характеристики деятельности предприятия, составляющие основу успешности бизнеса².

Цель данного исследования — оценка промышленного развития Республики Мордовия и реализации социальных обязательств представителями ведущих предприятий республики.

Республика Мордовия — это индустриально-аграрный регион с развитым производством полупроводниковой техники, электроники, экскаваторов, источников света, резинотехнических изделий, медицинских препаратов, продукции нефтехимического машиностроения. Основным показателем, характеризующим социально-экономическое развитие региона, является валовой региональный продукт (ВРП). В соответствии с официальными данными с 1998 по 2008 г. наблюдался постоянный рост объема производства ВРП. Сведения за 2009 г. в Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия пока отсутствуют.

Динамика производства ВРП Мордовии за анализируемый период носила неравномерный характер, в среднем увеличиваясь на 5,9 %.

Исследования показали и возрастающую тенденцию объема ВРП на душу населения, который к 2008 г. достиг 113 039,9 руб. на человека. Увеличение этого показателя обусловлено не только ростом производства, но и снижением численности населения республики (с 924,8 тыс. чел. в 1998 г. до 833,0 тыс. чел. в 2008 г.).

Вклад Мордовии в создание ВРП России за анализируемый период остается на уровне 0,3 %. В производстве ВРП республики наибольший удельный вес занимают обрабатывающие производства (24,9 % ВРП в 2008 г.), сельское хозяйство (17,1 %). Далее следуют строительство (12 %), оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования (11,5 %), государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение (7,8 %), транспорт и связь (7,4 %), здравоохранение, предоставление социальных услуг и образование (по 3,7 %) и др.

Промышленное производство в 2004—2008 гг. увеличивалось в среднем на 9,5 % каждый год, производство продукции сельского хозяйства также имело тенденцию роста (на 3 % ежегодно). В структуре промышленного производства наибольший удельный вес занимает продукция машиностроительного комплекса и металлообработки (43,4 %), пищевой промышленности (21,1 %), электроэнергетики (10,3 %), промышленности стройматериалов (12,3 %), химической и нефтехимической (4,2 %), а также медицинской (3 %) промышленности.

По темпам развития лидируют акционерные общества «Рузхиммаш», «Сарансккабель», «Пивоваренная компания», «Мордовцемент», «Мясоперерабатывающий комплекс „Атяшевский“», «Птицефабрика „Октябрьская“». Рост объемов промышленного производства за последние годы связан с динамичными инновационными процессами в реальном секторе экономики. Успешно реализуются задачи технического перевооружения предприятий «Лисма», «Рузхиммаш», «Сарансккабель», «Электровыпрямитель», «Ардатовский светотехнический завод» и др.

Одним из ведущих предприятий России по производству кабельной продукции является ОАО «Сарансккабель»³. Технология производства волоконно-оптического кабеля связана с техногенным воздействием на объекты окружающей природной среды, ухудшением общего экологического состояния. В требования, предъявляемые к технологическому процессу производства, входят рациональное природопользование и соблюдение природоохранного законодательства. Сегодня ОАО «Сарансккабель» — это одно из первых предпри-

ятий-производителей волоконно-оптического кабеля, которое внедрило систему экологического менеджмента и получило сертификат ГОСТ Р ИСО 14001-98.

Для ОАО «Сарансккабель» важен потребитель, о чем свидетельствует выпуск качественной продукции. Результаты исследования показали, что практически весь ассортимент кабеля производится по стандартам. Причем предприятие производит виды кабеля и осуществляет их доставку по заказам потребителя на выгодных условиях.

Важным разделом корпоративной социальной ответственности является забота о собственном персонале, которую можно проанализировать, например, через уровень заработной платы работников, условий и охраны их труда. По данным 2009 г., средняя заработная плата работников предприятия составляла 17 288 руб., за I квартал 2010 г. наблюдалось ее увеличение до 18 187 руб. Сравнивая эти показатели со среднереспубликанским уровнем начисленной заработной платы, можно сделать вывод об их превышении в 1,64 раза. Размер среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций по Мордовии за I квартал 2010 г. составлял 11 085,2 руб.⁴

Помимо заработной платы, превышающей среднереспубликанский уровень, ОАО «Сарансккабель» уделяет внимание охране и условиям труда работников. На предприятии осуществляются доплаты за вредные условия труда. Для каждого рабочего предназначена спецодежда, обновление которой осуществляется через каждые полгода. Для всех сотрудников выделено место для приема пищи со всем необходимым для этого оборудованием, есть душевые, предусмотрен бесплатный проезд до места работы на спецавтобусе.

Другим крупным предприятием, осуществляющим свою деятельность на территории республики, является ОАО «Электровыпрямитель» — производитель полупроводниковых приборов силовой электроники. На этом предприятии действует система менеджмента качества, соответствующая требованиям ГОСТ Р ИСО 9001-2008 в системе ГОСТ Р применительно к разработке, производству и поставке элементов тиристорных, диодных, силовых полупроводниковых приборов, интегрированных силовых модулей, сборок и преобразователей на их основе.

ОАО «Электровыпрямитель» — одно из немногих предприятий Мордовии, которое сохранило социальную инфраструктуру: детский лагерь «Орленок», база отдыха «Сура», дом отдыха «Лесное озеро». В соответствии с коллективным договором работники ОАО «Электровыпрямитель», имеющие детей, обеспечиваются льготными путевками за 5—10 % стоимости. Для многодетных семей и семей, где есть дети-инвалиды, а также одиноких родителей путевки бесплатны. Особое внимание на ОАО «Электровыпрямитель» уделяется оздоровлению работников. На лыжной базе предприятия периодически проводятся физкультурно-массовые мероприятия, спартакиады, летние и зимние дни здоровья. В физкультурно-оздоровительном комплексе ОАО «Электровыпрямитель» действуют спортивный и тренажерный залы, комплекс с сауной и бассейном, секции по гимнастике. Лечение, консультации и медицинские обследования работники получают в МСЧ «Электровыпрямитель» и здравпунктах на территории завода. Периодически проводятся диспансеризация, ежегодные флюорографические обследования и вакцинация трудящихся. Предусмотрено их страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Нельзя не отметить деятельность ОАО «Электровыпрямитель» в сфере благотворительности: оно регулярно оказывает поддержку детским домам г. Саранска и республики. Предприятие до 35 % прибыли направляет на реализацию социальных программ.

Таким образом, свои социальные обязательства предприниматели Мордовии реализуют, с одной стороны, через процессы социально-экономического развития своих предприятий, обеспечивая достойные условия для наемных работников, с другой — через выполнение требований, которые им предъявляют государство и общество в виде уплаты налогов, развития социальной инфраструктуры территорий, благотворительных и прочих программ⁵.

Социальная защищенность сотрудников предприятий республики обеспечивается рядом программ и инициатив, направленных на создание и поддержание корпоративной культуры, уважение ценностей и идеалов предприятия. Существует программа социальных льгот, предоставляемых работникам на основе добровольно взятых предприятием обязательств. В такой социальный пакет могут входить

обеспечение работников бесплатными или частично оплачиваемыми обедами, путевками в санатории и дома отдыха, абонементом в спортивные сооружения; содержание детей в детских учреждениях и др. В рамках корпоративной системы социальной защиты трудящихся часто встречаются такие социальные услуги и гарантии, как опережающая индексация заработной платы работников, оплата полисов добровольного медицинского страхования, предоставление гарантий негосударственного пенсионного обеспечения, предоставление социальных гарантий ветеранам труда и т. д.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Чирикова А. Бизнес как субъект социальной политики в современной России // Общество и экономика. 2006. № 9. С. 100—119.

² См.: Маркова Е.В. К вопросу о социальной ответственности бизнеса // Власть. 2007. № 6. С. 55—62.

³ См.: Экологическая политика ОАО «Завод „Сарансккабель“». Политика в области качества. URL: <http://www.saranskkabel.ru/otchet.php> (дата обращения: 03.06.2010).

⁴ Электронный ресурс: база данных содержит сведения о Федеральной службе государственной статистики России, цифровые данные о социально-экономическом развитии России, публикациях, а также информации, публикуемой в соответствии со специальным стандартом распространения данных МВФ (ССРД МВФ), новости. М., [2010—]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 04.06.2010).

⁵ См.: Гусов А.З. Социальная активность бизнеса как фактор модернизации российской экономики // Экономические науки. 2008. № 4. С. 16—19.

Поступила 10.06.10.

А. С. ПАЛИБИНА

ЗНАЧИМОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Ключевые слова: семья, ценность, религиозная ситуация, воцерковленность, верующие, социальный институт, православие, религия, православная церковь

Key words: family, valuable, religious situation, churching, believers, social institution, Orthodoxy, religion, Orthodox Church

Каждый человек живет в системе определенных ценностей, призванных удовлетворять его основные потребности. Ценности отдельной личности составляют систему ее ценностных ориентаций, под которой, как правило, понимается совокупность важнейших качеств внутренней структуры личности, являющихся для нее особо значимыми. Определенная система ценностных ориентаций выступает регулятором поведения конкретного индивида, служит критерием норм и правил поведения личности, по мере усвоения которых происходит ее социализация. В системе общепринятых ценностей семейные ценности занимают важное место.

Семья — один из важнейших феноменов, сопровождающих человека в течение всей его жизни. Любые семейные ценности уникальны, каждый член семьи имеет собственные взгляды на окружающую его действительность. Православная церковь называет семью «малой церковью», «единым организмом, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви»¹. Семейная жизнь является религиозно-нравственным установлением, члены которого имеют нравственные обязательства и ответственность. Потребность изучения значимости православных ценностей для современной российской семьи вызвана необходимостью детального анализа роли православной религии в формировании семейных отношений.

ПАЛИБИНА Александра Сергеевна, соискатель кафедры социальной работы Мордовского государственного университета.

В ходе трансформации российского общества произошла реконструкция религиозных отношений в общей системе социальных отношений. После семидесятилетнего забвения православная церковь как социальный институт вернула себе субъектный статус в общественной жизни. Традиционные конфессии активно участвуют в социокультурном, социально-политическом развитии российского общества, в том числе играют важную роль в брачно-семейных отношениях. Сегодня российская семья находится в состоянии кризиса, невольно став участницей изменений в стране. Исторически сложилось так, что в России православие являлось формирующим звеном в российской семье: традиции и обряды так или иначе изначально были подчинены религиозным канонам.

Весной — осенью 2008 г. нами совместно с кафедрой социальной работы Мордовского государственного университета было проведено социологическое исследование в городской и сельской местности Мордовии. Задачами исследования были изучение состояния православной религиозности населения республики, выявление соотношения православных и семейных ценностей и значимости православных ценностей для современной российской семьи в городе и селе.

По данным исследования, православными себя признали 63,3 % (13,5 % мужчин и 21 % женщин в городе; 11 % мужчин и 17,8 % женщин в сельской местности); неверующими — 23,5 % (11,4 и 5,1 % в городе; 5 и 2 % в сельской местности); затруднились с ответом 13,2 % (4,6 и 3,4 % в городе; 4,5 и 0,7 % в сельской местности). Эти данные практически полностью совпадают с результатами общероссийских исследований 2004—2006 гг., поэтому можно утверждать, что процесс изменения религиозности населения страны стабилизировался. Следовательно, больших изменений при стабильном развитии общества ожидать не стоит.

Для подробного и достоверного анализа полученных данных важно выделить пять признаков (индексов), характерных для образа жизни православного человека: «выполняемые обряды», «частота посещения храмов», «соблюдение постов», «регулярность чтения текстов и книг, рекомендованных церковью», «знание текстов молитв»². Можно утверждать, что если эти признаки явно выражены в образе жизни человека, то осуществляется процесс приобщения его к православной церкви (воцерковление).

Первый и важный признак (он является условием для ряда других признаков) — *выполняемые обряды*. Как правило, истинно православный человек должен выполнять все обряды церкви. Например, еще на Руси рождение ребенка было связано со многими приметам, но не меньше их было приурочено ко «вторым родинам» — крещению. Сегодняшние реалии таковы, что многие из респондентов приняли крещение в сознательном возрасте. Это наиболее ценно, так как они приняли первое таинство «не только сердцем, но и разумом».

Сегодня можно говорить об увеличении процентного числа верующих (по сравнению с серединой 90-х гг. XX в.), выполняющих обряды крещения, венчания, причастия, а также посещающих церковные службы и принимающих участие в церковных праздниках. При этом соотношение между мужчинами и женщинами составляет 1:1,5 в пользу последних. Такое распределение наблюдается в городе и сельской местности и объясняется несколькими причинами. Во-первых, после длительной невозможности участвовать в исполнении общецерковных обрядов верующие с максимальной отдачей стали соблюдать их. Во-вторых, не последнюю роль играет пример кого-либо из сомневающихся. Таким примером могут быть родственники, друзья, известные личности, которым хочется подражать. В-третьих, верующие до 30 лет получили возможность быть причастными к Русской православной церкви и ее обрядам еще в детстве и юношестве. В-четвертых, значительна пропаганда православного образа жизни в СМИ.

К обряду венчания верующие подходят с большей ответственностью. В Русской православной церкви сложилась разумная практика венчать лишь тех лиц, гражданский брак которых уже зарегистрирован. Венчание не может совершаться в любое время года и суток. Однако венчание в день, когда это запрещено церковным уставом, не делает таинство недействительным независимо от того, имело ли допущенное нарушение серьезную причину или нет. В венчании заключена традиция церковного осмысления основ семейной жизни.

Второй важный признак — *частота посещения храмов*. Согласно апостольскому правилу, посещение храма должно осуществляться каждое воскресенье и во все великие

праздники. Если человек пропустил без уважительной причины три воскресные службы подряд, то это значит, что он отошел от Русской православной церкви. Апостольские правила существуют и сегодня, но современный человек не в состоянии по многим причинам посещать храм еженедельно. Поэтому церковь относится к этому терпимо. Результаты ответов на вопрос относительно частоты посещения храмов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Частота посещения храмов, %

Частота посещения церквей, монастырей и т. д.	Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Нерегулярно, не каждый год	9,3	7,4	8,6	3,7
Один раз в год	5	5	1	3,1
Несколько раз в год	3,2	6,6	6,5	11,6
Раз в месяц	0,4	2,5	—	0,6
Каждую неделю	—	1,1	—	0,5
Другое (мнение респондентов «не посещаю»)	11,5	6,9	4,4	1

Третий признак — *соблюдение постов, установленных Русской православной церковью*. Однако сегодня соблюдают посты и неверующие ради оздоровления, члены различных сект и псевдорелигиозных организаций. Но мы изучаем не просто отказ от пищи, а духовное очищение, соблюдение постов как характеристику воцерковленности. По итогам исследования, соблюдают все посты лишь 1,1 % женщин. Самый большой процентный показатель в индексе «не соблюдаю постов» у 38 % мужчин и 28,5 % женщин. Нерегулярно постятся 10 % мужчин и 14 % женщин.

У Русской православной церкви есть четыре больших установленных поста: Великий, Петровский, Успенский, Рождественский. Стараются соблюдать Великий пост 0,7 % мужчин и 2 % женщин. Необходимо отметить, что для вновь обращенного верующего его соблюдение особенно трудно, потому что ограничение себя в еде и привыкание к другому образу жизни — это не просто физиологический, но и психологический процесс.

Четвертым признаком является *регулярность чтения книг и текстов, рекомендованных Русской православной церковью*. В идеале православный человек должен читать Евангелие и другие тексты каждый день. Однако процент таких очень мал. Для человека чтение Евангелия и других

текстов затруднительно из-за специфического изложения и содержания. Они сложны не только для чтения, но и для понимания (табл. 2).

Таблица 2
Регулярность чтения текстов, рекомендованных церковью, %

Регулярность чтения текстов, рекомендованных церковью	Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Нет, не читаю	22	14	15,5	9,7
Читал(а) давно	6,2	7,7	4	4,2
Регулярно читаю Евангелие	0,4	2,3	0,3	2,6
Читаю регулярно все тексты	—	0,9	—	—
Другое (мнение респондентов «иногда читаю»)	0,9	4,6	0,7	4

Пятый показатель — *знание текста молитв*. С этим возникают особые трудности, так как молитва всегда требует усилия. Большинство православных, особенно мужчины (17,9 % в городе и 10,2 % в сельской местности), не знает текстов молитв, тогда как 5,8 % женщин в городе и 11,2 % в сельской местности знают тексты основных молитв. После 1992 г. тексты с молитвами начали поступать в продажу, но и сейчас люди с трудом их осваивают, так как не были обучены этому в детстве.

Православная церковь приветствует выполнение взаимных обязанностей супругами, но эта взаимность далеко не одинакова. Муж, согласно православным канонам, является главой семьи. В опрашиваемых нами семьях большинство респондентов отмечает, что в принятии важных решений участвуют оба супруга и имеют равнопартнерские отношения. В некоторых семьях ответственность берут на себя женщины, мотивируя это тем, что мужчины не в состоянии обеспечить семью материально и не обладают достаточным духовным авторитетом. Это вызывает озабоченность Русской православной церкви, так как мужчина перестал нести ответственность перед Богом за благоденствие супруги и детей.

Православная церковь настаивает на том, что жена обязана повиноваться мужу во всем и слушать его, если только он не требует от нее то, что противоречит заповедям православия и нравственному закону. Но респонденты, в основном женщины, отмечают, что в современной семье должны быть равноправные отношения. При этом 15,1 % мужчин и 14,4 % женщин в городе, 15,8 % мужчин и 11 %

женщин в сельской местности говорят о необходимости дисциплины и иерархии в семейной жизни, отмечая, что это весьма важно для детей, так как «дети должны подчиняться и уважать старших членов семьи». Архиерейский собор 2000 г. подчеркнул, что «высоко оценивая общественную роль женщин и приветствуя их политическое, культурное и социальное равноправие с мужчинами, церковь одновременно противостоит тенденции к умалению роли женщины как супруги и матери»³.

Хранение верности своему супругу является неперемным православным и нравственным долгом мужа и жены. Поэтому православная церковь отвергает любую возможность измены и считает веской причиной для расторжения церковного брака неоднократно повторяющиеся измены одного из супругов, причем такие, в которых он не желает раскаиваться. Среди опрашиваемых (как среди верующих, так и неверующих) отношение к изменам однозначное, хотя есть и исключения (табл. 3).

Таблица 3

Отношение к вопросу супружеской измены, %

Отношение к супружеским изменам	Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Допускаю возможным физическую измену	0,8	0,6	0,2	—
Да, считаю возможным	1,8	0,2	0,4	1,5
Считаю допустимым, но не в моей семье	1,8	1,8	1,3	—
Нет, ни в коем случае	11	14,2	13,2	10,4
Затрудняюсь ответить	14,1	12,7	5,4	6,4

Для большинства мужчин в сельской местности измена не является причиной для развода (13,4 %) (женщины — 16 %), но и в городе это соотношение между мужчинами и женщинами практически одинаково — 15,9 и 13,6 % соответственно. Женщины в этом плане более консервативны: 18,4 % в городе и 16 % в сельской местности не признают измену в качестве важного аргумента для бракоразводного процесса. Таким образом, отношение к разводам среди опрашиваемых различно. Хотя основная масса среди категории верующих отмечает, что брак должен сохраняться при любых обстоятельствах.

Православная церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака.

Развод осуждается церковью как тяжелый грех, так как он приносит тяжелые душевные страдания супругам и детям. В случае разнообразных конфликтов между супругами церковь видит свою пастырскую задачу в том, чтобы всеми присущими ей средствами (научение, молитва, беседа) оберегать целостность брака и предотвращать развод. Однако существует ряд причин для развода, определенных Собором Российской Православной Церкви под председательством святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси, в 1917—1918 гг. и дополненных в 2000 г. юбилейным Архиерейским собором Русской православной церкви⁴.

Вопрос целомудренности и половых отношений является для церкви одним из основных. Целомудрие — мудрая устремленность к обретению и сохранению целостности, внутреннего единства личности, пребывающей в согласии душевных и телесных сил. Целомудрие охватывает все стороны человеческой жизни, поэтому неверно сводить смысл этой добродетели лишь к половому воздержанию. Сегодня в обществе нет единой точки зрения на эту проблему. Но Русская православная церковь настойчиво рекомендует быть целомудренным до вступления в семейную жизнь, объясняя это медицинскими и нравственными причинами. 19,3 % мужчин и 18,5 % женщин в городе допускают половую жизнь до брака, но при этом сами вступали в половую жизнь до брака 19,8 % мужчин и 15,5 % женщин. Равные показатели наблюдаются и в сельской местности: допускают половую жизнь до брака 17,1 % мужчин и 13,7 % женщин, но при этом вступали сами 12,8 % и 6 % соответственно.

Православная церковь не отрицает половые отношения. Поэтому и в «Основах социальной концепции» содержатся напоминания о том, что «человеческое тело является дивным созданием Божиим», а «телесные отношения мужчины и женщины благословлены Богом в браке, где они становятся источником продолжения человеческого рода и выражают целомудренную любовь, полную общность, „единомыслие душ и телес” супругов, о котором Церковь молится в чине брачного венчания»⁵. Именно в такой общности, не делимой от жертвенности и ответственности друг за друга, заключается достоинство отношений между мужчиной и женщиной. Вот почему церковь проповедует целомудрие, а не «свободную любовь», т. е. временную телесную близость,

освобожденную от верности, личностной и духовной общности. Также отмечается, что целомудрие должно сохраняться и в супружеских половых отношениях. С этим согласны 30,3 % опрошенных, затруднились с ответом на этот вопрос 28,8 %. Остальные утверждают, что супружеские половые отношения в принципе не могут быть целомудренными, отмечая, что нужна не только чистота тела, но и души, а это невозможно. Православные супруги не должны переоценивать своего духовного благополучия и преждевременно давать обет воздержания, для которого они еще не готовы.

Указывая на важность целомудрия в отношениях, церковь призывает к отказу от различных видов контрацепции. Хотя большинство респондентов (69,6 %) говорит о необходимости ее применения. Необходимость использования методов контрацепции респонденты объясняют ответственностью не только за свое здоровье, но и возможностью планировать свою жизнь.

Одной из главных целей брака является деторождение. Дети, согласно народной мудрости, — «благодать Божья». «У кого детей много, тот не забыт от Бога», — говорили наши предки⁶. Но мало родить ребенка, важно его еще и воспитать. В процессе воспитания должны принимать участие все члены семьи. Семья, являясь наследницей и хранительницей духовно-нравственных традиций, больше всего приобщает детей к своему укладу жизни, воспитывает понимание необходимости не только хранить, но и умножать то, что досталось от предыдущих поколений. Поэтому весьма важно участие в воспитании старших членов семьи. Так, 35,2 % опрошенных в городе отметили участие родителей в воспитании детей, но в незначительном объеме. В сельской местности этот процент ниже (25,9 %). Этому есть и объективные причины: отдельное проживание от родителей, нет в живых и т. д., а не только разрыв с родительской семьей.

В процессе воспитания важна и подготовка к воцерковлению детей. Этот процесс, как правило, очень долг и труден, но чтобы дети выросли православными, следует осуществлять подготовку с раннего детства. Однако с этим мнением некоторые респонденты не соглашались, считая, что дети должны самостоятельно принимать решение об участии в церковной жизни.

Православная церковь всегда была институтом социальной защиты семьи и ее членов, оказывая материальную, социальную и духовную поддержку всем нуждающимся. 6,4 % женщин в городе и 6 % в сельской местности, относящихся к группе верующих, уже обращались за поддержкой к представителям церкви за советом из-за проблем в семье (воспитание детей, проблемы с супругом, душевный дискомфорт); 4,7 % мужчин и 11 % женщин в городе, 5 % мужчин и 9,2 % женщин в сельской местности в случае каких-либо затруднений также обратились бы за помощью. Однако значителен процент тех, кто ни при каких обстоятельствах не пошел бы в церковь за помощью (12,8 % мужчин и 6,5 % в городе; 8,2 % мужчин и 1,8 % женщин в сельской местности). При этом отмечается, что участие священнослужителей во внутренней семейной жизни нежелательно, и они, если и могут помочь, то лишь в отдельных ситуациях.

Социальная база православной религии традиционна: верующими чаще всего являются люди в возрасте 18—24 года, 25—29 лет и старше 50 лет. Среди них женщин больше, чем мужчин. Процентное соотношение между городом и сельской местностью по всем основным характеристикам практически равно (в отличие от предыдущих лет, когда сельская местность традиционно считалась более религиозной, чем город). Религия стала относительно массовым явлением, равномерно охватившим все социально-демографические группы населения. Однако стоит заметить, что распространение религиозности не сопровождается православной воцерковленностью населения. Лишь незначительная часть верующих соблюдает все предписания Русской православной церкви.

Основные ценности православия социально значимы для современной российской семьи. Но такие характеристики, как «муж есть глава семьи», «дисциплина и иерархия в семье», «целомудренность семейных отношений», нашли отражение только у трети православных. Остальные, в том числе и те, кто отнес себя к неверующим и затруднившимся ответить, отметили, что эти постулаты церкви потеряли свою актуальность в современном обществе, где женщина вынуждена становиться главой семьи. В то же время 16,5 % населения обращались за помощью и поддержкой в трудной жизненной ситуации к представителям Русской православной церкви, хотя отмечается тенденция, когда люди не готовы идти за

помощью в решении своих семейных проблем в церковь, предпочитая решать их самостоятельно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О социальной концепции русского православия / под общ. ред. М.П. Мчедлова. М.: Республика, 2002. С. 325.

² См.: Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академ. Проект, 2005. С. 19.

³ Православная энциклопедия: [к 2000-летию Рождества Господа Нашего Иисуса Христа]: учеб. пособие / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 6. С. 161.

⁴ См.: Иеромонах Савва (Тутунов). Брак в современном обществе // Журн. Москов. Патриархии. 2006. № 11. С. 60—65.

⁵ О социальной концепции русского православия ... С. 223.

⁶ Цит. по: Киселева О.Ф. Традиции православного воспитания. Духовность и послушание детей в семье третьего тысячелетия. М.: Книжник Дом: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. С. 43.

Поступила 17.12.09.

Т. А. РАССАДИНА Е. А. СЕМЕНОВА

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ «ОБЩЕСТВА РИСКА»

Ключевые слова: «общество риска», риск, рисковое поведение, неопределенность, социокультурные изменения, трансформация ценностей, рациональность, рефлексивность

Key words: «risk society», risk, risk behaviour, uncertainty, socio-cultural changes, transformation of valuables, rationality, reflexivity

В условиях ускорения социального времени, глобализации мирового пространства, открытости, неустойчивости и неравновесности социальных систем, нелинейности и непредсказуемости социальных изменений разнообразие и количество угрожающих человечеству опасностей неуклонно растут, современное общество все чаще определяется как «общество риска».

«Общество риска подразумевает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место — как причина нынешней жизни и деятельности — приходит будущее, т. е. нечто несуществующее, конструируемое, вымышленное. Когда мы говорим о рисках,

РАССАДИНА Татьяна Анатольевна, профессор кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета, доктор социологических наук.

СЕМЕНОВА Елена Александровна, соискатель кафедры связей с общественностью Ульяновского государственного университета.

мы спорим о чем-то, чего нет, но что могло бы произойти, если сейчас немедленно не переложить руль в противоположном направлении»¹.

Россия, интегрировавшись в общемировую систему политических, экономических и социальных связей, как и остальной индустриально развитый мир, сталкивается с негативными последствиями перехода к «обществу риска». Последствия этих проблем проявляются в росте постоянного воспроизводства различных рисков (гонка вооружений, локальные войны, межэтнические конфликты, экстремизм, терроризм, сепаратизм, политический и финансово-экономический кризисы, бедность и голод, депрофессионализация, деморализация политики и права, недоверие к власти, социальный пессимизм, преступность, слабость гражданского общества, усиление авторитарных тенденций, понижение социального статуса одновременно нескольких широких социальных слоев, ценностно-нормативная дезинтеграция, кризис духовности и искусства, психические заболевания, кризис семьи, образования, воспитания и т. п.).

Появляются новые социальные группы риска, образуемые людьми, пережившими те или иные катастрофы, получившие военные, культурные или социальные травмы. Меняются формы взаимодействия техногенных рисков с природными (природогенными) и социальными (социогенными), рисковые процессы становятся более взаимозависимыми, приобретая способность к взаимному и многократному усилению.

В науке сложилась определенная теоретико-методологическая база исследования рисков. Успешная работа научного сообщества и российского общества в целом над минимизацией наиболее одиозных форм риска и угроз безопасности, по оптимистичным оценкам, потребует десятилетий. Однако ряд проблем пока не получил должного научного исследования. Это, например, проблемы, связанные с изучением человека, его реакций, ожиданий, процесса социокультурных изменений, трансформации ценностной системы под влиянием фактора риска. Между тем понимание влияния этих духовных составляющих на социальное управление в условиях общества риска является архиважным.

Важнейшим свойством современной эпохи является неопределенность, имеющая место в каждой ситуации и событии. Общество риска — это общество неопределенности и

двойственности, сам риск — это всегда событие или явление с неопределенными последствиями.

Последствия риска предполагают диалектику явного и латентного: они могут оказывать отрицательное воздействие на состояние членов общества, что ведет к возрастанию их нефункциональности, и могут способствовать переходу акторов в иное социальное состояние, позитивно увеличивающее их статусно-ролевую функциональность или, в отдельных случаях, имеющее нейтральный эффект. Двойственность любого решения, сопряженность любого блага с возможно еще большим ущербом выдвигаются в «обществе риска» на первый план.

В бифуркационном социуме, насыщенном событиями, конфликтами, конкурирующими и невероятными альтернативами будущего, отчетливо проявляются хаотические тенденции и риски, разрушаются условия для общественного консенсуса, подрываются основы коммуникации. Поведение, ориентированное на такие случайности и принятие таких альтернатив, является противоречивым. Эта неустойчивая ситуация усугубляется еще и тем, что возможности выбора весьма существенно затрудняют принятие адекватного решения. Сам выбор (индивидуальный или солидарный) моделирует ситуацию бифуркации, которая может дать непредсказуемые результаты, оказать кардинальное воздействие на исторический процесс. Как правило, решения принимаются в условиях неопределенности и ограниченной информации о наборе возможных событий и их вероятном исходе, малые воздействия могут привести благодаря эффекту нелинейности к невероятно большим последствиям как позитивным, так и деструктивным. Осмысление риска в «колонизации будущего» (Э. Гидденс) не может быть полным, возможны непредвиденные и неожиданные исходы. Современное рисковое поведение вообще не вписывается в схему рационального / иррационального (Н. Луман). Принимаемые решения всегда связаны с рисковыми последствиями, по поводу которых принимаются дальнейшие решения, также порождающие риски. Возникает серия разветвленных решений, или «дерево решений», накапливающее риски.

Риск становится динамичной мобилизующей силой в обществе, стремящемся к переменам. Рисковые ситуации разрывают преэминентность в организации институциональной

системы радикального модерна, социальных и культурных традиций, дезориентируют, дезинтегрируют людей, порождают фрагментарность, вызывают у современного человека ряд противоречивых психологических состояний, выражающихся в сомнениях, состояниях тревоги. Тревожность, страх, неуверенность, сомнение, недоверие, ощущение избытка опасностей, пессимизм закреплены в эмоционально-волевой структуре личности и массового сознания. Отсюда и сходные реакции: фрустрация, депрессия, агрессивность, внутренний конфликт. Социальная адаптация в таких условиях требует больших внутренних ресурсов и затрат от личности, чем при обычной социализации в обществе. В ее успешности особо важны сильное «Я», рациональность, критичность и саморефлексия, а также предыдущий опыт прохождения через стрессовые ситуации, в ходе которого вырабатывается психологическая гибкость и развиваются адаптивные способности.

Постоянно обновляемые, трудно прогнозируемые ситуации риска трансформируют повседневную жизнь человека в процесс их постоянной калькуляции и осмысления в терминах риска. Наблюдается рост актов самостоятельного выбора при решении жизненно важных проблем, все большего дистанцирования от влияния общественных структур, полагания либо на оценку экспертов, либо на социальный опыт, интуицию. В результате перед людьми открываются невиданные ранее возможности рефлексивного созидания не только себя, но и обществ, в которых они живут; предоставляется возможность выбора социального контекста (в какие социальные отношения вступать и поддерживать, а в какие — нет). Отсюда неизбежность новых форм рефлексивности человека: разработки абстрактных схем, нацеленных на учет реализации возможностей. Как показал У. Бек, модерн производит не только новые риски, но и новые рефлексивные способности, позволяющие минимизировать данные риски. В таком обществе сознание определяет бытие. Рефлексивность распространяется на жизненные ценности, вынуждает искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в меняющемся социуме, связей с государством и окружающей социальной средой².

Вместе с тем современные риски не поддаются калькуляции и не компенсируются, у них нет конкретного

виновника. Они способствуют возникновению нового неравенства (одни «производят» риски, другие вынуждены их «потреблять», жить в рискованной среде), одновременно риск «демократичен» (в итоге он настигает тех, кто его производит), производство рисков изменяет политическую систему общества. Экономический рост стал приравниваться к прогрессу, в нем стали видеть признак преуспевающего общества. Экономическая и политическая стабилизация общества достигается за счет демодернизации, возврата к архаическим формам социальной организации, усилению авторитарных, силовых, имперских тенденций на макро- и микросоциальном уровнях. Дезинтеграция общества сопровождается выделением «энергии распада», которая институционализировалась в форме теневых и криминальных сообществ. Потенциал самоорганизации общества не реализуется, способность к продуцированию инициатив снижается, социальная апатия не исчезает, общественная активность направляется на реализацию чувственных потребностей и интересов.

Восприятие и принятие риска являются не только психологическими, но и социальными проблемами: человек поступает в соответствии с ожиданиями, предъявляемыми к нему его постоянной референтной группой, и выбор поведения и его детерминант контролируется социальными факторами.

Результаты нашего социологического исследования³ показали, что сбывается утверждение У. Бека о глобальности и универсальности риска, его необъятном масштабе. Процессы глобализации стирают границы рисков и угроз, делают мир единым в борьбе с общими проблемами. Исследование продемонстрировало перечень наиболее важных угроз, которые, по мнению респондентов, относятся к ним лично, а также к стране и миру в целом, например, финансово-экономический кризис, безработица, терроризм, бедность, экологические проблемы (глобальное потепление, загрязнение окружающей среды и др.). В приоритетах выявлены некоторые отличия. В рейтинге значимых личных проблем оказались безработица, бедность, финансово-экономический кризис, болезни, экология. Мировыми проблемами названы терроризм, войны, болезни, финансово-экономический кризис, природные бедствия. В этом ряду далекими и субъективно не представляющими реальную угрозу стоят транспортные аварии, голод,

революции, бездуховность, распространение дезинформации СМИ, коррупция, изношенность инфраструктуры, безразличие и беспредел чиновников. Вполне адекватным является представление о наиболее уязвимых группах риска (дети, старики, бедные, молодежь, не имеющие хорошей работы). Риски становятся уделом малоимущих.

Риск упрочивает определенные солидарности и социальные дистанции. Человеку свойственно искать поддержку в сложной ситуации. В 2001 г. каждый второй респондент обратился бы за помощью к своим родным, каждый четвертый — к знакомым. Ценность поддержки близкого человека, участие в судьбе другого остаются неизменными и в 2010 г.: 36,4 % обращаются за помощью к родственникам и членам семьи, 23,4 % опрошенных ищут поддержку у друзей. Вместе с тем очевиден рост самодетерминированности («ни к кому не обратились бы за помощью» в 2010 г. 18,4 %, в 2003 г. — 4,7 %, в 2001 г. — 6,6 %). Каждый десятый находит силы и утешение в церкви (мечети) (11,4 %). Государство как социальный институт по-прежнему не находится в числе приоритетных субъектов, к которому хотелось бы обратиться за поддержкой.

В условиях реальных катастроф (пожар в ночном клубе в Перми, авария на Ульяновском арсенале, теракт в «Невском экспрессе») спокойных и не испытывающих никаких чувств около 1 %. Преобладающими эмоциями людей являются сочувствие, жалость к пострадавшим (32,0 %), беспомощность (17,3 %), тревога (16,9 %), ненависть к виновникам (12,3 %), страх (11,9 %). Только около 2 % опрошенных были возмущены бездействием власти (0,9 %), отсутствием информации о реальности событий (0,9 %).

Ответственность за постоянные угрозы, риски респонденты приписывают в основном государству (20,2 %) и самим людям (15,9 %). В списке виновников оказались региональная и местная власть (по 11,0 %), олигархи (10,1 %), правоохранительные органы (9,8 %), другие государства (например, США) (7,0 %), партии и СМИ (по 6,1 %).

По мнению опрошенных, риск выгоден олигархам (21,4 %), другим государствам (16,7 %), государству и местной власти (19,2 %), СМИ (8,1 %), партиям (7,3 %). Это дает им материальные выгоды и власть. Однако 12,4 % опрошенных полагают, что ситуации рисков и опасностей не нужны никому, так как от них страдают все.

Жизнь в условиях кризисов, опасностей, рисков отражается в сознании людей дифференцированными формами доверия-недоверия. В этих условиях максимальное доверие выражено Министерству по чрезвычайным ситуациям (85,7 %), Администрации Президента РФ (56,1 %), Правительству РФ (55,5 %), армии (49,1 %). Меньше доверия заслужили милиция, региональные, городские власти (по 25,0 %), региональные и городские законодательные органы (от 5,0 до 10,0 %).

По наблюдениям респондентов, окружающие эмоционально справляются с опасностями, рисками (никак не реагируют, пока ситуация напрямую их не коснется; ищут тех, кто может помочь, поддержать; переживают, волнуются; находятся в состоянии растерянности, не знают, что предпринять; стараются держаться подальше от таких ситуаций). В поведении опрошенных, кроме таких же эмоциональных реакций, присутствуют рациональность, продуманность, смелый взгляд на жизненные невзгоды и вера в свои силы (лучше думают о вариантах выхода из таких положений [ранг 1]; настраиваются на лучшее [ранг 3]; риски, опасности приводят их в активное состояние, «заводят» [ранг 5]).

Рационализация рисков проявляется и в ситуациях, когда обнаруживается возможность рискнуть для достижения жизненного успеха, что связано с освоением / выполнением новой и напряженной деятельности (начать новое дело, получить новое образование, сменить работу). Каждый второй готов в подобной ситуации пойти на риск (34,4 % пошли бы на риск в случае уверенности в успехе; 18,8 % обязательно рискнули, даже если не были бы уверены в успехе); каждый пятый не готов к такому риску (13,1 % скорее не стали бы рисковать, если не уверены в успехе; 5,7 % ни за что не стали бы рисковать, так как спокойствие дороже). Человек не только осознает современные риски, но привыкает к ним. Рисков много в любое время (38,8 %) и в переходные периоды (37,2 %). Хотя 26,2 % утверждают, что рисковать следует в стабильные периоды, а каждый пятый (18,85 %) — в переходные периоды. Уверены, что рисковать следует всегда, 19,7 %, и полагают, что рисковать не следует никогда, 8,2 %.

Риск — фактор не только структурных, технологических, но и социокультурных изменений. Главными нормативны-

ми идеалами прошлых эпох были равенство и социальная справедливость, в обществе риска — безопасность. Система ценностей неравноправного общества все более заменяется системой ценностей «небезопасного общества». Социальная адаптация пропитана разновекторными ценностными отношениями, динамика которых является перманентным процессом.

Представим оценку направленности и интенсивности динамики ценностных ориентаций по основаниям традиционных и современных нравственных ценностей, произведенную с помощью методики Ч. Осгуда. Семантический дифференциал позволяет измерить поведенческие составляющие ориентаций по восприятию и оценкам других. Предложенная оценочная шкала (26 альтернатив) имеет направленность от традиционных нравственных ориентиров (отрицательная часть континуума) в сторону их альтернатив (положительная часть)⁴.

Как показывают исследования, жители Ульяновска проявляют высокую самостоятельность, независимость (средние арифметические по *i*-ой шкале составили в 2001 г. +1,1, в 2003 г. — +1,0, в 2010 г. — +0,330; во многом полагались на свои силы в 2001 г. +1,6, в 2003 г. — +1,2, в 2010 г. — +0,839; имели активную личностную позицию в 2001 г. +0,9, в 2003 г. — +0,8, в 2010 г. — +0,122; стремились пожить для себя в 2001 г. +1,0, в 2003 г. — +1,1, в 2010 г. — +0,518). Высока сила хитрости (+0,3; +0,2; +0,179 соответственно), соперничества (+0,1; +0,2; +0,367). Прочные позиции занимают безразличие к общественному мнению (в 2001 г. — +0,2, в 2003 г. — +0,3, в 2010 г. — +0,198), стремление строить свою карьеру (+1,0; +1,2; +1,009 соответственно). Выявлена рационализация коммуникативной сферы человека: есть движение от откровенности, открытости к замкнутости, закрытости (–0,1; –0,3; +0,188 соответственно).

Жесткие социальные условия и компенсирющие их распространение гуманистические подходы влияют на понимание ценности человека не только как разумного, активного, но и гуманного. К духу применима категория силы, но в этот мир может вторгаться иное начало — дух свободы, человечности, милосердия. Мнения респондентов показывают выраженность этой другой стороны силы духа. В человеке, по данным опросов, есть определенный

перевес нравственных качеств: жалости, сочувствия над черствостью и безжалостностью (средние арифметические по i -ой шкале составили в 2001 г. $-0,2$, в 2003 г. — $-0,6$, в 2010 г. — $-1,933$); миролюбия над агрессивностью ($-0,6$; $-0,6$; $-0,688$ соответственно); честности над лживостью ($-0,4$; $-0,7$; $-0,726$); совестливости над бессовестностью ($-0,7$; $-0,6$; $-0,688$), взаимовыручки над ее отсутствием ($-0,8$; $-0,8$; $-0,5$). Сохраняются вечная российская терпеливость ($-0,7$; $-0,5$; $-0,716$), всечеловечность как способность легко уживаться с другими людьми, их идеями, системами ценностей ($-1,2$; $-0,8$; $-0,839$ соответственно).

Вероятно, сохранение этих духовных качеств при осмыслении происходящих перемен и активном обсуждении проблематики русского национального характера способствовало в последние годы движению в традиционную сторону такой системообразующей ценности, как коллективизм (коллективизм-индивидуализм: $+0,2$; $+0,2$; $-0,132$).

В целом можно предположить, что вектор движения ценностей меняет свою направленность в сторону традиционных (в 2001 г. $W = +0,03$; в 2003 г. — $+0,02$; в 2010 г. — $-0,01$). Заметим, общая направленность и интенсивность измеренной установки W изменяет величину в интервале от -1 до $+1$. Последнее десятилетие показало, что полного отказа от традиционного, доказавшего свою состоятельность и в итоге способствующего достижению безопасности, не происходит. Человек упорядочивает непредвиденные события, соотнося их, с одной стороны, с рисками, опасностями, с другой — адаптивными возможностями, осознанием реальности тех типов рисков, которые уже освоены в предыдущем социокультурном опыте. Смысловое поле обыденности способствует повышению стереотипизации восприятия мира, что является важным для мышления человека в терминах риска. Смысловое поле обыденности складывается и стабилизируется благодаря доверию к устойчивому воспроизводству социальных отношений в ожидаемых формах.

Новый рефлексивный мир, пропитанный разными видами рациональности, есть взаимопроникновение инновации и традиции, рефлексивности и рутинности, основа для «обретения власти» в условиях нелинейной социокультурной динамики. Обретение власти — это способность людей рефлексировать относительно новых систем ценностей,

самоидентификаций при выработке оптимальных способов решения проблем, связанных с рисками, учетом факторов порядка, ранее сделанных выборов, которые зарекомендовали и оправдали себя.

В условиях постоянных изменений, латентных процессов и непредвиденных последствий, которые продуцирует рискованная среда, познание, освоение социального мира формируют новые субъективно значимые смыслы, самоидентификацию индивидов, менталитет, поведение, новый социальный порядок, в котором изменения, непредсказуемость, скрытость стали новой формой социальной устойчивости. Отслеживание, понимание этих процессов, прогнозы возможных сценариев развития представляются не только захватывающими для исследователя акциями, но и онтологической социальной необходимостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 175—176.

² Его же. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 34—35.

³ См.: Рассадина Т.А. Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социол. исслед. 2004. № 7. С. 52—61.

⁴ См.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология. Программа. Методы. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1995. С. 190—193.

Поступила 28.04.10.

Н. С. КУЛЕШОВА ДЕТСТВО КАК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: детство, ребенок, человеческий капитал, общество риска, социализация, социальный институт

Key words: childhood, child, human capital, risk society, socialisation, social institution

Детство как социальный институт общества и сами дети как объекты научного анализа стали предметами исследования в социально-гуманитарном знании сравнительно недавно, примерно в середине XIX в. Естественно, и до этого времени существовало немало трудов, в той или иной степени рассматривающих детство как особый мир бытия человека, его вначале преимущественно природные, а позже и социокультурные основы. В конце XX — начале XXI в. исследование феномена детства как особого социального института приобрело практическую актуальность. В настоящее время можно считать детство одной из глобальных проблем современности, потому что решение каждой из них в той или иной степени зависит от понимания особенностей детства в современном мире. Именно в этот период, когда население Земли превысило 6 млрд чел., демографы сделали вывод о том, что рост численности населения мира происходит не за счет рождаемости, как это было на протяжении многих веков, а за счет постоянного и массового увеличения продолжительности жизни населения. Если в 1980 г. дети с рождения и до 4-х лет составляли примерно 600 млн чел. в совокупном населении Земли, а людей старше 65 лет было чуть больше 200 млн чел., то с 2005 г. начинается снижение общей численности детей в самом младшем возрасте, в то время как численность старших возрастов достигла 600 млн чел. и будет неуклонно увеличиваться.

Работники отдела народонаселения Секретариата ООН, анализирующие исследования в области демографии и защиты семьи, отмечают, что в мире происходит значительное

КУЛЕШОВА Наталья Сергеевна, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Московского государственного университета, кандидат философских наук.

изменение общего уровня рождаемости. Известно, что для простого воспроизводства народонаселения, т. е. сохранения его общей численности, необходимо рождение в каждом поколении не менее 2,5 ребенка на каждую женщину. В настоящее время среди высокоразвитых стран мира этот уровень воспроизводства характерен только для США, а в странах Западной Европы он ниже 2,1, причем в таких странах, как Япония, Германия и Италия, этот показатель ниже 1,5. Это позволило П. Дж. Бьюкенену дать название своей работе «Смерть Запада»¹.

Для современной России характерна начавшаяся с 1992 г. депопуляция страны, которую Н. М. Римашевская назвала «русский крест»². Преобладание смертности над рождаемостью обусловлено не только кризисными процессами, но и объективным движением возрастных когорт, которое нельзя отменить ни правовыми нормами, ни социальными поощрениями.

Наметившееся в последние годы увеличение рождаемости в России та же Н. М. Римашевская назвала «привет из 80-х гг.», характеризовавшихся «бумом рождений». Дети тех лет достигли репродуктивного возраста. Однако с начала 90-х гг. XX в. происходило существенное уменьшение рождаемости, когорты репродуктивного возраста становятся все малочисленнее. Поэтому российские исследователи прогнозируют дальнейшее сокращение народонаселения страны, аналогичное высокоразвитым странам мира³.

Последние десятилетия показали беспочвенность доводов демографов-алармистов о том, что бурный и неконтролируемый рост населения Земли приведет к перенаселенности планеты и гибели всех современных цивилизаций. Практика убедительно показывает, что современное народонаселение планеты увеличивается не по природным, а социокультурным законам. На место многовековой ценности многодетной семьи, характерной для любого традиционного общества, для большинства народов мира приходит ценность малодетной семьи.

Переход к этим принципиально новым ценностям современного бытия человека был обусловлен рядом объективных причин: включение всех стран и континентов в глобальные процессы; масштабная урбанизация Земли, так как уже половина населения планеты живет в городской среде, и более

трети населения — это внутренние или внешние мигранты; постоянное увеличение вовлеченности женщин в работу по найму, что не способствует сохранению традиционных ценностей крепкой семьи и ее многодетности; целевая установка современных СМИ на пропаганду ценностей общества потребления, которая ориентирует население на престижное обладание и другие ценности бытия.

Современные исследователи народонаселения планеты делают акцент не на росте общей численности населения Земли, а на его качестве.

П. Бурдые, анализируя проблематику современного человека, показывает, что процесс его становления может быть рассмотрен как итоговая сумма четырех основных капиталов: экономический капитал (материальные ресурсы, деньги, товары); культурный капитал, включающий не только уровень образования человека, но и авторитетность полученных дипломов и аттестатов; социальный капитал (каждый человек принадлежит какому-то классу, социальной группе, имеет определенные властные и жизненные шансы, и именно социальный капитал является атрибутивным признаком современного человека, основой всех существующих социальных отношений и структур современного общества); символический капитал, основу которого составляют престиж и репутация человека, его авторитет и популярность в обществе⁴.

Следует отметить, что неустойчивость характерна не только для России, но и всего современного человечества, живущего в обществе риска. Отличительной чертой этого общества является то, что все происходящие в нем социокультурные процессы осуществляются хаотически, имеют ярко выраженный нелинейный и вероятностный характер, а быстрые темпы изменений в социальных институтах и учреждениях общества, как изменения самой социальной структуры, особенно разнонаправленность происходящих в обществе массовых процессов, делают процесс формирования человека достаточно длительным и непредсказуемым⁵. Эти неравномерности и общая нестабильность существенным образом влияют на первичную социализацию российских детей.

По данным официальной статистики, за последнее десятилетие в России существенно сократилось общее число

детей, сейчас их в стране 27,6 млн чел. Это на 10 млн чел. меньше, чем во время перестройки, распада СССР и становления РФ. Вместе с тем за эти же годы по сравнению с предыдущими периодами существенно увеличилось число детей, которые относятся к социальным сиротам (по данным комиссии Государственной Думы их в стране сейчас не менее 720 тыс. чел.). Удручает высокая численность детей-инвалидов (свыше 650 тыс. чел.), что составляет не менее 1,8 % от общей численности детей в стране.

Урбанизационные процессы советского периода развиваются и в современной России. Неконтролируемый рост численности населения городов за счет внутренних и внешних мигрантов, особенно в условиях кризисного состояния общества, порождает ряд негативных социальных процессов: рост маргинализации населения, нестабильность, малодетность семьи, усиление девиантного и делинквентного поведения детей и подростков, алкоголизация и наркотизация населения, вспышки социальных болезней (туберкулез, гепатит, педикулез), склонность к агрессивному поведению.

В таких социокультурных обстоятельствах у большинства населения существенно угасает (порой полностью пропадает) общечеловеческая потребность иметь детей, увеличивается количество разводов, абортот и т. п.

Экономический капитал среднестатистического современного российского ребенка незначителен, хотя бы потому, что институт частной собственности в стране складывался не из традиционного наследственного капитала, в основе которого лежала жизнь и деятельность двух-трех поколений, а из процессов приватизации экономических богатств страны, особенно монополизации ее природных богатств и последующей ваучеризации страны. В результате этих процессов возник и функционирует частный капитал сравнительно небольшой группы магнатов-миллиардеров. У большинства россиян нет каких бы то ни было значимых ресурсов, товаров или денежных капиталов. Прогнозы и социальные ожидания относительно роста среднего класса российского общества, который должен был стать основой нового строя, все еще не подтвердились практикой.

В соответствии с федеральными и местными законами при рождении ребенка родители единовременно получают определенную сумму денежного вознаграждения, а затем

и постоянную (в течение определенного срока) социальную помощь. Особо следует подчеркнуть значение материнского капитала, который, по мысли создателей этого закона, может лечь или в основу первоначального взноса будущей ипотеки ребенка (что весьма сомнительно при существующих ценах на жилье), или пригодиться для оплаты его будущего высшего образования, что также не менее проблематично. В этом смысле материнский капитал (на второго и последующих детей) является своеобразным символом, подчеркивающим, что современному российскому государству важен каждый новорожденный россиянин, особенно тогда, когда он не один. Для специалистов по проблемам народонаселения очевидно, что это будут или дети в религиозно-настроенной семье (независимо от конфессии родителей), или, что также весьма очевидно, дети в социально неблагополучных семьях. Родители таких детей злоупотребляют детскими пособиями.

Проблема культурного компонента особенно заинтересовала представителей критически настроенной группы философов постмодерна, которые, анализируя существование людей в современном западном обществе потребления, неоднократно подчеркивали, что в мире потребления человека интересуют не сами вещи, предметы или процессы, а их символы или симулякры, с помощью которых человек демонстрирует свою принадлежность к обществу потребления. Жизнь в обществе потребления заставляет человека быть на должной высоте, а обладание дипломом престижного учебного заведения играет роль такого значимого символа или знака. Это симулякр, который с успехом может заменить реальные знания⁶.

Само понятие «культурный капитал» подчеркивает, что каждый человек с самого раннего возраста адаптируется в культуре. Нормами культуры и стандартами поведения ребенок овладевает уже в процессе первичной социализации (сначала в семье, а затем в среде ближайшего социального окружения). В современном мире ребенок овладевает нормами культуры определенного типа и с помощью массовых коммуникаций, особенно посредством телевидения.

Однако при нарушении процесса преемственности культуры от поколения к поколению, что всегда происходит в период радикальных трансформаций общества, русские культурные традиции, вплоть до языковых норм, могут быть

утрачены в течение жизни двух-трех поколений. Нельзя забывать о том, что культурный капитал ребенка формируется и в системе народного образования. В России она включает сеть дошкольных, школьных и других учебных заведений (от ПТУ до университетов и академий). Приобщение к знаниям через систему народного образования существенно увеличивает шансы молодого человека, впервые оказавшегося на рынке труда.

З. Бауман утверждает, что в современном мире знание — это основа не только для свободы доступа к жизненным ресурсам, но и для возможности их выбора. Именно знание, а не деньги, власть и влияние, которые были жизненными ориентирами эпохи модерна, становится одним из основных источников и реального богатства, и не менее реальных конфликтов не только между людьми, но и между народами и государствами. Научить ребенка учиться, сформировать у него потребность в получении нового знания, потребность в самоактуализации своего творческого потенциала — весьма важная задача, стоящая перед современным человечеством⁷.

Сегодня в России у старших поколений сохранилась высокая оценка знания, поэтому они из года в год, несмотря на разные привходящие негативные обстоятельства, делают все от них зависящее, чтобы дети, окончив среднюю школу, продолжали получать дальнейшее образование. В настоящее время в РФ на каждые 10 тыс. чел. населения приходится 279 студентов. Это высокая цифра и ей можно было бы гордиться, если бы коммерциализация образования и переориентация большинства вузов в сервисно-коммерческие учреждения не породили бы негативные «социальные технологии» современного обучения, которые предполагают грубую фальсификацию образования, погоню за престижными или модными дипломами, симулякрами.

Социальный капитал — это атрибутивный признак человека, исходная точка при отсчете жизненного пути каждого человека. В современной социологии достаточно подробно рассмотрены вопросы социальных статусов и социальных ролей, показана эта проблематика в условиях существования зарытых и открытых обществ, при тоталитаризме и в странах с развитой либеральной идеологией.

В условиях современной России с ее переходным типом общества, высокими социальными рисками социальный ка-

питал человека значит существенно больше, чем в странах с развитой либеральной демократией. Социальный капитал современного россиянина зависит от социальной, этнической, региональной и даже конфессиональной принадлежности человека, а также от типа и формы семьи, которая особенно значима для первичной социализации ребенка.

Характерными особенностями современной российской семьи являются ее нестабильность и малодетность в условиях сравнительно низкого достатка. Это формирует типичные социокультурные характеристики многих современных молодых россиян, например, завышенную самооценку единственного, а потому и очень любимого ребенка, его иждивенчество, высокую агрессивность и нежелание подчиняться принятым нормам поведения, семейным и этнокультурным традициям. Именно в период первичной социализации в семье устанавливаются правила поведения и те фиксированные установки, которые формируют жизненную траекторию и индивидуально-личностную, уникальную судьбу человека.

Развитый социальный капитал дает существенные преимущества человеку в достижении жизненных целей, карьере, доступе к информации, защите и приумножении своего имущества. Именно социальный капитал можно определить как основу современного либерального общества. Вместе с тем формирование и развитие социального капитала индивида определяется не только обществом, но и ежедневной самостоятельной работой человека, его собственными волевыми усилиями.

Индивидуальная работа человека, стремящегося добиться определенных целей, достичь конкретных социально значимых символов, иметь в обществе социальный престиж, завоевать авторитет, пользоваться уважением окружающих, заслужить высокую репутацию и популярность, в итоге способствует становлению его символического капитала. При этом человек не только повышает свой символический капитал, но и одновременно изменяет и увеличивает другие имеющиеся у него капиталы.

Символический капитал человека формируется в процессе общения с другими людьми, в его коммуникативной деятельности, потому что только в общении с себе подобными человек учится уважать других людей, разделять их взгляды, слышать и понимать самого себя и других.

Детство в современной России амбивалентно и дихотомично, как и вся этносоциокультурная практика современного российского общества. Как особый социальный институт оно характеризуется переходным состоянием, уходящим от представлений о ценности детства в традиционном обществе к пониманию детства как основы социального капитала современного общества и человека. Дети по ряду показателей (здоровье, образование, достаток, межличностные коммуникации) являются особой экстраординарной группой риска в совокупном населении страны.

Парадоксальность положения ребенка в современной России проявляется в ряде новейших социально значимых тенденций при минимальной рождаемости в РФ, аналогичной странам Западной Европы. В России все еще сохраняется высокая детская смертность (от новорожденных до года), что сопоставимо с этими же цифрами в странах Африки и Азии. Медики отмечают растущее неудовлетворительное состояние здоровья новорожденных (до 32 % из них появляются на свет с врожденной патологией, вплоть до инвалидности). На фоне общей малодетности семьи РФ существует огромное число социальных сирот, и в роддомах увеличивается число «отказных» детей. Детей из года в год становится меньше по численности, а девиантное и делинквентное поведение детей растет (алкоголизация, наркотизация, токсикомания и табакокурение широко представлены в детском возрасте практически во всех субъектах РФ). Реализация принципов либеральной идеологии в образовании существенно увеличила число детей, не получающих образование, и в то же время способствовала росту числа студентов, при этом половина из них получает образование на коммерческой основе безотносительно к запросам современного рынка труда. Дети являются главными жертвами общества потребления, а деятельность современных СМИ, связанная с безудержной рекламой и пропагандой изобилия, находится в прямом противоречии с реальной жизнью большинства детей современной России.

Таким образом, воспитание, образование и обучение детей — главная цель всех современных государств, стремящихся к сохранению и увеличению своего населения и, следовательно, своему существованию. Эффективное решение этой задачи возможно только на основе современного

междисциплинарного подхода к анализу такого значимого социокультурного феномена, как ребенок, который является основой и единственным залогом существования человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. СПб.: Terra Fantastica, 2003. 443 с.

² См.: Римашевская Н. М. Русский крест // Природа. 1997. № 5.

³ См.: Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России в XXI веке. М.: МГУ, 2002. С. 102.

⁴ См.: Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Альм. THESIS, 1993. Т. 1. Вып. 2.

⁵ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 381 с.

⁶ См.: Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-е Урал. ун-та, 2000. 319 с.

⁷ См.: Bauman Z. Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001.

Поступила 22.04.10.

А. А. СЫЧЕВ,
К. В. ФОФАНОВА,
Л. А. ЯКИНА **БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ
МОЛОДОЙ СЕМЬИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ¹**

Ключевые слова: бюджет времени, молодая семья, опрос, распределение времени, досуг, распорядок дня, гендерный дисбаланс

Key words: budget of time, young family, inquiry, timing, leisure, schedule, gender misbalance

Одной из наиболее емких и многомерных характеристик повседневной жизни человека является бюджет времени, отображающий распорядок дня, соотношение труда и досуга, степень вовлеченности человека в определенные формы деятельности и т. д., а также зависимость этих и других параметров от различных переменных, например, места проживания, уровня достатка, семейного положения, наличия детей и т. д. Эмпирической базой нашего исследования стали данные анкетного опроса (100 молодых семей) и дневники 15 молодых семей, проживающих в Республике Мордовия. Каждой семье (жене и мужу по отдельности) было предложено в течение недели вести дневник учета ежедневного распорядка дня, в котором фиксировалось время, описывались конкурентные виды деятельности, а также указывались виды деятельности, осуществляющиеся одновременно, и т. п. Для анализа структуры бюджета времени в качестве переменных были определены рабочее время, свободное время и домашний труд.

Обычно структура бюджета времени молодой семьи без детей имеет четкую структуру: подъем, утрення гигиена, завтрак, дорога на работу или учебу, работа, возвращение домой, ужин, свободное время и досуг, сон. Дневниковые

СЫЧЕВ Андрей Анатольевич, профессор кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета, доктор философских наук.

ФОФАНОВА Катерина Владиславовна, профессор кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

ЯКИНА Людмила Александровна, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

записи показывают, что часть нагрузки по выполнению домашних дел, связанных с уборкой квартиры и приготовлением пищи, берут на себя родители супругов. В том случае, если молодые супруги проживают отдельно от родителей, то муж или жена вечером могут заехать к родителям на ужин. Занятия, связанные с уборкой квартиры, покупкой продуктов, как правило, выполняются молодыми супругами вместе.

В структуре бюджета времени этого типа семьи отчетливо просматривается центральное место досуговой составляющей. Характер досуга складывается под влиянием определенных обстоятельств, но, судя по дневниковым записям, определенного планирования свободного времени нет. Молодые супруги могут пассивно провести вечер, т. е. никуда не пойти, а просто заниматься «ничегонеделанием» или смотреть телевизор, играть в компьютерные игры, проводить время в Интернете. *«Бутерброды, сериалы, бесконечный Фэшин ТиВи, MTV-мультки, поедание конфет».* *«Сериалы, шоу, игра Sims 3, йога, книги. Все в любом сочетании друг с другом и последовательности».*

Анализ дневников показывает, что компьютерные игры и Интернет стали важным элементом структуры времени молодой семьи, сопоставимым по значению с утренней гигиеной, ужином или сном. *«11:50 — 13:40 — Почитал новости в Интернете, поиграл. 14:10 — 18:30 — Играл в компьютерные игры, пришла жена. 21:00 — 21:30 — Проверил свой почтовый ящик».*

Досуг вне дома в структуре бюджета времени связан с тем, что нередко молодые супруги общаются с друзьями (*«пили пиво с друзьями»*), ходят в гости к родственникам (*«была у крестного в гостях»*), гуляют по центру города (*«прогулялся с женой по центру»*), ходят в кинотеатр и кафе, посещают спортивные залы, играют боулинг. Более творческие формы досуга можно было зафиксировать у молодых жен, которые вечерами иногда вяжут и вышивают.

В целом структура времени молодой семьи без детей отражает эгалитарный тип отношений. Занятость распределяется равномерно между супругами. Наиболее общие признаки этой модели можно охарактеризовать следующим образом: оба супруга либо работают, либо учатся, сообща занимаются домашними делами, уборкой дома, покупкой продуктов, ходят в кино, гуляют по городу, просто отдыхают дома. Молодые

семьи предпочитают простые домашние формы досуга, которые не требуют дополнительных затрат. Можно предположить, что этому способствует Интернет, который создает иллюзию общения и включения в социальную жизнь.

Следует отметить, что бюджет времени отражает низкую гражданскую активность молодых людей. Несмотря на наличие свободного времени, ни один респондент не указал на участие в каких-либо общественно полезных делах. Бюджетный круг замыкается на оплачиваемой работе или учебе, традиционных досуговых формах, главные из которых — отдых дома, общение с друзьями и родственниками, Интернет.

Рождение ребенка значительно видоизменяет «канву» повседневной жизни супругов. Структура бюджета времени молодой семьи с ребенком предполагает трудовую оплачиваемую занятость одного из супругов (как правило, мужа), домашние дела и занятость по уходу за ребенком.

День мужа в этом типе семьи может складываться по нескольким вариантам. Если место работы мужа территориально находится там, где живет семья, то день структурируется условно по следующему алгоритму: подъем, завтрак, дорога на работу, возвращение домой, ужин, домашние дела, уход за ребенком и досуг, сон. В последнее время распространенной стала практика работы мужчин в других городах, когда мужчина может отсутствовать от недели до нескольких месяцев, а по приезду домой его день складывается из подъема, завтрака, домашних дел, ухода за ребенком, досуга и сна. *«Сейчас нахожусь в отпуске, но еще недолго осталось, неделька. А вообще работаю, можно сказать: вахта. Вот и стараюсь провести больше времени со своими любимыми: женой, дочкой, мамой».*

Распределение времени в течение дня у жены имеет четкую структуру. День, как правило, складывается из подъема, который зависит от ребенка, завтрака, кормления ребенка, сбора мужа на работу, домашних дел и сна. Дневниковые записи позволили понять, какие систематические нагрузки ложатся на плечи молодой мамы с рождением ребенка. *«Ночь прошла, как всегда. Раза три встанешь: то накормить, то просто укачать. Я уже начинаю привыкать, правда, мне не очень нравится ходить, не выспавшись».* *«Не знаю, как моя жена держится, за ночь несколько раз встает».*

У молодых мам с малолетними детьми крайне мало свободного времени. Условно оно появляется лишь тогда, когда ребенок спит. Обычно в это время, как показали дневниковые записи, мамы читают книги, смотрят телевизор, слушают музыку, но также занимаются и домашними делами. *«Укладываю ребенка, ребенок спит. Сама в это время читаю книгу...»*. *«Уложила дочку спать, а сама смотрю телевизор, одновременно глажу белье»*. *«Второй сон ребенка. Я в это время помыла посуду и убралась в квартире»*. *«Третий сон ребенка. Я постирала в это время детское белье»*. Вместе с тем, согласно дневниковым записям, молодые отцы также живут в напряженном ритме, после работы занимаются домашними делами. *«21:15 — 22:00 — Глажу белье, общаюсь с женой, одновременно смотрю телевизор»*. *«20:50 — 21:30 — Ремонтирую дверь в ванной. 21:30 — 22:30 — Смотрю телевизор, глажу белье»*.

Семейные дела и обязанности молодых родителей не оставляют сил и достаточного времени для активных форм досуга. Поэтому в структуру бюджета времени входят только доступные формы досуга (просмотр телевизора; общение с родственниками и соседями, которые приходят к молодым домой; Интернет). *«Папа занят теперь уже компьютером и, похоже, надолго»*. *«14:10 — 14:20 — Укладываю ребенка спать. 14:30 — 15:30 — Интернет»*. Наглядно структура повседневной жизни молодой семьи, имеющей детей, представлена в таблице.

Таблица

Общая структура повседневной жизни молодой семьи

Вид деятельности	Затраты времени (в среднем в часах) за один день			
	женщины		мужчины	
	будний день	выходной день	будний день	выходной день
Рабочее время	4,6	—	12,6	2,1
Домашний труд (неоплачиваемый)	6,7	10,4	1,2	4,8
Уход за детьми	11,5	11	3,2	6,05
Удовлетворение физиологических потребностей (сон, еда)	10,8	11,7	11	11,2
Прочие затраты времени	0,7	1,5	0,4	0,4
Общение с друзьями, родственниками	2,1	3,2	3	3,6
Общение между супругами	4,15	7,5	3,9	7
Общение с детьми	8,6	10,65	3,7	6,5

Как видно из таблицы, общая трудовая нагрузка мужчин, включающая оплачиваемую работу, составляет 12,6 ч (при этом в показатель рабочего времени были включены необходимые затраты времени, связанные со временем на дорогу до работы и обратно). У женщин усредненный показатель равен 4,6 ч. Такая разница связана с тем, что в исследовании принимали участие как женщины, находящиеся в декретном отпуске по уходу за детьми, так и женщины, которые, несмотря на то что имеют маленьких детей, занимаются трудовой деятельностью, прибегая к услугам либо нянь, либо яслей.

Результаты проведенного обследования показали, что структура повседневной жизни мужчин складывается из оплачиваемого и неоплачиваемого времени, связанного с домашним трудом, а также временем на удовлетворение физиологических потребностей и досуга. У женщин в силу того, что они имеют малолетних детей, структура повседневной жизни складывается в основном из неоплачиваемой работы. Согласно данным исследования, рабочее время и время, связанное с оплачиваемой работой, у мужчин составляют около 45 % суточного времени, в то время как у женщин этот же процент складывается из неоплачиваемой работы.

Заметим, что свободное время в выходные и рабочие дни у мужчин распределяется по-разному. Разница между рабочими и выходными днями составляет 2,1 ч, у женщин — 3,2 ч, но распределение свободного времени у женщин и мужчин различно. Значительный удельный вес в бюджете времени молодой семьи занимают затраты времени на домашний труд и бытовые дела (приготовление пищи, покупка продуктов и т. д.), на них приходится в будни 27 % у женщин и 5,4 % у мужчин, в выходной день — 43,5 и 22 % соответственно.

Важное место в бюджете времени молодой семьи занимает время, связанное с воспитанием детей. Его структура является непропорциональной: в будни это время составляет 10,85 ч у женщин и 3 ч у мужчин, в выходной день — 11 ч и 5,95 ч соответственно. Если сравнить затраты времени мужчин в выходные дни, то на домашние дела мужчины отводят время на 4,1 ч больше обычного, а на воспитание детей — больше на 2,85 ч.

Матрица жизни молодой семьи с детьми имеет четкую структуру по времени и сведена к ориентации на домашние виды деятельности. Такая структура по своей сути является естественной и неизбежной. Опираясь на идеи Т. Парсонса, можно сказать, что она зависит от экспрессивных и инструментальных социальных ролей. Матери проводят гораздо больше времени с ребенком, чем отцы, хотя молодые отцы в свободное от оплачиваемой работы время разделяют работу по дому и уходу за ребенком. Дневники показали, что складываются и некие зоны мужской ответственности: купание ребенка, посещение поликлиник с ребенком, прогулки с ребенком.

Таким образом, если в молодых семьях без детей в целом складывается эгалитарный тип отношений, то после рождения ребенка матрица жизни изменяется, появление новой роли родителя и соответствующие этой роли обязанности формируют патриархальный сценарий жизни.

Эмпирические данные показывают изменения в структуре гендерных отношений, указывают на формирование новых досуговых стратегий, связанных с информационными технологиями. В этих условиях региональная социальная политика должна предлагать новые механизмы, обеспечивающие повышение качества жизни молодой семьи. В качестве одного из подобных механизмов можно предложить использование информационных технологий: разработку дистанционных образовательных курсов для молодых родителей; создание региональных форумов, блогов, которые позволят информировать молодые семьи об их правах, льготах, возможностях в получении государственной поддержки, компенсировать дефицит общения и предоставить новые способы для творческого самовыражения молодежи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного фонда и Правительства Республики Мордовия (грант № 09-03-23302а/В).

Поступила 06.09.10.

К. П. АФРИКАНТОВ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА КАК НОВЫЙ ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Ключевые слова: взаимодействие органов власти, уполномоченный по правам ребенка, социальная защита, дети-сироты

Key words: state power bodies interaction, plenipotentiary for the rights of the child, social protection, orphaned children

Современная ситуация в сфере социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показывает, что, несмотря на многочисленные преобразования, желаемый результат не был достигнут. Институтов, защищающих права ребенка, достаточно много. Детями занимаются различные ведомства, специалисты, родители. Однако сложившаяся система органов власти, занимающихся решением проблем детей этих категорий, дает сбой. К сожалению, бывают случаи, когда органы, призванные защищать интересы детей-сирот, сами нарушают законодательство. По мнению уполномоченного по правам ребенка в Москве, «существует чудовищный парадокс — приходится защищать детей от их защитников! Суды, прокуратура, органы опеки занимают позиции невмешательства, выжидают и даже идут на откровенные нарушения»¹. В частности, это имеет место в сфере предоставления жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, в осуществлении воспитательного процесса в учреждениях интернатного типа. Чтобы реализовать права ребенка на полноценную жизнь, необходимы объединение и координация усилий, повышение ответственности за обеспечение защиты детей.

Осуществляемый контроль тоже часто не может быть признан эффективным, поскольку происходит внутри самой

АФРИКАНТОВ Константин Петрович, преподаватель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжской академии государственной службы (г. Саратов).

системы, и его отличительными чертами являются корпоративность и ограниченный узковедомственный подход². Таким образом, отсутствует комплексная защита детей-сирот. В странах, имеющих более развитую систему социальной защиты, эта проблема решается за счет функционирования института уполномоченного по правам ребенка. Этот механизм сформировался на основе принятия Конвенции о правах ребенка в 80-х гг. XX в. в Норвегии, Швеции, Дании и Израиле. Причем инициаторами его создания выступили органы государственной власти и общественные объединения, что подчеркивает необходимость его создания. Так, Детский фонд ООН (UNICEF) определяет его как независимый и законодательно учрежденный орган, созданный для отстаивания прав и интересов детей.

К основным целям осуществления деятельности уполномоченного относятся содействие эффективному взаимодействию органов всех ветвей власти, правозащитных организаций, СМИ и молодежных общественных объединений в сфере прав ребенка; развитие государственной правовой защиты детского населения. Одной из основных задач является защита детей-сирот, права которых нарушаются. Например, мнение ребенка-сироты не учитывается при его помещении в интернатные учреждения. Это имеет значение, поскольку в том случае, если его помещают в специализированный интернат для детей с умственной отсталостью, то единожды поставленный диагноз практически никогда не пересматривается. Дети в сиротских заведениях живут по давно установленным традициям, и такой порядок устраивает заинтересованные ведомства. Мониторинг и профилактика нарушений прав ребенка в закрытых учреждениях тоже входит в обязанности детского омбудсмена³.

Учреждение института уполномоченного по правам ребенка не ставит целью подменить собой уже существующие органы власти, занимающиеся проблемами сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а только дополняет их, поскольку он находится на стыке между властью и обществом и выполняет функции общественного контроля. Отличие от других органов, выполняющих контрольные функции, особенно прокуратуры, заключается в том, что детский омбудсмен доступен для обращений непосредственно детей, и, таким образом, отпадает необходимость в посред-

ничестве взрослых людей, что позволяет более тщательно вникнуть в каждую конкретную ситуацию.

В России развитие института уполномоченного по правам ребенка началось с пяти регионов, которые в 1998 г. в рамках пилотного проекта Министерства труда России при поддержке ЮНИСЕФ учредили подобные должности. По состоянию на 1 июля 2010 г. количество субъектов РФ, в которых есть уполномоченные по правам ребенка, увеличилось до 46.

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., учреждение института уполномоченного по правам ребенка является обязательным элементом в системе защиты детей в странах, присоединившихся к этому договору⁴. К сожалению, на федеральном уровне долгое время отсутствовала нормативно-правовая база, регулирующая деятельность этого института в России. Только в 2009 г. Указом Президента РФ была введена должность уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ «в целях обеспечения эффективной защиты прав и интересов ребенка в Российской Федерации». Органам государственной власти субъектов РФ было рекомендовано учредить данную должность⁵.

Все субъекты РФ, учредившие этот институт, воспользовались ст. 72 Конституции РФ, согласно которой вопросы защиты семьи, материнства, отцовства и детства относятся к совместному ведению РФ и субъектов РФ⁶. В соответствии с п. 5 ст. 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» до принятия федеральных законов по предметам совместного ведения, а также по вопросам совместного ведения, не урегулированным федеральными законами, законами субъекта РФ, могут устанавливаться не указанные в п. 2 этой статьи полномочия органов государственной власти субъекта РФ по предметам совместного ведения, осуществляемые данными органами самостоятельно за счет и в пределах средств бюджета субъекта РФ (за исключением субвенций из федерального бюджета), если это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам⁷. Поскольку деятельность уполномоченного по правам ребенка в субь-

екте РФ и его аппарата финансируется за счет средств бюджета субъекта РФ, то учреждение этой должности на региональном уровне было правомерно.

Несмотря на общность функций и задач, выполняемых уполномоченными по правам ребенка, в настоящее время единообразия в отношении организационно-правового статуса нет. В мире действуют четыре основные формы этого института: уполномоченный по правам ребенка в структурах исполнительной власти; самостоятельная структура на основании законов какой-либо территории; уполномоченный по правам ребенка, входящий в структуру аппарата уполномоченного по правам человека; уполномоченный по правам ребенка, действующий на общественных началах.

Регионы, учредившие эту должность выбрали разные модели. В большинстве субъектов РФ, в частности в Краснодарском крае, Ямало-Ненецком автономном округе и Якутии, пошли по пути создания отдельной должности уполномоченного, не подотчетной при осуществлении своих полномочий государственным органам и иным лицам. Финансирование этого института осуществляется отдельной строкой из бюджетов субъектов РФ. В ряде субъектов детский омбудсмен был введен в аппарат уполномоченного по правам человека, но на разные должности. Так, в Московской и Смоленской областях уполномоченный по правам ребенка является руководителем структурного подразделения по защите прав и законных интересов несовершеннолетних в аппарате уполномоченного по правам человека, в Алтайском и Красноярском краях, Нижегородской области — его заместителем. В Ивановской и Владимирской областях он осуществляет свою деятельность на общественных началах, а в Самарской, Амурской, Астраханской областях и Республике Дагестан уполномоченный замещает должность государственной службы, назначается на этот пост главой региона. В Вологодской области уполномоченный по правам ребенка действует на правах советника губернатора области, а в Карелии и Белгородской области эти функции выполняет действующий работник исполнительного органа государственной власти. В ряде субъектов РФ статус уполномоченного по правам ребенка за последнее время претерпел изменения. Так, в Москве эта должность перестала быть самостоятельной структурой и была введена в аппарат уполномоченного по

правам человека, а в Санкт-Петербурге детский омбудсмен обрел самостоятельность.

Вопрос организационно-правовой формы уполномоченного по правам ребенка имеет важное значение, поскольку для эффективного достижения целей и выполнения своих задач он должен найти свое место в системе органов, занимающихся проблемами детей. Уполномоченному по правам ребенка приходится выбирать либо действие в рамках присущих чиновничьему аппарату паттернов решения типовых проблем, что влечет за собой утрату смысла существования этого института, либо демонстративное дистанцирование от руководства региона (муниципального образования), но эта самостоятельность и независимость в условиях российского региона, вероятно, приводят к отстраненности от рычагов реального влияния на решение проблем⁸. Это в полной мере сказывается при выборе кандидатуры уполномоченного. Требования к кандидату на должность уполномоченного по правам ребенка определяются региональными нормативными актами. Как правило, на эту должность назначается лицо, являющееся гражданином РФ, не моложе 35 лет, имеющее высшее юридическое или педагогическое образование, не совершившее порочащих его поступков, а также обладающее опытом работы в сфере защиты прав, свобод и законных интересов ребенка.

Анализ персоналий действующих уполномоченных показал, что в большинстве случаев на этот пост выдвигаются люди из числа бывших чиновников либо сферы социальной защиты (Амурская область, Краснодарский и Красноярский края, Дагестан), либо сферы образования (Алтайский край, Волгоградская и Кемеровская области, Карелия). Из числа общественности уполномоченный был выбран лишь в небольшом количестве субъектов РФ. В качестве примера можно привести Пермский край, Республику Коми, Удмуртию и Курганскую область. В Якутии, Владимирской и Ивановской областях, г. Москве эту должность занимают представители, имеющие опыт парламентской деятельности.

Не может не насторожить тот факт, что на должность, непосредственно курирующую обеспечение прав детей, часто назначают бывшего чиновника — человека из ведомства, на которое и приходят жалобы. Это способствует снижению общественного веса и авторитета уполномоченного по правам

ребенка. Формируется представление о том, что уполномоченный — очередная чиновничья должность. Инициатива учреждения института уполномоченного, идущая снизу от общественных и правозащитных объединений, вступает в противоречие с реальным воплощением этих идей на практике. Власть, учреждая этот институт, стремится установить свой контроль. В подобной ситуации уполномоченный по правам ребенка не в полной мере выполняет свои функции и во многом дублирует деятельность других структур. Чтобы деятельность уполномоченного была эффективной, в регионах необходимо создание определенных предпосылок, что является заботой гражданского общества и власти.

К факторам, препятствующим развитию эффективной системы социальной защиты детей на региональном уровне, следует отнести незнание современных механизмов защиты детства многими управленцами, специалистами, законодателями; ведомственную разобщенность; слабость организаций «третьего сектора» и отсутствие в нем консолидации. Необходимо способствовать распространению и закреплению в местном и региональном сообществах ценностей прав и законных интересов ребенка, заниматься распространением современных практик и технологий, направленных на реализацию базовых прав детей в среде представителей власти, неправительственных организаций, СМИ. Институт уполномоченного должен стать центром распространения положительного опыта по защите прав детства и поддержке детских гражданских инициатив. Поскольку должность уполномоченного является персонифицированной, то важно, чтобы ее замещали люди, осознающие специфику этой деятельности и готовые взять на себя ответственность за решение проблем детей.

В качестве основного контраргумента введения этой должности на региональном уровне приводится довод о том, что это преждевременно и нецелесообразно, поскольку увеличивает нагрузку на бюджет, а в качестве альтернативного варианта предлагается оптимизировать механизм перераспределения функций и полномочий между органами государственной власти. Такое сопротивление в ряде регионов можно объяснить боязнью перераспределения властных ресурсов, поскольку основы деятельности детского омбудсмена противоречат существующему порядку⁹. Опасения,

что институт уполномоченного станет никому не нужным механизмом, не находят подтверждения. Проанализировав ежегодные отчеты уполномоченных в регионах, можно отметить ежегодное увеличение количества обращений граждан. Например, в Москве этот показатель с каждым годом увеличивается на 15—20 %. По словам председателя Ассоциации уполномоченных по правам ребенка России А. Голованя, региональные омбудсмены разрешают не менее каждого пятого поступающего обращения, что, согласно мировым стандартам, является достаточно неплохой работой¹⁰.

Длительный промежуток времени перспективы института детского омбудсмена в России не представлялись отчетливо. Согласно данным, полученным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2005 г., в рамках проведенного исследования «Отношение общества к проблемам детской беспризорности и безнадзорности. Информационное обеспечение проблем сиротства и беспризорности» 47 % опрошенных россиян ответили положительно на вопрос «Может ли улучшить ситуацию с неблагополучными семьями и детьми введение должности независимого уполномоченного по правам ребенка?»¹¹. Однако, несмотря на это и на то обстоятельство, что в заключительных замечаниях Комитета ООН по правам ребенка по итогам рассмотрения второго и третьего периодических докладов РФ о реализации Конвенции о правах ребенка (1999 г., 2004 г.) содержалось требование о введении в Российской Федерации независимого контроля за положением детей и об учреждении института уполномоченного по правам ребенка на региональном и федеральном уровнях, в России на федеральном уровне только Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» предусматривалось дальнейшее развитие института уполномоченных по правам ребенка в субъектах РФ¹².

Положение изменилось с Указом Президента РФ о создании этой должности при Президенте РФ. За время, прошедшее с выхода этого указа, количество регионов, учредивших у себя эту должность, удвоилось и продолжает увеличиваться. Оказались правы эксперты, полагавшие, что решение об учреждении уполномоченного по правам ребенка на федеральном уровне приведет к созданию этой должно-

сти в субъектах РФ. Однако все еще остаются вопросы по поводу организационно-правового статуса уполномоченных. Существует мнение, что необходимо пересмотреть функции органов власти, входящих в систему по защите прав детей, например, все координирующие функции передать Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, контролирующие — уполномоченному по правам ребенка в РФ и в регионах, а обязанности общественного контроля возложить на отдельные независимые центры¹³. Это потребует пересмотра организационно-правового статуса детского омбудсмена.

Отсутствие регламентации в вопросе организационно-правовой формы учреждения института уполномоченного по правам ребенка в субъектах РФ представляется целесообразным, поскольку необходимо учитывать социокультурные и материальные особенности территорий. Очевидно, что учреждение отдельной должности со своим аппаратом, сторонником чего являются первый детский омбудсмен России А. Головань и ныне действующий уполномоченный по правам ребенка П. Астахов, в большинстве регионов проблематично. Однако это не должно служить оправданием для формального учреждения этой должности. Институт уполномоченного должен быть независимыми, и для этого ему следует опираться на органы представительной власти в регионах. Действующий уполномоченный по правам человека в России В. Лукин — сторонник включения детского омбудсмена в аппарат уполномоченного по правам человека.

Таким образом, опираясь на региональный опыт, для совершенствования системы взаимодействия органов власти, занимающихся социальной защитой детей в РФ, видится необходимым рекомендовать на уровне всех субъектов РФ учредить должности детского омбудсмена не в системе органов исполнительной власти. Представляется, что институт уполномоченного по правам ребенка имеет большое значение не только в сфере социальной защиты детей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мاستыкина И. Проблемы защиты прав детей в России // Права человека в России. URL: hroorg.mastertest.ru/editions/child/2004/07/26.php (дата обращения: 23.02.2009).

² См.: О работе уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации // Официальный сайт Федерального агентства по образованию Министерства образования РФ. URL: <http://www.ed.gov.ru/junior/rub/narkot/565> (дата обращения: 25.02.2009).

³ См.: Куприянова Е.И. О работе уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации // Институт уполномоченного по правам ребенка в России / сост. и общ. ред. Г.В. Сабитова. М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2005. С. 15.

⁴ См.: Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сб. междунар. договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

⁵ См.: Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 987 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собр. законодательства РФ. 07.09.2009. № 36. Ст. 4320.

⁶ См.: Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.

⁷ См.: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 9 февраля 2009 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 22 сентября 1999 г.) // Собр. законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

⁸ См.: Чапурко Т.М. Государственная политика в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних // Власть. 2008. № 15.

⁹ См.: Ее же. Государственная политика современной России в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 16.

¹⁰ См.: Головань А. «Институт уполномоченного по правам ребенка должен быть максимально независимым» // Сайт Архангельского регионального общественного учреждения «Поморский центр публичной политики». URL: <http://www.pomorcpp.org/monitoring/?id=681> (дата обращения: 06.07.2010).

¹¹ См.: Пресс-выпуск ВЦИОМ № 277 «На пути решения проблем детской беспризорности и безнадзорности» // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/1641.html?no_cache=1&cache=5847b96787 (дата обращения: 02.06.2010).

¹² См.: Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собр. законодательства РФ. 15.10.2007. № 42. Ст. 5009.

¹³ См.: Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. С. 31—32.

Поступила 14.07.10.

Л. В. НЕЧАЕВА

**ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ПРОБЛЕМЫ ОТКАЗОВ
ОТ НОВОРОЖДЕННЫХ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: отказ от новорожденного, отказники, материнство

Key words: abdication from a newborn child, abdicated children, motherhood

В настоящее время проблема социального сиротства является не только общественной, но и находится в одном ряду с проблемами национальной безопасности российского государства. В 2008 г. в РФ насчитывалось около 800 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей¹. В 2008 г. в Республике Марий Эл состояли на учете 3 080 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей². Только 10 % из категории детей, лишенных родительской опеки, являются круглыми сиротами. Родители остальных детей были лишены родительских прав из-за недобросовестного выполнения родительских обязанностей, злоупотребления алкогольными напитками, пренебрежения нуждами ребенка и жестокого обращения с ним.

В одну из категорий так называемых «социальных сирот» входят отказники. Это дети, матери которых отказались от них еще в родильном доме. Явление «отказничества» носит не массовый, а латентный характер. Однако эта категория детей постоянно пополняет ряды социальных сирот. Официальной статистики по отказникам не существует, но, по данным коллектива экспертов направления «социальная политика» Фонда «Институт экономики города», их численность в 2006—2007 гг. по РФ составила 14—16 тыс. чел.³ В Доме ребенка Республики Марий Эл в течение последних лет

НЕЧАЕВА Любовь Владимировна, аспирант кафедры социальных наук и технологий Марийского государственного технического университета (г. Йошкар-Ола).

воспитывается 81 несовершеннолетний, что по республике составляет 10 % от всех несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей и находящихся на полном государственном обеспечении.

Явление «отказничества» наблюдается не только в РФ, но и за рубежом. В развитых странах Европы (например, Германии, Японии) при родильных домах, больницах открываются «окна жизни», «детские люльки» — помещения, где женщины тайно могут оставить нежеланного ребенка.

До сих пор нет эффективных способов влияния на остановку распада жизненно необходимых связей между матерью и ее новорожденным ребенком. Не существует системы помощи женщинам, которые оказались в трудной жизненной ситуации, имеют малолетних детей, а также женщинам с высоким риском отказа от новорожденного ребенка. Редки случаи передачи новорожденных на семейные формы устройства сразу после отказа от них биологической матери. В настоящее время позволяют снизить остроту проблемы развивающиеся институты приемных, патронатных семей.

Изучение случаев отказов матери от новорожденного ребенка, распада базовой основы человеческого существования — материнства особенно актуально сегодня, так как профилактика раннего социального сиротства должна стать одним из приоритетных направлений в работе по сохранению и укреплению семьи.

На отказ матери от своего ребенка могут, на наш взгляд, влиять многие факторы, поэтому подходы к пониманию, изучению, профилактике этого явления должны быть комплексными, системными и междисциплинарными. Структурно-функциональный подход в социологии семьи помогает рассмотреть проблему отказов от новорожденных с точки зрения изменения функций семьи. Первой и наиболее важной функцией семьи является репродуктивная (воспроизводство и социализация поколений, деторождение). Происходящие перемены в обществе не стимулируют семью на выполнение этой функции. Сокращается число детей в семье до одного, «качество» одного ребенка остается приоритетным. Многие семейные пары обрекают себя на сознательный отказ от ребенка. Ценность материнства и отцовства снижается. Результатом сокращения численности населения в России является рост депопуляции.

Если система не выполняет свои функции, то часть этих функций государство начинает брать на себя. Например, функцию социализации детей в семье выполняют общественные институты (детские сады, школы, институты). С одной стороны, государство дает возможность матери отказаться от ребенка сразу после его рождения, взяв на себя функции родительства, с другой — никто и ничто не может заменить новорожденному родную мать. Находясь в закрытом учреждении с рождения, у младенца впоследствии наблюдаются трудности социализации и эмоциональная, сенсорная депривация. Отказной ребенок отстает в физическом, психическом, умственном развитии от своих «домашних» ровесников.

Наиболее часто отказ от новорожденного обусловлен неспособностью или нежеланием матери к адаптации во внешней неблагоприятной для нее среде по воспитанию ребенка, к принятию новой социальной роли. С отказом от новорожденного прерывается нормативная социализация ребенка, теряется преемственность поколений, разрушается система кровно-родственных связей между матерью и ребенком.

Отказ можно рассматривать как внешнюю и внутреннюю конфликтную ситуацию. С одной стороны, внешний конфликт характеризуется неустроенностью быта, материальными проблемами, отсутствием жилья, с другой — отношением женщины к своему ребенку (сам мотив материнства важен и эмоционально наполнен, женщина принимает ребенка). Конфликт выражается во внутренних противоречиях, например, это проблема, связанная с выбором между работой (учебой) и воспитанием ребенка⁴. Это подтверждается тем, что, как правило, одинокие матери-отказницы чаще делают выбор не в пользу воспитания ребенка.

Другое противоречие — конфликт между материнским инстинктом и осознанием негативной установки по отношению к беременности. Женщина стремится к материнству, но складывающиеся обстоятельства, в том числе отношение близких людей, не желающих ее беременности, оказывают давление на нее. Неуверенность женщины в собственных силах и неспособность противостоять обстоятельствам приводят к отказу от новорожденного.

Мать, отказавшаяся от своего ребенка, разрешает конфликтную ситуацию в пользу выбора, например, престижной

работы, карьеры. Страх быть брошенной отцом ребенка, невозможность осуществлять материнские обязанности в будущем (в случае личной незрелости и отчуждения от новой социальной роли, например, выпускницы интернатных заведений) не позволяют женщине принять правильное решение.

Явление «отказности» от новорожденного с точки зрения теории конфликтов ведет к депопуляции России и снижению ценности детей, их экономической невыгодности. Согласно исследованиям ценностных приоритетов молодежи, молодежь указывает на стремление к собственной самореализации. Ценность семьи и работы достаточно высока, однако в реальном поведении преобладает ориентация «прежде всего для себя, а уже затем — для других»⁵.

Современный феминизм рассматривает отказ от новорожденного как право матери решать, есть ли в ее жизни место ребенку. Материнство — явление сложное и неоднозначное в гендерной теории, утверждающей в своих ранних вариантах, что оно очень многое отнимает у женщины как личности и слишком мало ей дает. Развитие и сохранение индивидуальности женщины — это направление, которое феминистская и гендерная теории признают приоритетным для всякой женщины, в то время как рождение и воспитание детей должно носить подчиненный характер⁶.

Теорией символического интеракционизма проблема отказа от новорожденного рассматривается в контексте неопределенности нравственных ценностей современного общества. Такое решение матери может быть реакцией на ослабление в обществе ценности ребенка, материнства, а также слабостью внутренней мотивации быть родителем, стремлением к комфорту, удовольствию.

Для понимания проблемы «отказности» от новорожденного принципиальное методологическое значение имеет комплексный подход, объясняющий многогранность всякого социального явления. Важными представляются и конкретные составляющие, характеризующие многообразие условий, определяющих это социальное явление.

Республика Марий Эл — регион с невысоким уровнем развития экономики и промышленности. В условиях кризиса происходит рост безработицы и доли населения с доходами ниже прожиточного минимума. В республике весьма низкая

обеспеченность населения жилой площадью и наиболее устойчивая занятость, а номинальная начисленная средняя заработная плата в месяц составляет 8 561,9 руб.⁷ Рассматривая связь отказов от новорожденных с учетом региональной специфики, ее взаимозависимости и обусловленности, можно констатировать, что Республика Марий Эл не является промышленно развитым регионом, здесь отсутствуют полезные ископаемые, сельское хозяйство находится в зоне рискованного земледелия. Эти факторы не позволяют населению иметь доходы, обеспечивающие материальное благополучие, в результате социально-экономическое положение матери (как правило, одинокой) становится сложным, что увеличивает риск отказа от новорожденного в родильном доме.

В результате проведенного нами анализа документов в республиканском Доме ребенка отказ от детей возникает преимущественно среди городского населения мари и русских. Факторы системного семейного кризиса наблюдаются и в татарской диаспоре. Отказники появляются и среди одиноких матерей-татарок.

Условия, в которых происходит это явление, связаны с отрицательным влиянием урбанизации, разрушением традиционного типа семьи, изменением образа жизни молодежи, снижением возраста начала половой жизни, которые происходят на фоне более терпимого отношения общества к добрачным половым связям и их последствиям. Ранняя половая жизнь несовершеннолетних ежегодно приводит к увеличению числа беременных в подростковом возрасте. Стремление женщины к социальной независимости, карьерному росту, престижной работе, а также изменение системы ценностей и усиление индивидуализма, эгоизма в обществе тоже увеличивают возможность отказа от новорожденного. Поэтому «отказничество» является интегрированным результатом взаимодействия этих факторов.

Существенную помощь в адекватном понимании феномена «отказности», с нашей точки зрения, может оказать синергетический подход, основанный на теории самоорганизации, важным аспектом которой выступает мера взаимодействия объекта (системы) со средой. Открытость или закрытость объекта в его взаимной (положительной или отрицательной, прямой или обратной) связи со средой выступают определяющими условиями самоорганизации либо дезорганизации

изменяющегося объекта. «Флюгерность», большая ориентация на складывающуюся ситуацию, чем на устойчивую систему внутренних ценностей⁸, также относятся к матерям-«отказницам».

Развитие общества приводит к тому, что, с одной стороны, расширяются возможности человека в получении большего количества благ, с другой — от человека требуется значительно больше усилий для выживания в новых условиях. Человек становится все более одиноким в обществе, новые вызовы не укрепляют родственные связи между близкими людьми. Рождение ребенка является главным моментом репродуктивного поведения женщины. В то же время появление ребенка не всегда приносит женщине радость. Если она находится в сложных жизненных условиях, не имеет достаточных материальных средств для воспитания ребенка, у нее не сложилась собственная жизнь, то ребенок будет помехой в достижении собственных целей (карьеры), и женщина не всегда может сделать шаг в сторону новорожденного.

Синергетический подход показывает, что женщина, оказавшаяся в трудной жизненной ситуации и решающая сложные проблемы бытия, может отказаться от ребенка. Отказ от новорожденного в данном случае — это акт самоорганизации по пути упрощения женщины как социальной системы. Таким образом, она пытается адаптироваться к условиям меняющейся социальной среды. Упрощение сводится к тому, что женщина возвращается к первоначальной ситуации до рождения ребенка и пытается решать другие стоящие перед ней проблемы. В случае появления у женщины определенного материального благополучия или достижения цели в будущем, она, родив ребенка, сможет воспитать его, дать ему все необходимое для жизни.

В критической ситуации отказа от ребенка решающей может быть роль малого, случайного фактора. На решение о самостоятельном воспитании ребенка в ситуации неустойчивости, нестабильности могут повлиять материальная помощь со стороны отца ребенка, поддержка и помощь родных в своей семье, ценностная ориентация матери на родительство и другие факторы. Бифуркационность состояния матери в ситуации отказа от новорожденного и выход на аттрактор (малую, потенциальную точку роста в развитии всякой системы)⁹ может иметь ряд направлений: либо это сохра-

нение ребенка (в этом случае ребенок — основа и смысл жизненного пути), либо это полный отказ от него (в этом случае женщина выбирает свободу, карьеру и др.).

Женщины, имеющие малолетних детей, — это в настоящее время самая незащищенная и нуждающаяся группа населения. Переживаемый страх за свое будущее и будущее своего ребенка, особенно у женщин из социально незащищенных слоев общества, может подтолкнуть их к отказу от активной борьбы за свое будущее — к отказу от новорожденного. В кризисной ситуации отказа от него необходимо создавать благоприятные условия среды существования матери и ребенка, проводить работу по изменению сознания женщины на сохранение, принятие и воспитание новорожденного.

Рассмотренные теоретические подходы позволяют исследовать, понять и проанализировать проблему отказа от новорожденных детей для последующей выработки эффективных методов работы по оказанию системной помощи женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации в связи с рождением ребенка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Доклад коллектива экспертов направления «социальная политика» Фонда «Институт экономики города». URL: <http://www.ombudsmanteti.ru/upload/doc/17122.pdf> (дата обращения: 23.10.2009).

² См.: Две трети сирот в Марий Эл охвачены различными формами семейного воспитания. URL: <http://news.vmariel.ru/novosti-mari-el/613-dvetryeti-sirot-v-marij-jel-okhvacheny.html> (дата обращения: 27.10.2009).

³ См.: Доклад коллектива экспертов ...

⁴ См.: Радионова М.С. Причины отказа от материнства // Человек. 1996. № 5. С. 113—122.

⁵ См.: Бояк Т.Н. Духовно-нравственные ценности сельской молодежи (на примере Бурятии и Читинской области) // Социс. 2009. № 4. С. 117—122.

⁶ См.: Исупова О.Г. Материнский отказ от новорожденного: как и почему. СПб.: ЦНСИ, 2003. 300 с.

⁷ См.: Багирова А.П., Ильшев А.М. Факторы репродуктивного поведения населения (анализ межстрановых и межрегиональных различий) // Социс. 2009. № 2. С. 37—46.

⁸ См.: Шалаев В.П. Синергетика социального управления: учеб. пособие. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. С. 74, 221—223.

⁹ Там же.

Поступила 23.11.09.

Е. В. МОЗЕРОВ

ИПОТЕКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова: ипотека, кредит, субсидии, бюджет, инвестиции, демографическая ситуация, молодая семья, первоначальный взнос, социальные выплаты, социальное жилье, прожиточный минимум, процентная ставка

Key words: mortgage, credit, subsidies, budget, investments, demographic situation, young family, initial contribution, social payments, social housing, minimum living wage, interest rate

Решение жилищной проблемы — важнейший фактор адаптации молодежи к современным социально-экономическим условиям. Обладание собственным благоустроенным жильем является главным критерием качества жизни, неотъемлемым условием духовного и физического развития молодого человека. В связи с отсутствием былых возможностей бесплатного приобретения жилья, его запредельной дороговизной, совокупностью проблем, свойственных рыночным отношениям, задача поддержки молодых семей стала одним из основных направлений государственной молодежной политики.

С этой целью Постановлением Правительства РФ от 28 августа 2002 г. № 638 была утверждена программа «Жилище на 2002—2010 гг.». Постановлением Правительства РФ от 13 мая 2006 г. № 285 она дополнена подпрограммой «Обеспечение жильем молодых семей». В Республике Мордовия для поддержки молодых семей в решении жилищных проблем действуют подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» в рамках Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 гг. и подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» Республиканской целевой программы

МОЗЕРОВ Евгений Валентинович, аспирант отдела общественно-политических исследований НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

«Жилище» на 2002—2010 гг., утвержденной в соответствии с Указом Главы РМ от 30 октября 2002 г. № 140-УГ и Постановлением Правительства РМ от 31 октября 2002 г. № 507.

По данным на 2007 г., муниципальные программы поддержки молодых семей во исполнение указанного Постановления Правительства РФ были приняты в большинстве регионов России, в том числе и в Мордовии. Правда, реализация жилищных проектов в РМ отягощалась дополнительными трудностями. Экономика республики носит дотационный характер. Ограниченными являются возможности развития производственной сферы в силу ее слабой обеспеченности сырьевыми ресурсами. Следствием регионализации экономики в 90-х гг. стал упадок наиболее крупных предприятий. Ставка на малый бизнес пока не дает ощутимых результатов. Сложной остается проблема трудоустройства молодых специалистов. Гуманитарная ориентация вузов республики не позволяет их выпускникам легко найти работу по специальности. Одними из самых низких остаются доходы населения. Неадекватно в этой ситуации поведение бизнеса, предпочтительно решать свои проблемы не за счет развития инвестиционной активности в производстве, а с помощью посреднической торговли и повышения цен при сомнительном качестве товаров.

Основным мотивом при обосновании необходимости решения проблем региональной государственной молодежной политики явилась неблагоприятная демографическая ситуация в республике, характеризующаяся заметным сокращением в составе населения доли молодого поколения. Также имеют место негативные миграционные процессы, обострившие демографическую ситуацию в республике. Сокращение численности населения при его старении и увеличении доли населения преклонного возраста стало тенденцией, продолжение которой ведет к перспективному уменьшению численности населения республики с 847 тыс. в 2007 г. до 673 тыс. в 2026 г. Основную массу «отходников» в благополучные регионы составляет молодежь, оказавшаяся наименее социально защищенной частью населения республики. Поэтому государственная политика реформирования жилищной сферы, направленная на разработку механизмов повышения

доступности жилья, касается прежде всего молодого населения республики. Поддержка стремления молодых семей улучшить свои жилищные условия является стратегическим направлением региональной социальной политики.

Государственным заказчиком подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» стал Государственный комитет РМ по делам молодежи, осуществляющий общее руководство и контроль за ее реализацией. Цели подпрограммы — осуществление государственной молодежной политики, направленной на решение жилищной проблемы молодых семей; улучшение демографической ситуации; закрепление молодых специалистов в республике. Основные задачи подпрограммы заключаются в обеспечении молодых семей субсидиями на приобретение или строительство индивидуального жилья. Подпрограммой предусмотрено создание условий для привлечения молодыми семьями собственных средств, финансовых средств банков и других организаций, занимающихся предоставлением ипотечных жилищных кредитов (займов) на эти цели.

Возможность реализации права на получение поддержки из средств федерального и местного бюджетов может быть реализована молодой семьей только один раз. Этот принцип реализации направлен на укрепление стабильности семейных устоев молодых семей и, как свидетельствует практика, позитивно влияет на сокращение разводов, значительная часть которых обусловлена необустроенностью быта. Поскольку приобретаемое жилье оформляется в общую собственность всех членов молодой семьи, ипотека тем самым препятствует распаду семей. Ипотека стала эффективным инструментом, позволяющим блокировать депопуляционные тенденции в воспроизводстве населения, сдерживать негативные явления демографического характера, проявляющиеся в поисках молодежью более привлекательного в материальном плане места жительства.

Понятие «молодая семья» в российском законодательстве отсутствует. Оно дано лишь в подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 гг., в редакции Постановления Правительства РФ от 31 декабря 2005 г. № 865¹. В ряде субъектов Федерации это понятие употребляется со значительными модификациями. В некоторых регионах молодая

семья изначально определялась как семья, в которой возраст одного из супругов (родителя в неполной семье) не превышает 30 лет. В других субъектах, чтобы считаться молодой семьей, обязательным стало наличие детей. В Кировской области соответствующим законом уже в 2005 г. был установлен предельный возраст каждого из супругов молодой семьи или одного родителя, равный 35 годам². В 2008 г. этот возрастной ценз установлен повсеместно, в том числе и в Мордовии. Спорным остается вопрос «Каким образом поступить, если к моменту получения кредита молодая семья утратила свой статус (т. е. родители достигли предельного возраста), а ребенок родился после получения кредита и после достижения родителями 35-летнего возраста?». Этот вопрос долгое время оставался нерешенным в большинстве регионов³.

Следующими условиями для претендентов на участие в подпрограмме являются постоянное проживание обоих супругов или родителя неполной семьи на территории Мордовии и гражданство РФ. Главное условие для участия в подпрограмме молодой семьи — нуждаемость в улучшении жилищных условий. До мирового кризиса полная молодая семья могла претендовать на государственную поддержку вне зависимости от наличия детей. Для неполной молодой семьи наличие детей изначально являлось обязательным. Согласно Постановлению Правительства РМ от 5 ноября 2008 г. № 504 «О предоставлении социальных выплат заемщикам ипотечных жилищных кредитов (займов)», наличие ребенка (усыновленного) является обязательным и для полной семьи. Признание молодой семьи, нуждающейся в улучшении жилищных условий, производится органами местного самоуправления по месту ее постоянного жительства по основаниям, установленным ст. 51 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Существенным условием участия молодой семьи в подпрограмме является наличие у нее доходов либо иных денежных средств, достаточных для оплаты расчетной (средней) стоимости жилья в части, превышающей размер предоставляемой субсидии. При строительстве индивидуального дома молодая семья может оформить в качестве залога незавершенное строительство.

Согласно Федеральной подпрограмме «Обеспечение жильем молодых семей» на 2002—2010 гг., субсидии на при-

обретение жилья или индивидуальное строительство, в том числе на оплату первоначального взноса при получении ипотечного кредита, предоставлялись в следующих размерах: 35 % от средней стоимости жилья — для бездетных молодых семей, 40 % — для семей, имеющих одного и более детей. Постановлением Правительства РМ от 5 ноября 2008 г. № 504 предусмотрены суммы (в процентном выражении) погашения льготного ипотечного кредита за первого и каждого последующего ребенка. Рождение первого ребенка дает право молодым семьям на льготный ипотечный кредит (с 10 % погашением). При рождении второго ребенка общая сумма остатка ипотечного кредита погашается еще на 10 %. При рождении третьего и четвертого ребенка погашение составляет, соответственно, 20 % на каждого из них. При рождении пятого ребенка общая сумма кредита погашается полностью. Аналогичный порядок погашения ипотечного кредита распространяется на семьи, имеющие на иждивении двух и более детей до 18-летнего возраста. Прежде, согласно Постановлению Правительства РМ от 25 июля 2006 г. № 321, для полного погашения кредита надо было иметь семь детей. По старым критериям, участие в подпрограмме зависело от сроков рождения ребенка. В 2006 г. это ограничение было снято. Теперь возраст детей, участников подпрограммы, не учитывается.

Размеры социальных выплат, предоставляемых молодым семьям при рождении или усыновлении ребенка, определяются по двум показателям: социальная норма общей площади жилья и средняя рыночная стоимость 1 кв. м жилья по республике. Средняя рыночная стоимость 1 кв. м жилья утверждается Правительством РМ. Постановлением Правительства от 5 ноября 2008 г. установлены размеры выплат с учетом социальной нормы общей площади жилых помещений для семей разной численности. Социальные нормы определялись Законом от 2 января 2001 г. № 1-3 «Об установлении социальной нормы площади жилья в Республике Мордовия». Эти нормы выражены следующим образом: для семьи из двух человек (молодые супруги или один молодой родитель и ребенок) — 42 кв. м общей площади жилого помещения; для семьи из трех и более человек норма определяется умножением числа членов семьи на 18 кв. м.

Субъектам Федерации дано право на дополнительные формы поддержки молодых семей: предоставлять допол-

нительные субсидии, банкам — государственные гарантии субъектов Федерации или муниципальные гарантии по ипотечным кредитам, дополнительные субсидии при рождении детей и др.

Механизм реализации молодежной политики находится в состоянии постоянного совершенствования. В 2006 г. подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» стала составной частью президентского национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России».

Наиболее благоприятным для нуждающихся граждан было финансирование ипотеки из бюджетов различных уровней до второй половины 2008 г., когда большая часть расходов приходилась на федеральный бюджет. В 2008 г. из федерального бюджета субсидировались 40 % стоимости жилья, а из республиканского — 10 %. Выделяемые субсидии всех уровней в совокупности составляли 60 % стоимости жилья⁴. Разрешалось использование субсидий из республиканского и федерального бюджетов в качестве первоначального взноса.

Некредитоспособной семье предоставлялась возможность привлекать своих родственников в качестве созаемщиков. Срок погашения кредита увеличивался до 27 лет при 5 % годовых⁵. О выгодности ипотеки свидетельствует тот факт, что плата за снимаемое в частном порядке жилье и выплаты по ипотеке примерно одинаковы.

В связи с мировым финансово-экономическим кризисом в ипотечных отношениях были установлены существенные ограничения. Постановлением Правительства РМ от 5 ноября 2008 г. № 504 устанавливался пятилетний срок социальных выплат для основной массы нуждающихся семей, предоставляемых заемщикам ежемесячно в размере разницы между ставкой рефинансирования Центрального банка РФ, действующей на дату предоставления кредита, и пятью процентами, уплачиваемыми заемщиками самостоятельно. Причем в ряде случаев социальные выплаты прекращаются, в их числе: превышение размера среднемесячного совокупного семейного дохода на каждого члена семьи 8 660 руб., расторжение заемщиком трудового договора с работодателем, выявление у заемщика просроченной ссудной задолженности по кредитному договору (договору займа). Работникам предприятий социальная выплата предоставляется при условии

перечисления работодателем первоначального взноса в размере не менее 30 % стоимости жилья на счет продавца или застройщика жилого помещения.

Первоначально количество молодых семей, улучшивших свои жилищные условия, было незначительными. За 2002—2004 гг. по России в рамках подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» комплексной Федеральной программы «Жилище» на 2002—2010 гг. были обеспечены лишь 1,3 % этой категории населения⁶. Однако доля сделок по приобретению жилья в последующем, совершаемых с помощью ипотечных кредитов, приобрела тенденцию к повышению, хотя и оставалась все еще незначительной: в 2005 г. она составила 4 %, в 2006 г. — 6 %, а по отдельным регионам колебалась от 2 до 11 %⁷. Коммерческое ипотечное кредитование получило наибольшую активность в регионах с высоким и средним душевыми доходами населения.

По данным 2008 г., на реализацию подпрограммы в Мордовии было выделено около 1 млрд руб. бюджетных средств, привлечено около 1 млрд руб. внебюджетных средств. На эти средства 3 355 молодых семей получили возможность улучшить свои жилищные условия, из них почти половина семей приходится на 2007 г. В 2009 г. только по линии Министерства регионального развития РФ социальные выплаты на приобретение жилья получили 466 молодых семей⁸.

В Мордовии ипотечная политика изначально приобрела сугубо социальный характер, поэтому более трех четвертей тех, кто приобретал жилье с помощью ипотеки, — это молодые семьи, т. е. та часть населения республики, которая в наибольшей степени нуждается в улучшении жилищных условий и менее других готова к решению этой проблемы собственными средствами.

Решение жилищной проблемы в основном зависит от увеличения средств федерального бюджета, выделяемых на финансирование подпрограммы на конкурсной основе. Годовой предельный размер средств федерального бюджета 2008 г., выделенных для Мордовии на реализацию подпрограммы, составил 213,3 млн руб., для Республики Марий Эл — 70,3 млн руб., Пензенской области — 65 млн руб., Рязанской области — 84 млн руб., Самарской области — 85 млн руб., Ульяновской области — 34 млн руб., Нижегородской области — 127 млн руб., Республики Татарстан — 315 млн руб.

В 2009 г. для Мордовии были выделены субсидии на сумму 208,5 млн руб.⁹

Следует отметить, что размеры федеральных средств обусловлены количеством молодых семей, поставленных на учет в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий. Дальнейшее финансирование из федерального бюджета связано с освоением бюджетных средств, находящихся под жестким контролем Госстроя (Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству) за целевым использованием средств федерального бюджета, осуществляемым на основе соглашения между Госстроем и субъектами РФ. В этом случае можно рассчитывать на дополнительное финансирование. В отличие от некоторых регионов в Мордовии не было сбоев в освоении выделенных по федеральному бюджету средств. Поэтому, как правило, Мордовия получает дополнительное финансирование на реализацию подпрограммы.

По доле строительства жилья с применением ипотечной схемы кредитования Мордовия имеет лучшие показатели в России. Если за 2002—2005 гг. по схеме ипотечного кредитования было введено в эксплуатацию жилых домов общей площадью 102 тыс. кв. м, то за 2007 г. из 242 тыс. кв. м вновь введенного жилья 120 тыс. кв. м построено по ипотечной схеме¹⁰.

Темпы роста жилищного строительства в Мордовии более чем на 20 % опережают общероссийские показатели¹¹. По рейтингу эффективности реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» Мордовия неизменно входит в первую тройку лидеров России, что стало основанием для присвоения Мордовии в 2004 г. статуса опорного центра по информационно-правовому обеспечению подпрограммы в ПФО. За короткое время в республике разработано около 30 нормативных документов, регламентирующих отношения с молодыми семьями, учреждениями и организациями, участвующими в реализации подпрограммы. Любопытно, что республику с целью изучения опыта реализации подпрограммы посещали руководители России самого высокого ранга.

Следует отметить, что в современных условиях, осложненных кризисом, не каждая молодая семья способна выдержать обязательства по ипотеке, что настоятельно требует

активных действий по развитию строительства социального жилья. Прежде всего это относится к малоимущим семьям, каковыми являются, согласно Постановлению Правительства РМ от 29 декабря 2008 г. № 600, семьи, которые имеют среднедушевой доход ниже установленного в республике прожиточного минимума и, следовательно, не могут погасить задолженность по кредиту и уплатить проценты по нему. По данным Госкомитета по делам молодежи, в республике в 2008 г. было зарегистрировано около половины молодых семей из их общего количества, нуждающегося в улучшении жилищных условий. Из них насчитывалось более 2 тыс. семей, где оба родителя не имеют работы, и 5 071 семья, где один из родителей является безработным (в совокупности 27 % от молодых семей, зарегистрированных в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий). Таким образом, далеко не у каждой молодой семьи есть возможность воспользоваться льготами приобретения жилья. Вследствие ограниченных финансовых возможностей региона поставленная подпрограммой задача обеспечения молодых семей жилыми помещениями из государственного и муниципального жилищных фондов по договорам социального найма остается наиболее труднорешаемой.

Дальнейшее развитие ипотеки должно опираться на собственную экономическую базу и эффективное производство. Однако пока производство в республике развито слабо, а его эффективность остается низкой. Оставляет желать лучшего мощность строительной индустрии и техническая оснащенность строительных работ. Укрепление производственной базы в промышленности и сельском хозяйстве вело бы к сокращению количества молодых семей, нуждающихся в государственной поддержке.

Решение жилищной проблемы осложняется тем, что доля свободных средств населения имеет тенденцию к сокращению, а текущее потребление растет быстрее увеличения доходов. Снижается доля вложений населения в ценные бумаги в общем объеме сбережений¹². По сообщению Председателя Счетной палаты С. В. Степашина, приобретение жилья с помощью ипотеки за последние два докризисных года снизилось на 30 %¹³, т. е. ситуация с доступностью жилья даже в относительно благоприятные годы ухудшалась, несмотря на снижение процентных ставок. По некоторым

данным, около 40—50 % жилья приобретаются с целью перепродажи¹⁴, что также негативно влияет на доступность жилья. Слабо контролируемое развитие жилищной ипотеки опасно дальнейшим снижением доступности жилья. Это отдаляет перспективу улучшения жилищных условий для лиц с низким и средним уровнем доходов, т. е. для основной массы населения, и диктует необходимость ужесточения государственного регулирования в жилищной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Собр. законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 694.

² См.: Закон Кировской области от 30 июня 2005 г. № 339-30 «О социальной поддержке отдельных категорий граждан, проживающих на территории Кировской области в сфере ипотечного жилищного кредитования» // Вятский край. 2006. 10 июня.

³ См.: Сокол П.В. Ипотечное жилищное кредитование. Некоторые проблемы правового регулирования // Адвокат. 2007. № 3. С. 31.

⁴ Текущий архив Государственного комитета по делам молодежи (ТАГКДМ).

⁵ Там же.

⁶ Сураева-Королева А.В. Программно-целевые методы обеспечения жильем граждан России // Наука и инновации в республике Мордовия: материалы V Республиканской науч.-практ. конф. Саранск, 8—9 февраля 2006 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2006. С. 346.

⁷ См.: Косарева Н., Туманов А. Об оценке доступности жилья в России // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 121.

⁸ ТАГКДМ.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Столица С. 2008. 18 марта (№ 12).

¹¹ ТАГКДМ.

¹² См.: Колесников А.А. Трансформация сбережений населения России и инвестиции // Финансы и кредит. 2007. № 14. С. 64, 68.

¹³ См.: РИА «Новости». URL: (<http://www.rian.ru/economv/habitation/20070620/8048.html>) (дата обращения: 26.11.2009).

¹⁴ См.: Информационно-аналитическое агентство. URL: www.rway.ru (дата обращения: 26.11.2009).

Поступила 15.09.10.

Л. И. САВИНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: интегральность, кафедра, министерство социальной защиты, Мордовский государственный университет, практикоориентированность, системность, система высшего образования, социальная работа

Key words: integrity, chair, Ministry of social protection, Mordovia State University, practice-orientedness, consistency, system of higher education, social work

Становление любого социально значимого явления не происходит вдруг и на пустом месте. Для этого необходимо сочетание ряда объективных и субъективных факторов, между которыми не существует непреодолимых границ. Речь идет о степени значимости того или иного фактора, а также о полноте учета в субъективной деятельности и в решениях, принимаемых властными структурами, реально имеющихся условий.

Наиболее масштабным объективным фактором, обусловившим появление социальной работы в России, стал распад СССР. Следует отметить, что современные функции и задачи социальной работы существовали во времена СССР и в царской России. В СССР задачи социальных работников решали профсоюзная организация, системы здравоохранения, образования, соцобеспечения и другие государственные органы. Функции и задачи, связанные с оказанием помощи, поддержки, защиты, выражения сочувствия, сострадания и сопереживания, являются такими же древними, как и сам человеческий род. Подтверждают сказанное отношения между женщиной-матерью и ее ребенком, при этом без помощи и защиты последний не способен самостоятельно выжить и

САВИНОВ Леонид Иванович, заведующий кафедрой социальной работы Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

стать взрослым. Новый аспект, связанный с распадом СССР, состоит в том, что в России появилось понятие «социальная работа». Все, что соответствует этому понятию, стало быстро развиваться (министерства, учреждения, подготовка специалистов и т. д.). Относясь к социально интегральным явлениям, социальная работа детерминирована российской социокультурой в целом и региональными субкультурами в частности.

В процессе реорганизации социальной сферы, обусловленной переходом России к новым экономическим отношениям, стали формироваться и развиваться адекватные рыночной экономике социальные институты. Среди них следует назвать институт социальной работы. В России социальная работа как профессия появилась в 1991 г., когда Постановлением Госкомтруда СССР от 23 апреля 1991 г. № 92 «Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих», утвержденный в 1986 г., был дополнен квалификационной характеристикой «специалист по социальной работе», ставшей эквивалентом принятой в мире должности «социальный работник». По данным ЮНЕСКО, в 2003 г. социальная работа вошла в пятерку самых востребованных работ.

Другим, не менее масштабным и также объективным фактором, способствующим развитию социальной работы, является стремительное увеличение числа людей (как во всем мире, так и в России), нуждающихся в помощи и поддержке. Кто-то должен им помогать. Человечество имеет значительные успехи в своем развитии, но за все «надо платить», и люди расплачиваются здоровьем, бедностью, одиночеством, социальной отчужденностью и заброшенностью. В условиях широкой информированности, распространения демократии и гуманизма, размыва идеологических, политических, националистических мифов, с одной стороны, возросла значимость человеческой жизни, ее ценностей и перспектив, с другой — начало третьего тысячелетия не лишено жестокости и ненависти, вражды и преступности. Более того, сфера девиации постоянно совершенствуется. Человечество предпринимает попытки поиска адекватных ответов на имеющиеся нарушения права личности, семьи, детства, углубление социальной дискриминации. Далеко не случайно принято представлять сегодня социальную работу

в качестве феномена цивилизованного общества. Поэтому главной целью деятельности социальных работников является изменение социальных условий жизни человека.

Основной базой становления и развития социальной работы в Мордовии стал Мордовский государственный университет. Практически одновременно, в 1991 г., появились Министерство социальной защиты населения Российской Федерации, Российский государственный социальный институт (г. Москва), а в Мордовском государственном университете на факультете подготовки и переподготовки кадров организаторов народного образования была открыта специальность «социальная работа»¹.

«Первооткрывателем» социальной работы как вузовской специальности в Мордовии является профессор М. К. Рункова. Осенью 1991 г. на факультете подготовки и переподготовки кадров организаторов народного образования был проведен первый экспериментальный набор слушателей по специальности «социальная работа». 6 мая 1993 г. для обеспечения учебного процесса и развития научного потенциала на базе кафедры социологии Мордовского государственного университета создана кафедра социологии и организации социальной работы. Заведующим кафедрой был избран профессор А. И. Сухарев. Период развития социальной работы как специальности и науки с весны 1993 г. по осень 1995 г. связан в основном с его именем. А. И. Сухарев, будучи ректором университета (1969—1991 гг.), способствовал открытию многих новых специальностей, в том числе и социальной работы. 3 ноября 1995 г. благодаря инициативе директора Историко-социологического института (ИСИ) Мордовского государственного университета Н. М. Арсентьева была создана кафедра социальной работы². С 16 ноября 1995 г. исполнение обязанностей заведующего кафедрой социальной работы было возложено на Л. И. Савинова.

Ректорат университета, учитывая существующую востребованность в высокопрофессиональных специалистах по социальной работе в Мордовии и в соседних регионах, принял решение об увеличении приема абитуриентов, желающих обучаться по специальности «социальная работа» на дневной и заочной формах обучения³. В реальности в 1996—1998 гг. количество студенческих групп дневной и заочной формы обучения доходило до трех. В определенные

годы (1999—2001 гг.) общее число выпускников по обеим формам обучения доходило до 200 студентов.

Важным фактором, оказывающим положительное влияние на совершенствование учебного процесса, является работа председателя ГАК, заведующего кафедрой социологии и социальной педагогики Российского университета туризма и сервиса, доктора философских наук, профессора П. Д. Павленка. Он стал инициатором многих творческих инициатив, дипломные работы подвергаются анализу более глубоко, предметно и комплексно.

Широко известные в России ученые, входящие в состав Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы, рекомендациями, научными трудами, общением со студентами и преподавателями Мордовского государственного университета оказывают положительное влияние на развитие социальной работы в республике. Особенно это относится к Председателю Учебно-методического объединения вузов России по образованию в области социальной работы В. И. Жукову и членам президиума С. И. Григорьеву, Л. Г. Гусляковой, Т. А. Дубровской, В. А. Никитину, П. Д. Павленку, Е. И. Холостовой и др.

За последние 3—4 года по ряду объективных и субъективных причин в Мордовском государственном университете идет сокращение приема абитуриентов, количества студенческих групп и числа выпускников. На наш взгляд, эта тенденция обусловлена тем, что Мордовскому университету довольно быстро и качественно удалось в основном удовлетворить имеющуюся потребность в дипломированных специалистах по социальной работе в Мордовии. Кроме того, «демографическая яма» с конца XX в. стала все сильнее сказываться на количественных и качественных показателях приема в вузы России. Специфическим фактором следует назвать подписание Россией Болонской Декларации.

В качестве субъективного фактора необходимо отметить, во-первых, подготовку бакалавров по направлению «социальная работа», которая началась в Мордовском государственном университете на несколько лет раньше, чем по всем другим специальностям. Во-вторых, неоспоримым фактом является то, что из 6 специальностей, подготовка которых осуществляется в ИСИ (история, регионоведение, психология, политология, социальная работа и социология),

одной из наиболее востребованных народным хозяйством Мордовии стала социальная работа. Система высшего образования обладает инерцией. Это свойство иногда весьма положительно, но, бывает, тормозит модернизацию общества. Так, вузы, вместо того чтобы адаптировать номенклатуру профессий, по которым идет подготовка будущих специалистов с высшим образованием, к потребностям общества и рынка труда, упорно не хотят этого делать. Процесс «растаскивания» учебной нагрузки, не имеющей ни методического, ни методического обоснования, крайне удален от предоставления качественного образования и удовлетворения потребностей в специалистах. В-третьих, следует отметить особую роль профессорско-преподавательского состава кафедры социальной работы. Объективно-субъективные параметры здесь прямо оказывают влияние на усвоение знаний студентами. Кафедра предпринимает усилия для дальнейшего развития своих сильных качеств и устранения имеющихся недостатков.

На кафедре социальной работы Мордовского государственного университета сформировалась схема преемственного использования студентоцентрированного подхода в обучении. На первом этапе студенты, обучаясь на младших курсах, активно знакомятся с социальными службами республики; апробируют основы теории социальной работы в качестве волонтеров, практикантов; участвуют в олимпиадах, конкурсах, проектной деятельности по социальной работе, научных конференциях, научной деятельности; выполняют индивидуальные задания преподавателей и т. д. На этом этапе основными задачами преподавателей кафедры являются выявление и поддержка индивидуально-личностных научных и профессиональных интересов студентов, приобретенных умений и навыков, чтобы потом их развить и сформировать на их основе стойкие потребности в самостоятельном освоении специфики социальной работы в индивидуально выбранном поле деятельности. Со второго курса студенты начинают писать научные статьи по результатам своих исследований. Затем профессионально-личностный интерес проявляется при написании курсовой и выпускной квалификационной работ. Сформированная потребность в дальнейшем освоении теоретических и практических знаний, формировании необходимых для будущей деятельности умений и навыков реализуется при обучении в магистратуре.

Сегодня студенты активно анализируют социальные проблемы России, Мордовии, ее городов и районов, социальных групп. Тематика дипломных работ носит междисциплинарный и практико-ориентированный характер. Студенты и магистранты во время защиты показывают хорошее владение материалом, глубокое знание изучаемой проблематики. Работы отличаются четкостью оформления, полным соответствием принятым стандартам, что неоднократно отмечали председатели ГАК. Необходимо отдать должное и сотрудникам кафедры социальной работы — научным руководителям дипломных работ. Дипломные работы изобилуют приложениями, таблицами, графиками, диаграммами. Нередко подготавливаются раздаточные материалы и авторефераты. Свой вклад в становление и развитие социальной работы вносят другие кафедры, участвующие в процессе подготовки социальных работников. Весьма важным социокультурным фактором является как субкультура Мордовского университета, так и субкультура регионального социума в целом.

Кафедра активно сотрудничает с Министерством социальной защиты населения РМ, его городскими и районными отделами и многими другими учреждениями, где нуждающиеся получают помощь социальных работников. Министерство заинтересовано в дальнейшем развитии кафедры, укреплении взаимных связей и сотрудничества с ее профессорско-преподавательским составом, а также разностороннем изучении социальных проблем, состояния социальной сферы и возможных путей их совершенствования. Дело в том, что Министерство социальной защиты населения РМ, его отделы, центры, приюты, дома-интернаты изначально были представлены как основные базы прохождения студентами практик. Практика является неотъемлемой частью учебного процесса и занимает в нем особое место. Она позволяет последовательно в течение всех лет обучения соединять теоретическую подготовку студентов с их практической работой в учреждениях всех типов социальной сферы. В ходе прохождения практики решается задача формирования необходимых умений и профессионально значимых личностных качеств. Материалы, полученные на практиках, как правило, служат основой экспериментальной части курсовых и выпускных квалификационных работ.

Практикоориентированность как одно из концептуальных направлений развития социальной работы для студентов

существенным образом наполнилась новым содержанием в связи с появлением трех общественных организаций. В 1997 г. ректором университета был подписан приказ «О создании отряда „Волонтер“» кафедры социальной работы ИСИ». Практически в эти годы многие студенты и ряд преподавателей кафедры принимали активное участие в работе клуба «Филантроп», основной целью которого было продление творческой деятельности людей, перешагнувших пенсионный рубеж, с помощью интеллектуального общения.

Концептуальные и прикладные интересы социальной работы как науки и профессии весьма удачно взаимодействуют с появлением в 2001 г. добровольческого центра социальной помощи населению по месту жительства «Ковчег». Сотрудники детской библиотеки имени Н. А. Некрасова Октябрьского района г. Саранска заключили договор о научно-методическом сотрудничестве с кафедрой социальной работы Мордовского государственного университета. В соответствии с договором кафедра помогает осуществлять научное руководство специализированной социальной работой по месту жительства, проводимой детской библиотекой; организует научные исследования по проблемам социальной помощи населению Октябрьского района г. Саранска; разрабатывает программу научно-исследовательской и практической работы с жителями; руководит ознакомительной, учебной, производственной и преддипломной практикой студентов на базе библиотеки и др. Сотрудники библиотеки участвуют в работе научных конференций, посвященных вопросам организации социальной работы по месту жительства, оказывают содействие студентам и членам кафедры в проведении научно-исследовательских и практических работ. В результате плодотворного сотрудничества кафедры социальной работы и детской библиотеки имени Н. А. Некрасова в Октябрьском районе г. Саранска начали апробироваться новые подходы, методы и формы адресной социальной помощи населению по месту жительства.

Научно-теоретические разработки кафедры социальной работы за 15 лет прошли разнообразную апробацию. Интегральными научными направлениями служат темы «Социальная работа — феномен цивилизованного общества» и «Региональные проблемы социальной защиты семьи, материнства и детства». В ходе их разработки профессорско-преподавательский состав, аспиранты кафедры и студенты

целеустремленно шли к идее формирования своей научной школы, объединяя достижения социальной работы и социологии семьи. Ряд работ преподавателей кафедры получил широкую известность среди ученых и студентов страны⁴.

С 1999 г. в соответствии с решением Министерства образования РФ на базе кафедры социальной работы регулярно проводится III (финальный) тур Всероссийской студенческой олимпиады по специальности «социальная работа». Олимпиада еще раз подтверждает общепризнанный в России высокий уровень профессионального, научного, педагогического и организационного потенциала профессорско-преподавательского состава кафедры, а также заинтересованность и ответственность студентов, обучающихся социальной работе. За предыдущие годы (1999 и 2008 гг.) студенты нередко занимали первые места на этой олимпиаде.

Таким образом, к своему 15-летию кафедра социальной работы подошла, имея, на наш взгляд, значительные успехи: процесс плодотворного развития своей научной школы, творчески сочетающей исследование проблем социальной работы и социологии семьи; научно-кадровый состав кафедры (через аспирантуру и соискательство) пополняется за счет специалистов, получивших базовую специальную «социальная работа»; кафедрой накоплен опыт подготовки высококвалифицированных специалистов, чему способствуют опубликованные серьезные научные и методические разработки и поставленная на систематическую основу научно-исследовательская деятельность; профессорско-преподавательский состав имеет значительный опыт сотрудничества с Министерством социальной защиты РМ, вузами России, Учебно-методическим объединением вузов России по образованию в области социальной работы; на кафедре уделяется особое внимание практической подготовке будущих специалистов, для чего не только совершенствуются методики и формы практик, но идет процесс включения в практическую подготовку студентов опытных специалистов, работающих в социальной сфере Мордовии.

Профессорско-преподавательский состав кафедры социальной работы понимает, что перед ней стоят задачи, требующие значительных усилий. На кафедре активно обсуждаются проблемы по подготовке бакалавров и магистров, выполняется большой объем работы, связанный с

повышением качества подготовки будущих специалистов по социальной работе. Профессорско-преподавательский состав кафедры в своей деятельности учитывает тенденцию, связанную с тем, что перспективы социальной работы в Республике Мордовия будут определяться социокультурными изменениями, происходящими в обществе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Приказ Государственного комитета СССР по народному образованию от 7 августа 1991 г. № 376 «Об открытии специальности „социальная работа“».

² См.: Приказ МГУ им. Н.П. Огарева от 3 ноября 1995 г. № 1/44 «О структурных изменениях в университете».

³ См.: Разрешение Комитета по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики РФ на набор студентов было получено в марте 1993 г.

⁴ См.: Савинов Л.И., Камышова Е.В. Социальная работа с детьми в семьях разведенных родителей: учеб. пособие. М.: Издат.-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. 260 с.; Павленок П.Д., Савинов Л.И. Социология: учеб. пособие. М.: Издат.-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. 580 с.; Павленок П.Д., Савинов Л.И., Журавлев Г.Т. Социология: учеб. пособие. М.: Издат.-торговая корпорация «Дашков и К», 2010. 736 с.; Новикова Е.Н. Социальная политика: учеб.-метод. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 76 с.; Кузьменко Т.В., Рябова Е.Н. Социальная работа с «социально исключенными» группами населения в современной России: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 104 с.

Поступила 16.09.10.

В. П. БУКИН,
А. В. ОСТАШКОВ,
С. И. НЕДЕЛЬКО,
В. Н. РЕТИНСКАЯ

**СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
СМИ В КОНТЕКСТЕ
МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ¹**

Ключевые слова: модернизационная ориентация и консолидация, социальная ответственность СМИ, идеология, трансформация ценностей, институт социализации, массовый опрос населения региона

Key words: modernisational orientation and consolidation, social responsibility of mass media, ideology, transformation of valuables, sociolisation institution, mass population inquiry

Перед современной Россией и ее регионами остро стоит проблема осуществления ускоренной системной и комплексной модернизации, активизации поступательного инновационного развития, обеспечения его сбалансированности и устойчивости для повышения конкурентоспособности страны, уровня и качества жизни ее граждан. Эта проблема отмечается многими учеными и специалистами-практиками, она зафиксирована в следующих официальных документах: «Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года» (Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537); «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» (Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р), посланиях Президента РФ Федеральному собранию (2009—2010 гг.). При этом складывается убеждение, что сколь бы ни была важна технологическая модернизация, главным объектом модернизационной концепции в современ-

БУКИН Василий Петрович, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

ОСТАШКОВ Александр Валерьевич, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат экономических наук.

НЕДЕЛЬКО Сергей Иванович, заведующий кафедрой государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент.

РЕТИНСКАЯ Вера Николаевна, доцент кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук.

ных условиях должно стать само общество. Для успешного развития России необходимы усилия людей, разделяющих общие модернизационные ценности и проявляющие для их достижения инициативу.

В процессе целенаправленного формирования модернизационной ориентации в российском обществе особую роль должны играть СМИ. Именно они должны вводить в массовое сознание идеи модернизации, соответствующие культурные и ценностные ориентации и модели поведения населения страны, а также обеспечивать должный горизонтальный и вертикальный информационный обмен, направленный на получение синергетического эффекта от интеллектуального взаимодействия в обществе. СМИ с их мощным потенциалом пропагандистско-идеологического и просветительского воздействия призваны стать мощным рычагом инновационного развития страны. Очевидно, что государственная политика России в отношении СМИ должна иметь четкую стратегическую направленность и конкретные критерии регулирования их деятельности, чтобы обеспечить формирование и реализацию в российском обществе императива качественного социально-экономического рывка². Большинство специалистов признает, что СМИ являются достаточно важным и развивающимся институтом социализации, мощным инструментом влияния на формирование ценностных ориентаций и моделей поведения населения, духовно-нравственное развитие и воспитание личности. Существует большое количество работ, посвященных различным аспектам функционирования СМИ³. Однако приходится констатировать тот факт, что практически отсутствуют работы и исследования, направленные на минимизацию очевидного разрыва между намеченными государством стратегическими направлениями развития страны, приоритетными направлениями развития науки и техники и их поддержкой широкими слоями населения, а также роли СМИ в этом процессе.

Более того, необходимо отметить явную недостаточность теоретических и достоверных экспериментальных данных для определения путей формирования социальной ответственности российских СМИ в контексте региональной идентификации, социального моделирования в целях обеспечения устойчивого инновационного долгосрочного развития государства. Таким образом, проблема ответственности

СМИ в современном российском обществе, с одной стороны, является весьма актуальной и публично дискутируется, с другой — характеризуется новизной и нуждается в детальной проработке средствами социологического анализа.

В связи с этим в мае — июне 2010 г. нами был проведен массовый социологический опрос, предмет исследования которого был сфокусирован на сущностном понимании социальной ответственности СМИ в контексте региональной идентификации, социального моделирования и обеспечения стратегии инновационного развития государства (на примере Пензенской области). При этом использовалась квотная многоступенчатая репрезентативная выборка, объем которой составил 1 тыс. чел. жителей Пензенской области.

Отношение населения к СМИ всегда было неоднозначным. Все зависит от того, насколько добросовестно и качественно СМИ выполняют свои основные функции: отражение государственной политики, информирование и ориентирование общества. Именно об этом сказали более 60 % респондентов, отвечая на вопрос «Какую роль призваны играть СМИ в современном обществе?» (рис. 1). Однако, как видно, важная в контексте модернизации ориентирующая функция выражена весьма слабо.

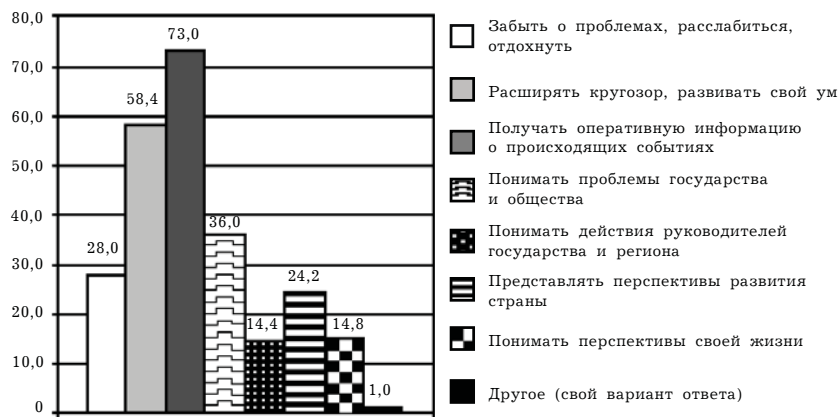

Рис. 1.

1. Ответы респондентов на вопрос «В чем СМИ должны помочь человеку?», %

(вопрос предполагал возможность выбора несколько вариантов ответа)

Рис. 2. Ответы респондентов на вопрос «В чем Вам помогают СМИ?», % (вопрос предполагал возможность выбора несколько вариантов ответа)

К указанным функциям СМИ добавилась развлекательная (рис. 2). Здесь сталкиваются интересы читателей и рекламодателей, журналистов и собственников СМИ. Почти 40 % опрошенных отметило, что основная часть СМИ выполняет развлекательную функцию, отвлекая население от реальных жизненных проблем. Не хватает «серьезных СМИ», направляющих свои усилия на реализацию стратегически важных для государства и общества задач. Многие СМИ увлекаются информационно-развлекательным контентом и, переходя некую грань, начинают, на наш взгляд, работать на разрушение общества.

Социальная природа института СМИ такова, что он представляет собой мобильную и универсальную систему регуляции жизни социума. Сегодня именно СМИ задают массам некие стандарты жизни и сознания. В связи с этим возникает проблема социальной ответственности последних. Но общество до сих пор не может четко сформулировать требования выполнения СМИ своей социальной ответственности. Между тем отсутствие четких критериев ответственности и ее персонификации позволяет не выходить за минимальные, законодательно определенные рамки регулирования общественных отношений.

Как показало исследование, в массовом сознании жителей Пензенской области основу понятия социальной ответственности СМИ составляют отсутствие двойных стандартов, честность и объективность в подаче информации (36,3 %); деятельность, направленная на развитие гармоничной личности (32,5 %); освещение реальных проблем и беспристрастный анализ их причин (29,7 %). Более того, 55,5 % опрошенных считают, что социальная ответственность СМИ должна быть инструментом содействия устойчивому долгосрочному развитию страны и общества, а 79,4 % респондентов говорят о том, что одной из главнейших задач социально ответственных СМИ является пропаганда общественно значимых ценностей.

Между тем практика показывает, что сегодня вопрос о том, что свобода СМИ должна быть подкреплена их ответственностью перед обществом, переходит в конфликт между рейтингом и нравственностью. По мнению 80 % опрошенных, в погоне за высоким рейтингом нравственные ценности отошли на второй план, а технологии развлечения перенесены даже в новости. Более того, 99 % не смогли дать оценку современному уровню социальной ответственности российских СМИ и коммуникаций с точки зрения содействия устойчивому долгосрочному развитию страны и общества. Видимо, масштаб, комплексность и публичность российской медиаполитики еще далеки от совершенства, и прав Я. Н. Засурский, говоря, что российская «пресса сегодня далека от высоких стандартов объективности, нравственности и честности. Еще в большей степени это относится к нашим каналам вещания, телевизионным прежде всего»⁴.

Отмечается процесс отчуждения российских СМИ от общества. Оборвалась культурно-историческая связь, возросла асоциальность СМИ. Так, 65,7 % мужчин (что примечательно) и 60,1 % женщин обращают внимание на то, что большинство СМИ не формирует нравственный потенциал личности, духовность и патриотизм граждан. СМИ в условиях рынка во многом утратили функции воспитания человека, формирования личности, просвещения. Лишь 13,2 % респондентов отметили, что становлению их личности способствуют СМИ. Большинство респондентов (более 50 %) рассматривает наиболее распространенные СМИ (телевидение, радио, Интернет) как средство развлечения, 49,2 %

опрошенных говорят о недостатке передач для детей и подростков, а 71 % — о засилье на отечественном кинорынке безыдейных прозападных фильмов и сериалов.

В России эта проблема особенно актуальна в регионах, поскольку не существует ни правовых, ни внутрикорпоративных, ни этических ограничений на агрессивную информацию. Коллективистские традиции лишь усиливают негативный эффект телевизионного воздействия, так как образцы поведения мгновенно становятся достоянием широких социальных слоев, особенно подрастающего поколения. Так, 83,2 % респондентов говорят о влиянии информации, распространяемой в СМИ, и коммуникации на настроение, психику, взаимоотношения людей, их трудовую активность и формирование образцов поведения. При этом большинство опрошенных отмечает увеличение объема рекламы (86,7 %); показ агрессии, физического и морального насилия (82 %); сюжетов о катастрофах, убийствах, жертвах (95 %); образцов дурного, аморального, антисоциального поведения (77,3 %); информации, направленной на формирование в сознании граждан ответственности за судьбу своей страны (60 %). Одновременно становится меньше информации, формирующей морально-этические нормы и модели поведения (82,3 %), дающей образцы высокоидейного поведения (83 %), развивающей нравственность и общественную мораль (78,5 %). Между тем информация должна носить информационный и социальный характер, а в задачи государства должна входить максимизация полезной и минимизация вредной информации (67,8 % респондентов считают, что деятельность СМИ должна регулироваться государством).

Согласно проведенному одновременно опросу экспертов (руководящие работники СМИ, исполнительных органов власти, науки), основной объем информации они получают не из газет, а преимущественно из электронных СМИ. Большинство недостаточно представляет себе, в чем должна сегодня проявляться социальная ответственность СМИ. Мнение по поводу контроля со стороны государства за деятельностью СМИ разделилось: одни считают любой контроль со стороны государства нарушением конституционных прав и свобод, другие — необходимостью. Единодушие проявляется в том, что СМИ не должны быть только источником информации, их задачи гораздо шире, включая просвещение и воспитание.

Эксперты признают крайне важной роль СМИ в развитии положительной региональной идентификации.

Таким образом, под социальной ответственностью СМИ мы понимаем деятельность, направленную на обеспечение долгосрочного, устойчивого, поступательного развития страны, повышение уровня и качества жизни населения на основе формирования гармоничной личности, культурно-нравственных ценностей и патриотизма, просвещения общества и его консолидации для достижения общественно значимых долгосрочных целей. Это предполагает необходимость поддержки со стороны СМИ модернизационных процессов и реализации стратегии инновационного развития России на основе региональной идентификации, социального моделирования и программирования.

Реализация социальной ответственности СМИ требует усиления целенаправленного регулирования их деятельности со стороны государства и профессиональных сообществ. Однако вряд ли следует уповать на массовую «сознательность» представителей последних, поскольку действия конкретных личностей, принимающих решения в сфере СМИ, диктуются в основном логикой рыночных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках исполнения государственного контракта № П1169 от 27 августа 2009 г. «Формирование социальной ответственности российских средств массовой информации в контексте региональной идентификации, социального моделирования и обеспечения стратегии инновационного развития государства» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009—2013 гг.)».

² См.: Полосин П.Н. Социальная ответственность СМИ в контексте информационно-аксеологической (ценностной) поддержки стратегии развития России // Власть. 2010. № 8. С. 43—46.

³ См.: Лазарфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Массовая коммуникация в современном мире. М., 2000; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2009. 864 с.; Засурский Я.Н. СМИ как фактор процессов общественной трансформации на рубеже тысячелетия // Журналистское образование в XXI веке. 2000. С. 6—12.

⁴ Засурский Я.Н. СМИ как фактор процессов ... С. 9.

Поступила 27.10.10.

Н. С. КУЗНЕЦОВА ВЕБ-САЙТЫ РЕГИОНА: СООТНОШЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО

Ключевые слова: веб-дизайн, веб-среда, виртуальность, иллюзорность, игровое пространство, механизмы восприятия, глобализация, локальная культура

Key words: web-design, web-environment, virtuality, illusiveness, playing space, perception mechanisms, globalisation, local culture

Влияние на современное человечество потребительской социальной модели и информационных технологий значительно преобразовало игровое пространство. Становится все сложнее найти отличия между реальным и игровым миром. Происходит упрощение коммуникационных процессов: коммуникант лишается свободы воображения, заменяет его автоматическими механизмами восприятия. Современные технологии делают человека чувственно-управляемым объектом холодного расчета производителей огромного информационно-игрового потока.

С древних времен человек осуществляет коммуникационный процесс, основываясь на пяти органах чувств, данных ему природой, и расширяет свои возможности по мере развития информационных технологий. В процессе окультуривания человеком природы и освоения им коммуникационного пространства менялись формы хранения и передачи данных.

Веб-пространство стало новой (виртуальной) коммуникационной средой, синтезировавшей в себе все предыдущие технические достижения. Структура веб-сайта, предоставляющего статическую текстовую и графическую информацию, напоминает совокупность книжных страниц. Развитие информационных технологий позволило размещать на просторах веб-среды аудио- и видео-информацию, имитирующую черты радио и телевидения. Появились элементы интерактивного взаимодействия с пользователем.

КУЗНЕЦОВА Нина Сергеевна, преподаватель кафедры дизайна и рекламы Мордовского государственного университета.

По мере накопления знаний и развития технологий коммуникации менялось мировосприятие человека. Его процессы связаны с проявлением виртуальности в сознании. Описывая иерархичность понятия «виртуальность», И. А. Николаев выделяет его уровни относительно их приближенности к реальности и степени воплощенности в ней: естественный или физический (ближайший к реальности уровень, поскольку этот вид виртуальности определяется природой); технический (виртуальности этого горизонта существуют благодаря компьютерным технологиям, рекламе и СМИ); культурный (степень воплощения этих виртуальностей, созданных благодаря, например, произведениям литературы, искусства, мифологии, отражается в различных сферах духовной культуры человечества); мистический (виртуальности этого уровня сложнее проявляют себя в актуальном мире)¹.

Разделение на культурный и технический уровни является условным. При рассмотрении современной культуры составляющие эти уровни элементы пересекаются. Так, компьютерная виртуальная реальность сформирована и развивается благодаря взаимодействию человека и достижений информационных технологий. При этом, кроме технической стороны, в компьютерной виртуальной реальности проявляется культурный аспект, связанный с образованием нового культурного пространства, обладающего новыми формами взаимодействия и проявления творческой сущности людей.

Виртуальная реальность с ее размытыми пространственно-временными границами становится основной средой обитания современного человека. Смена среды обитания неразрывно связана с информационными технологиями, позволяющими в виртуальном потоке, льющемся с экранов телевизоров и мониторов компьютеров, формировать определенные образы. При этом происходит формирование симулякров, стирающих границы между знаками и реальностью. Ж. Бодрийяр выделил три порядка симулякров: подделка, производство и симуляция². Подделка как симулякр первого порядка включает в себя имитацию природных форм в материальных вещах. Симулякр второго порядка формируется в эпоху серийного производства. Распространение информационных технологий дало развитие симулякру третьего порядка — сформированному иллюзорному объекту с природной составляющей в

виде кода. Виртуальное веб-пространство меняет положение вещей. От материализации, требуемой потребителем для формирования ощущения удовлетворения, производитель переходит к стадии демонстрации виртуальной модели объекта. Значимой становится не сущность вещи или процесса, а знаковость объекта. При этом реальность, окружающая субъект коммуникации, наполняется субъективными чертами. Вместе с тем механизмы субъективного восприятия формируются через потребительское взаимодействие с продуктами информационных технологий.

Информационные технологии XXI в. внесли свои коррективы в мировое культурное пространство. Веб-среда исторически формировалась как информационное коммуникационное пространство для достаточно ограниченной группы людей, а позже приобрела массовую аудиторию. Веб-дизайн в этом контексте стал выполнять функцию преобразования содержания сообщения в привычную для эпохи форму. Совместно с формой предоставления информации разработчики веб-пространства стали увеличивать силу воздействия с помощью элементов дизайна, создающих чувственно ощутимую оболочку сайта и несущих дополнительную эмоциональную нагрузку.

В Республике Мордовия веб-сайты, содержащие информацию о компании, ее продукции и услугах, создаются на основе шаблонов. К основным можно отнести сайты компьютерной фирмы «Фарго» (www.fargo.moris.ru), спортивного комплекса «Мордовия» (www.sportrm.ru), кондитерской фабрики «Ламзурь» (www.lamzur.ru). Информационные порталы www.moris.ru, www.13rus.ru также спроектированы по имеющимся образцам оформления этой зоны веб-среды. Структура размещения информации на портале gidrm.ru не отличается оригинальностью. Но этот сайт не лишен элемента национальной культуры: иконка в адресной строке содержит восьмиконечную розетку маренового цвета. Однако это единственная точка соприкосновения местной и глобальной культур в пространстве интернет-портала. Отсутствие у этих сайтов национальной специфики связано с коммерческими предпочтениями, отвечающими американской модели предоставления информации. Корпоративные сайты крупнейших российских организаций имеют свои местные представительства в виде веб-страницы. Эти страницы поддерживают

общий стиль предприятия и также лишены черт местного колорита. Таковы, например, сайты Сбербанка России (www.sbrf.ru) и Почты России (www.russianpost.ru).

Сайты, отражающие деятельность организаций культуры республики, если и имеют национальные черты, то они слабо выражены. В качестве примера можно рассмотреть сайт Мордовского республиканского музея изобразительных искусств имени С. Д. Эрьзи (www.erzia-museum.ru), имеющий шаблонный тип предоставления информации. Страница его филиала (Музей мордовской народной культуры) в верхней части содержит изображение мордовского национального костюма. Положение локальной культуры в общем веб-потоке глобальных процессов определяется потребностями массового пользователя, лишенного национальной специфики.

Меняющиеся условия воздействия культурного пространства на реципиента делают последнего потребителем, трансформируя природу потребностей. Г. Маркузе говорит об истинных и ложных человеческих потребностях. Ложные — это «продукты общества, господствующие интересы которого требуют репрессии»³. Поэтому ложные потребности он называет еще «репрессивными», которые «при глобальном наступлении на потребителя» становятся доминирующими⁴. Эти потребности приводят к ложному чувству удовлетворения. В веб-пространстве «ложность» осуществляется через построение иллюзорной реальности. Таким образом, массовое общество опутано иллюзорностью своего бытия.

Вслед за созданием «иллюзии реальности» веб-дизайн начинает формировать «иллюзорные» потребности масс. «Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковойостью. Массы — это те, кто ослеплен игрой символов и поработан стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным»⁵. Зрелищность веб-пространства создается за счет погружения пользователя в среду знаков из различных временных отрезков.

Рассматривая влияние информационных технологий на человека, Г. М. Маклюэн подчеркивает: «Игра — это машина, которая может быть приведена в действие лишь при условии, что игроки согласны на какое-то время стать марионетками»⁶. Й. Хейзинга пишет следующее об игровой деятельности как факторе культуры: «Игра не есть „обыденная“ или „настоящая“ жизнь. Это выход из такой жизни в

преходящую сферу деятельности с ее собственным устремлением»⁷. Элементы игры, наполняющие веб-пространство, осуществляют функции привлечения и обучения веб-потребителей использованию новых технологий. Но пользователи этого информационного контента, увлекаясь игрой, забывают об ее временности и подменяют действительность с многосторонними ощущениями игровым воздействием современных средств массовой коммуникации.

Обобщая вышесказанное, отметим, что особенности построения веб-пространства тесно связаны с прошлым опытом взаимодействия человека с информационными потоками, процесс декодирования которых обусловлен временными и пространственными рамками развития восприятия передаваемых органами чувств сообщений. Точкой опоры веб-дизайна является возможность человека, находящегося в веб-пространстве, переносить опыт бытия в материальном мире в искусственно созданную среду. Сохранять устойчивость позиции участника диалога с пользователем веб-дизайну позволяют достаточно ясно воспринимаемые символы и образы стереотипного поведения, близкие массовому потребителю культуры. Сам пользователь при этом становится «одномерным» элементом потребительской системы, и перед человеком встает проблема смены ниши в игровом пространстве современной веб-среды. Традиции и другие формы национальной культуры содержат устойчивые механизмы противостояния манипуляциям в информационном пространстве, позволяющие сменить роль марионетки на роль равноправного участника коммуникационного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Николаев И.А. Виртуальность как естественно-научный, технический и культурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2004. 149 с.

² См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

³ Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. С. 25.

⁴ Там же.

⁵ Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2008. С. 191—192.

⁶ Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007. С. 271.

⁷ Хейзинга Й. Homo Ludens: статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция, 1997. С. 27.

П. Н. ПОЛОСИН

**ВЕДУЩИЕ ЕЖЕДНЕВНЫЕ
НОВОСТНЫЕ СМИ
ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА**

Ключевые слова: информация, средства массовой информации, аудитория, общественное мнение, социальная ответственность

Key words: informatisation, mass media, audience, public opinion, social responsibility

Курс, взятый Президентом России Д. А. Медведевым на модернизацию страны, затрагивает все сферы современного информационного общества, в том числе и СМИ, являющиеся мощным инструментом в формировании общественного мнения. Проведенный анализ ведущих ежедневных новостных массмедиа Пензенской области методом включенного наблюдения показал, что региональные СМИ пока достаточно слабо реализуют принципы социальной ответственности и большей частью нацелены на извлечение коммерческой прибыли от своей деятельности.

Объектом исследования стало построение вечерних новостных блоков в эфире пензенского телевидения («11 телеканал», «Экспресс», ГТРК «Пенза» (Россия-1 Пенза») и «РЕН Пенза»), радио («Эхо Москвы в Пензе», «Золотое FM», «Добрые Песни», «Радио России из Пензы») и на лентах региональных новостных сайтов (ИА «PenzaNews», «Пенза-Онлайн»).

Следует отметить, что рассмотрение утренних или дневных новостных блоков массмедиа признано нецелесообразным из-за применения редакциями указанных электронных СМИ повторных «вечерних» материалов, а ленты региональных новостных сайтов намного проще анализировать за кон-

ПОЛОСИН Павел Николаевич, аспирант кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета.

кретный день для представления полной информационной картины.

Региональная пресса не была объектом исследования, поскольку ежедневных новостных газет или журналов в Пензенской области нет. Стоит согласиться с Е. П. Прохоровым, считающим, что местная пресса замыкается в локальных проблемах, меньше внимания уделяя общероссийским и международным. Такой подход способствует не только регионализации страны, информационной фрагментации России, но и в значительной степени уменьшает возможности самой местной прессы¹.

Другая актуальная проблема печатных изданий Пензенской области — отсутствие взвешенных аналитических материалов, которые, бесспорно, были бы интересны читательской аудитории. Газеты и журналы делают акцент на новостной информации, несмотря на то что это давно уже стало в регионе прерогативой электронных СМИ — информационных агентств и новостных сайтов, телевидения, радио. По мнению К. В. Дементьевой и П. Ф. Потапова, приоритетным направлением в работе местных печатных изданий может быть качественное освещение региональных проблем².

Для удобства восприятия предлагается рассмотреть итоги включенного исследования по вышеуказанным группам в отдельности.

«11 канал», относящийся к частному холдингу ТРК «Наш Дом», имеет своеобразный формат вечерних получасовых новостей, который существенно выделяет эти СМИ среди других телеканалов, в том числе за счет присутствия в кадре двоих ведущих. Редакция массмедиа уделяет особое внимание развлекательной функции, стараясь удержать большую часть аудитории перед экранами в вечернее время. Кроме традиционной компоновки блока новостей (происшествия, политика, экономика, социальные темы, культура, спорт, прогноз погоды), в выпуск включен небольшой (до 4 минут) мультипликационный фильм, авторами которого являются персонажи Макар Морковкин и Степан Сундуков. Они в шуточной форме высказывают свое мнение о международных и общероссийских проблемах, которые в этот день освещаются федеральными СМИ. Ключевой проблемой такой подачи информации является ее ироничная, а порой откровенно насмешливая форма (это касается и решений органов государственной власти).

Следует отметить, что «11 канал» активно позиционирует себя как «народный телеканал». Журналисты используют в эфире достаточно обывательские, просторечные выражения, сюжеты зачастую строятся на конкретной, как правило, коммунальной проблеме человека, мнениях отдельно взятых «людей с улицы», в основном пенсионеров.

29 сентября 2010 г. вице-губернатор Пензенской области С. А. Златогорский на встрече с главными редакторами СМИ региона подверг критике работу журналистов «11 канала», сообщивших в первом сюжете выпуска новостей 27 сентября о возможном подорожании одежды в 5 раз в самое ближайшее время из-за неурожая хлопка и повышения мировых цен. С. А. Златогорский призвал представителей массмедиа быть социально ответственными и привел в качестве примера искусственно созданный ажиотаж вокруг гречки и других продуктов питания, связанный якобы тоже с неурожаем.

Отметим, что «11 канал» достаточно популярен в Пензенской области и потому способен оказывать существенное влияние на формирование общественного мнения в регионе. Однако в погоне за острыми новостными информационными сюжетами журналисты нередко забывают о реализации принципов социальной ответственности, переходя тонкую грань между информированием и нагнетанием напряженности в обществе.

Телеканал «Экспресс», входящий в холдинг телерадиокомпания «Экспресс», давно приобрел в сознании граждан неофициальный статус губернаторского телеканала. Журналисты редакции в своей работе делают акцент на общественно-политические и социально-экономические темы. Материалы подаются корреспондентами не только с исключительно информационной точки зрения, но и частично с аналитическим уклоном, что делает 30-минутный выпуск новостей более весомым. Так, в эфире телеканала «Экспресс» почти сразу же после объявления 28 сентября в федеральных СМИ об утрате доверия Президента РФ Д. А. Медведева к мэру Москвы Ю. М. Лужкову пензенской общественности был представлен двухминутный сюжет с участием губернатора Пензенской области В. К. Бочкарева, выступившего в роли эксперта-политика. Глава региона, находясь 14 сентября 2010 г. в Нижнем Новгороде, где проходила Межрегиональная конференция партии «Единая

Россия» под председательством премьера страны В. В. Путина, дал интервью федеральному телеканалу «РЕН», в котором представил свое видение ситуации, связанной с возможной отставкой Ю. М. Лужкова. Фактически В. К. Бочкарев, который, кстати, сам является «долгожителем» среди губернаторов и до сих пор занимает уверенные позиции в политическом рейтинге³, уже тогда рекомендовал столичному градоначальнику достойно покинуть свой пост со словами: «Честь имею». Телезрителям «Экспресса» эта информация была преподнесена в качестве подтверждения правильности и успешности мнения губернатора В. К. Бочкарева как дальновидного политика, владеющего ситуацией. Со стороны телеведущего была дана высокая оценка его прогнозам. Более того, как позже выяснилось, в письме Ю. М. Лужкова к Д. А. Медведеву, появившемся в СМИ 27 сентября 2010 г., в конце действительно есть фраза «Честь имею»⁴.

Судя по проведенному анализу материалов эфира, телеканал «Экспресс» проявляет лояльность к областной власти. Качество подаваемых сюжетов общественно-политического характера находится на высоком профессиональном уровне. Это объясняется тем, что главным редактором службы информации телеканала «Экспресс» является опытный, хорошо известный в кругах массмедиа Пензенской области и проработавший долгое время на государственном телеканале журналист Д. П. Куликов, автор информационно-аналитической программы «События в деталях».

Осуществляемый им так называемый «точечный контроль» выдаваемых в эфир материалов, собранных корреспондентами, наряду с работой двух выпускающих редакторов службы информации телеканала «Экспресс» приносит положительный эффект. Автономность работы молодого коллектива по заранее определенным темам наряду с рекомендациями опытного мэтра пензенской тележурналистики дает возможность для производства качественного новостного контента.

Государственный статус ГТРК «Пенза», являющейся филиалом ФГУП ВГТРК, изначально задает официальный тон работе всей команде журналистов. Существующие на протяжении последних нескольких лет кадровые проблемы, низкий уровень оплаты труда, устаревшее оборудование негативно сказываются на производстве новостного продукта. Эфирные региональные рамки телеканала жестко регла-

ментированы федеральным центром и составляют не более 20 мин. в прайм-тайм. За это время творческая команда делает попытку представить наиболее полную информационную картину дня, уделяя особое внимание новостям из районов Пензенской области. Это объясняется тем, что ГТРК «Пенза» является единственной в регионе медиа-структурой, осуществляющей телевидение на территории всей Пензенской области, а также нескольких ближайших районов соседних субъектов Федерации (Республика Мордовия, Саратовская и Тамбовская область). Тенденциозный стиль подачи информации в эфире ГТРК «Пенза», присутствие в эфире так называемых «проблемных сюжетов» без привязки к конкретной дате отталкивают зрителя от просмотра эфира государственного канала и не могут вызывать у него доверия.

Региональный телеканал позиционирует себя как филиал государственного телеканала «Россия», однако регулярно допускает в эфир сюжеты, проблематика которых носит локальный характер. Смещение акцентов с актуальных событий на повседневные проблемы отдельных граждан приводит к формированию искаженного представления у зрителя о происходящем в регионе.

Телеканал «РЕН Пенза» на протяжении существования информационной программы «Наше время» до 27 сентября 2010 г. был спутником информационного вещания телеканала «Экспресс». Дециметровый «РЕН Пенза» относится к холдингу ГТРК «Экспресс» и имеет совмещенную с ним редакцию и материально-техническую базу. В связи с этим в эфире отсутствовали острые темы, присущие федеральному телеканалу «РЕН».

Анализируя деятельность радио «Золотое FM», «Добрые Песни», «Эхо Москвы в Пензе» и «Радио России из Пензы» в Пензенской области, следует отметить ряд особенностей. Первые два указанных радио имеют музыкально-развлекательные форматы. Короткие, трехминутные блоки новостей являются лишь дополнением к основному вещанию. Новостному эфиру этих частных СМИ уделяется мало внимания со стороны владельцев массмедиа. Радио «Золотое FM» и «Добрые Песни» ориентируются на получение прибыли от осуществления рекламной деятельности. Так, указанные СМИ формируют блоки новостей, используя только сообще-

ния информационных агентств. Таким образом, снимается несколько проблем: владельцы СМИ существенно снижают затраты на производство информации (им не нужно содержать штат журналистов), в эфире звучит качественный и актуальный новостной контент, а ссылка на информационное агентство освобождает от юридической ответственности. Наряду с этим возрастает зависимость владельцев радио от новостных агентств, теряется реальная возможность управления информационными потоками и формирования собственной редакционной политики.

Иначе обстоит дело с частной радиостанцией «Эхо Москвы в Пензе», которая принадлежит прогубернаторскому холдингу ГТРК «Экспресс», и государственным «Радио России из Пензы» (филиал ФГУП ВГТРК ГТРК «Пенза»). Оба радио имеют в своем эфире много различных информационно-аналитических программ, чем, бесспорно, привлекают внимание большей части интеллигенции Пензенской области. Однако принципы построения и подачи информации различные.

«Эхо Москвы в Пензе» имеет высокопрофессиональную команду журналистов, критически относящихся к решениям органов государственной или муниципальной власти, результатам опросов, а иногда и гражданским инициативам. Высокий уровень подачи информационных материалов в эфире объясняется продуманной и взвешенной редакционной политикой. В выпусках новостей всегда отсутствуют сообщения, достоверность которых слушатель мог бы поставить под сомнение. Стремление к постоянному анализу происходящих событий и открытость журналистов в эфире увеличивают и без того высокий кредит доверия.

«Радио России из Пензы», как и телеканал «Россия-1 Пенза», играет на территории Пензенской области роль проводника официальной государственной политики. Этим объясняются довольно сдержанные информационные сообщения, связанные с критикой чиновников. Профессиональный коллектив со сложившимися традициями областного радио максимально точно и эффективно выполняет возложенную на него задачу по информированию населения о наиболее интересных и значимых инициативах государственной власти. Основной проблемой этого радио является неиспользование имеющейся FM-частоты, что существенно сокращает аудиторию. По некоторым оценкам, число абонентов проводного

радио в Пензе, где ведет вещание «Радио России», составляет около 20 тыс. чел.

Сравнительный анализ работы редакции независимого информационного агентства «PenzaNews» и частного информационного портала «Пенза-Онлайн» показал яркий контраст в подаче новостей. Информационный портал «Пенза-Онлайн», принадлежащий веб-студии «Пенза-Онлайн», был основан в 2000 г. и является старейшим новостным ресурсом Пензенской области. Сайт «Пенза-Онлайн», изначально задуманный в качестве интернет-газеты для деловых людей, на первых этапах своего становления приобрел статус авторитетного источника объективной информации о происходящих событиях в регионе. Появление конкурирующих медиакомпаний в новостном сегменте регионального Интернета, крайне непродуманная кадровая политика со стороны руководства редакции, снижение доли эксклюзивных материалов и смещение приоритетов владельцев портала в более прибыльное направление по созданию сайтов привели к существенному ослаблению позиций этого «игрока» информационного пространства. В настоящее время лента новостей формируется по материалам пресс-релизов компаний, небольших собственных материалов с личными оценками, а также присылаемых в редакцию читателями «заметок о наболевшем». Заголовки статей (например, «Джаф не вышел на связь», «Откуда пошла собака» и т. д.) являются малоприметными для читательской аудитории, которая нуждается в повседневных новостях. Оперативность подаваемой информации на ленте новостей «Пенза-Онлайн» крайне низкая. Это отрицательно сказывается на цитируемости со стороны крупных федеральных СМИ.

Тенденции изменения информационного рынка Пензенской области начались во второй половине 2007 г., когда в регионе появились сразу три информационных агентства, ставящих перед собой задачу информирования населения в режиме реального времени о происходящих событиях.

Спустя три года на рынке осталось только два реально действующих новостных агентства регионального уровня, лидером которого (по рейтингу цитируемости сообщений) является ИА «PenzaNews» — частная компания, созданная группой единомышленников. Ежедневно на сайте публикуются информационные сообщения, освещающие политическую,

экономическую, общественную, культурную и спортивную жизнь Пензенской области. Главными принципами работы молодой творческой команды стали объективность и оперативность подаваемых новостей. Основными потребителями информации являются региональные СМИ, заинтересованные в быстром получении новостей из Пензенской области. Но в последнее время заметен интерес более широкой аудитории к новостной информации, в том числе органов государственной власти и представителей бизнеса.

Четкая и последовательная редакционная политика позволяет агентству гибко работать в информационном пространстве Пензенской области, своевременно отвечая на запросы аудитории. В сообщениях ИА «PenzaNews» отсутствует авторская оценка происходящих событий, что часто подвергается критике со стороны коллег-журналистов. Несмотря на это, новостное агентство стало для Пензенской области новым форматом, востребованным в сфере политики и бизнеса.

Таким образом, включенное наблюдение за деятельностью СМИ в Пензенской области показало неоднородность масс-медиа в вопросе социальной ответственности, которые ежедневно оказывают существенное влияние на формирование общественного мнения в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Прохоров Е.П. Журналистика и демократия: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 11.

² См.: Дементьева К.В., Потапов П.Ф. Региональный аспект взаимодействия прессы и власти // Регионология. 2010. № 2. С. 225—229.

³ См.: Рейтинг политической выживаемости губернаторов России: у Бочкарева крепкие позиции // Региональное информационное агентство «PenzaNews». 2010. 28 сент. URL: <http://penzanews.ru/content/view/19991/29> (дата обращения: 30.09.2010).

⁴ См.: Юрий Лужков — Президенту Российской Федерации Дмитрию Медведеву // Новое время. 2010. 28 сент. URL: <http://newtimes.ru/articles/detail/28111> (дата обращения: 30.09.2010).

Поступила 07.10.10.

С. И. СИВЦЕВА

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ:
НАСЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ В XX в.
(ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ)**

Ключевые слова: демографический фактор, демографическая история, численность населения, миграционные потоки, положительные сдвиги, представители малочисленных народов Севера

Key words: demographic factor, demographic history, number of population, migration streams, positive shift, representatives of indigenous peoples of the North

Потеря Россией своего «демографического веса» в мире — новое явление, с которым необходимо бороться. Несоответствие между численностью населения России и размерами ее территории, протяженностью границ, величиной пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети в регионах и т. п. — давно и хорошо известная проблема. Россия всегда была слабоосвоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, но эти ее качества стали особенно ощутимы после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину населения. Если России недостаточно ее нынешнего населения, то она тем более будет испытывать трудности при сокращении его численности.

Сегодня демографический фактор приобрел значение важнейшего геополитического фактора, который определяет будущее страны. С. Вобан (1633—1707) обращал внимание на значение людских ресурсов: «Величие королей измеряется численностью подданных»¹. Таким образом, он подчеркнул важность людских ресурсов как одного из динамичных факторов, позволяющих составить представление о политическом положении страны.

СИВЦЕВА Саассылана Иннокентьевна, доцент кафедры культурологии Северо-Восточного федерального университета, кандидат исторических наук (г. Якутск).

Слабозаселенные регионы Сибири и Дальнего Востока, соседствующие с перенаселенным Китаем, вызывают особую тревогу. Якутия, имеющая значительные природные ресурсы, является одним из таких слабозаселенных регионов, имеет свою демографическую историю, анализ которой помог бы в дальнейшем стабилизировать численность населения в ней.

Чтобы объективно исследовать демографические процессы, протекающие в Якутии в XX в., необходимо дать краткую характеристику динамики численности и естественного движения (рождаемость, смертность) населения в XIX в. (табл. 1).

Таблица 1

**Численность населения Якутии во второй половине XIX в.
(на 1 января соответствующего года)²**

Год	Население, чел.	В том числе:		Доля населения в общей численности	
		городское	сельское	городского	сельского
1856	21 4208				
1857*	21 2674	3 923	208 751	1,8	98,2
1867	22 8363	6 236	222 127	2,7	97,3
1877	23 9826	6 183	233 643	2,6	97,4
1887	25 5671	7 559	248 112	3,0	97,0
1897	269 880**	9 182	260 698	3,4	96,6
1898	245 368**	—	—	—	—
1899	258 283**	—	—	—	—
1900	262 002**	9 783	252 219	3,7	96,3

* Без Охотского округа, отошедшего в Удское ведомство Приморской области.

** Без Олекминского и Витимского улусов, отошедших Иркутской области.

Согласно табл. 1, с 1856 по 1900 г. численность якутян увеличилась на 47 794 чел., или 22,3 %, что ежегодно составляло 0,45 %. Этот прирост населения произошел, несмотря на потери территорий, отошедших Охотскому округу, а затем Олекминского и Витимского улусов, отошедших Иркутской губернии (1898 г.). Максимальной своей численности население Якутии достигло в 1896 г. (до территориальных потерь), когда были зарегистрированы 277 835 жителей, что оказалось больше показателя 1856 г. на 63 627 чел. При этом ежегодные темпы роста с 1856 по 1896 г. выразились в 1 591 чел., или 0,74 %.

Динамика роста городов превышала темпы роста населения сельской местности. Так, число горожан за период с 1857 по 1900 г. увеличилось в 2,5 раза, а жителей сельской местности — в 1,2 раза. Незначительно, но рос и удельный вес городского населения по отношению к общей численности населения: с 1,8 до 3,8 %, тогда как доля сельского населения несколько сократилась (с 98,2 до 96,3 %).

Города Якутии обладали своей спецификой. В «Обзоре Якутской области» за 1881 г. отмечено, что «на всем пространстве Якутской области находятся только пять городов, по числу округов, по одному на каждый. Но места, от которых эти округа получили свое название, за исключением по крайности самого Якутска, совершенно не заслуживают названия городов. Все эти города, не исключая и Якутска (в котором три каменных дома и шесть каменных церквей), в сущности, стоят ниже не только торговых, но и обыкновенных сел России как по своим постройкам, так и по существующим в них промышленности и торговле»³.

Во второй половине XIX в. роль механического движения в численности населения края была незначительной. О низком уровне внешней миграции свидетельствуют данные переписи населения 1897 г.: из 269,9 тыс. чел. населения Якутии 95,6 % были местными уроженцами, и только 21,4 тыс. чел. (4,4 %) являлись выходцами из других областей и губерний России. При этом большинство приезжих (более 80 %) было зарегистрировано в Олекминском округе, где в то время находились артели золотодобытчиков.

С 1856 по 1900 г. наблюдаются периоды повышения и уменьшения численности населения. Убыль численности якутян связывалась с повышением смертности и некоторым снижением уровня рождаемости, которые зависели от неурожая и засухи, в результате чего продовольственное обеспечение людей оказывалось недостаточным. Хроническое недоедание населения края было распространенным явлением в XIX в., поэтому даже незначительные перебои в продовольствии имели самое негативное влияние на его численность и естественное движение. Вместе с тем распространение заболеваний эпидемического характера, механический отток мигрантов за пределы области и территориальные изменения в сторону сокращения территории области также вели к сокращению и численности, и естественного прироста населения.

Если во второй половине XIX в. демографическая история якутского региона напрямую зависела от природных факторов, а потому динамики не прослеживалось ни в численности, ни в естественном движении населения, то в XX в. история народонаселения края кардинально изменилась. Численность населения с 1917 по 2002 г. (за 85 лет) выросла с 264,1 до 948,1 тыс. чел., что составило прирост в 3,6 раза, или на 683 964 чел. (ежегодно 8 046,6 чел.). При этом наибольшего значения (более миллиона человек) республика достигла в 1989 г. в составе СССР. Спад численности в последние десятилетия характеризует кризисный период постсоветского пространства. Если сравнить данные переписи 1917 и 1989 г., то рост численности жителей Якутии будет выше в 4,1 раза.

Существенно выросла доля городских жителей (с 4,4 до 64,2 % населения региона), а удельный вес сельского населения сократился (с 95,6 до 35,8 %), что свидетельствует о кардинальных изменениях в составе населения Якутии за 85 лет. Если сопоставить показатели по городу (в абсолютных цифрах), то за 85 лет прирост городского населения составил в 53,0 раза, сельского — 1,3 раза. Особенно быстрый рост числа горожан наблюдался с 1926 по 1959 г. (в 15,7 раза). Это было основной тенденцией развития городов в советское время и связывалось с необходимостью развития объектов промышленных разработок и характерного для них механического притока людей на заработки, а также политикой государства, где количество новых городов и численность городского населения должны были показать всему миру мобильность и эффективность индустриализации и социалистического строительства⁴. Поставленные сверхзадачи и программы должны были выполняться в срок и перевыполняться. Поэтому статус городских поселений стали приобретать все старые (ранее именуемые сельскими) и вновь образуемые поселения рабочих и прииски. Вследствие этих причин наблюдался значительный рост городского населения: если в 1926 г. в Якутии насчитывалось пять городов с числом жителей 15 277 чел. и не было ни одного рабочего поселка (хотя уже многие трудились на золотых приисках: по переписи 1926 г. в одном только Приисковом районе Алданского округа жили 9 229 чел.), то в 1959 г. было 9 городов и 38 рабочих поселков, в которых проживали 239 411 чел.

При этом число жителей рабочих поселков (125,4 тыс. чел.) превысило число горожан (114,0 тыс. чел.).

Изменился и национальный состав якутян. Удельный вес в общей численности населения разных национальностей представлен в табл. 2.

Таблица 2

Национальный состав населения Якутии, % (по данным переписей населения)⁵

Национальность	1917 г.*	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Русские	6,2	10,4	35,7	44,2	47,3	50,4	50,3	41,2
Якуты	87,1	81,6	56,5	46,4	43,0	36,9	33,4	45,5
Эвенки	5,0	4,5	2,5	1,9	1,4	1,4	1,3	1,9
Эвены	0,8	0,3	0,8	0,7	0,9	0,7	0,8	1,2
Украинцы	—	0,05	1,0	2,5	3,0	5,4	7,1	3,6
Татары	—	0,58	1,1	1,0	,1	1,3	1,6	1,1
Белорусы	—	—	0,4	0,5	0,6	0,8	0,9	0,4
Прочие	0,9	2,57**	2,0	2,8	2,7	3,1	4,6	5,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Данные по сельскому населению.

** Сюда вошли, кроме остальных национальностей, 3 614 чел. иностранных граждан (из Китая — 2 666 чел., Японии — 917 чел., европейских государств — 31 чел.).

Причины и характер столь кардинальных перемен (существенное увеличение доли русских в общей численности населения, и сокращение удельного веса якутов) доказывают увеличение значения механического движения населения. Приток людей в республику состоял из людей русской и других национальностей, приезжающих из соседних областей и отдаленных регионов страны. Затем в 1990-е гг. вследствие распада СССР и развала промышленных производств, ликвидации системы социальной помощи для приезжих происходит заметный отток приезжих, что видно по уменьшению их доли в численности населения Якутии.

В Якутии, кроме упомянутых национальностей, проживали представители малочисленных народностей Севера. По данным переписей населения, численность некоторых наиболее значительных (в численном отношении) народностей с 1917 по 2002 г. можно проследить по табл. 3.

Из табл. 3 видно, что численность эвенков, эвенов и долган увеличилась, тогда как чукчей, юкагиров — сократилась. Особенно наглядно прирост численности эвенков, эвенов и долган проявился в переписи 1989 г., что объясняется

возрождением среди них чувства национальной гордости и самооценности, причем ранее среди этих народов отмечались национальное равнодушие и национальный нигилизм.

Таблица 3

Численность малочисленных народностей Севера в Якутии⁶

Национальность	1917 г.*	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Эвенки	6 627	13 145	10 432	9 505	9 097	11 584	14 428	12 819
Эвены	1 074	738	3 133	3 537	6 471	5 763	8 668	6 402
Юкагиры	706	396	—	285	400	526	697	594
Чукчи	434	1281	400	325	387	377	473	414
Долганы					10	64	408	934

* Данные по сельской местности.

Отдельно надо сказать о влиянии Великой Отечественной войны на демографию региона. В раскрытии этого вопроса особый интерес представляют материалы неопубликованного статистического сборника «Итоги переписи населения по Якутской АССР. 1959 год»⁷. В целом в сельской местности Якутии сокращение численности населения с 1939 по 1959 г. составило 18 % против 14,3 %, что характеризовало убыль населения в оккупированных длительное время районах России⁸. По сравнению с уровнем смертности тылового населения Сибири и Урала жители Якутии переживали высокую смертность: в Якутии она была выше в 1,9 раза смертности в Сибири, в 1,9 раза выше смертности на Урале, в 2,2 раза выше смертности в целом по РСФСР (по неполным данным)⁹.

Нельзя не отметить также происходящие в последнее время негативные изменения в численности населения. Впервые за послевоенный период (с 1945 г.) в республике с 1991 г. наблюдается убыль населения. За 1991—2006 гг. оно уменьшилось более чем на 140 тыс. чел. Если по России в целом сокращению численности предшествовало длительное замедление ее роста, то в республике оно наступило сравнительно внезапно, в связи с обширным кризисом в бывшем СССР.

Таким образом, можно заключить, что основные периоды формирования населения в якутском регионе в XX в. были тесно связаны с судьбой всей России. Процессы модернизации якутского общества привели к положительным изменениям в численности, составе населения, а также его

естественном и механическом движениях. Численность якутян с 1917 по 2002 г. возросла с 264,1 до 948,1 тыс. чел., т. е. в 3,6 раза, а якутов стало в два раза больше (притом, что удельный вес якутов за столетие сократился с 82,07 до 45,5 %). Численность малочисленных народностей Севера, за исключением чукчей и юкагиров, также свидетельствует о положительных сдвигах в их демографии.

По сравнению с демографической историей XIX в. якутский регион в XX в. испытал значительное положительное влияние российской цивилизации. Огромная территория края (более 3 млн кв. км) в XX в. стала интенсивно осваиваться и заселяться. Социалистическая революция произвела коренной переворот в исторических судьбах всех народов и народностей якутского региона. Социалистические преобразования позволили перестроить весь уклад жизни якутян, создать совершенно новые, прогрессивные формы жизни и деятельности людей, которые, несомненно, положительно повлияли на рост численности якутян, качество их жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит по: Киселев С.Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М., 2002. С. 294.

² Таблица составлена по: Статистическая таблица Российской империи. 1887, С. 14, 197; НА РС(Я) (Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 343-и. Оп. 1. Д. 69. Л. 3, 4; Там же. Д. 90. Л. 5; Там же. Д. 117. Л. 4; Там же. Д. 132. Л. 4; Там же. Д. 145. Л. 4; Там же. Д. 156. Л. 4; Там же. Д. 165. Л. 3; Там же. Д. 176. Л. 4; Там же. Д. 186. Л. 4; Там же. Д. 202. Л. 24; Там же. Д. 213. Л. 19; Там же. Д. 234. Л. 2—5; Там же. Д. 264. Л. 22; Там же. Д. 346. Л. 29; Там же. Д. 343. Л. 29; Там же. Д. 373. Л. 80; Там же. Д. 410. Л. 170; Там же. Д. 419. Л. 62—63; Там же. Д. 486. Л. 2; Отчет медицинского департамента за 1880 г. СПб., 1882. С. 23; Обзор Якутской области за 1882—1885, 1889, 1890, 1896 гг. С. 18—19, 23, 27, 28, 35—37; Отчет Статистического комитета за 1890 г. С. 8; Отчет Статистического комитета за 1892 г. С. 14; Отчет Статистического комитета за 1895 г. С. 10—11; Памятная книжка Якутской области за 1898 г.; Материалы переписи 1897 г. Вып. 6. 1905 г. С. 56; Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа. Новосибирск: Наука, 1985. С. 26—27; Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1998. С. 27.

³ Государственная статистика в Республике Саха (Якутия): (1853—2003). Якутск, 2003. С. 36.

⁴ См.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 63.

⁵ Таблица составлена по: Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. С. 32, 33, 35, 36, 99; Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. С. XXV.

⁶ Таблица составлена по: Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. С. XXV; Данные переписей населения; Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии. С. 33, 113, 114; Аверин А.Н. Социальные проблемы развития северных регионов. М., 2005. С. 61, 62; Некоторые показатели социально-экономического положения районов проживания малочисленных народностей Севера за 1990, 2000—2007 гг.: офиц. изд-е Федеральной службы госстатистики. Якутск, 2008.

⁷ См.: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Отдел населения: стат. сб. «Итоги переписи населения по Якутской АССР. 1959 год».

⁸ См.: Рассчитано по: Рыбаковский Л.Л. Прикладная демография (работы 2001—2003 гг.). М., 2003. С. 102; Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект. Якутск, 2000. 150 с.

⁹ Рассчитано по: Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т. 2. 1940—1959. 2001. С. 96, 97; Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 158, 159; Архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Ф. 70. Оп. 1. Д. 34. Л. 260—263; Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Отдел переписи населения; Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2. Якутск, 1992. С. 299.

Поступила 02.09.10.

С. Н. ЗЕТКИН

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЩАН
МОРДОВСКОГО КРАЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX —
НАЧАЛА XX в.**

Ключевые слова: мещанство, торгово-экономическая деятельность, мордовский край, землевладение, ремесло, городское сословие

Key words: bourgeoisie, trade and economic activity, Mordovia Krai, land owners, craft, urban residents

Ко второй половине XIX в. сформировался комплекс основных занятий мещанства. Оно сочетало несколько источников дохода. Главными занятиями представителей сословия были ремесло, мелкая торговля, посредническая деятельность, извоз, содержание постоянных дворов и трактиров, служба у купцов приказчиками и торговыми агентами, разнообразная работа по найму. Значительная часть мещанства активно занималась скотоводством, земледелием и огородничеством¹.

Согласно закону, мещане имели право заводить только небольшие ремесленные заведения, вести мелкую торговлю, брать подряды до 4 тыс. руб., что мешало развитию конкуренции с купечеством. В материалах Всероссийского съезда мещан отмечалось: «В нашем сословии нет ни промышленников, ни капиталистов, ни крупных собственников. Они всегда стремились уйти от мещан, становились купцами, личными дворянами, почетными гражданами и т. п. В мещанском сословии преобладает трудовой класс рабочих, ремесленников, торговых служащих, конторщиков и пр.»².

Занятия мещанства были чрезвычайно разнообразны, как и уровень их материального благосостояния. В 60-е гг. XIX в. мещане сочетали разные способы получения доходов. Многие из них активно занимались отходничеством, под которым

ЗЕТКИН Сергей Николаевич, аспирант кафедры всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института.

понимаются самые разные виды деятельности, связанные с отсутствием на постоянном месте жительства. Характер отходнических промыслов был различен по регионам России.

В Поволжье мещанское отходничество имело характер найма с целью устройства на суда в качестве чернорабочих или рабочих в портах. Традиционным был наем в прислугу. Со строительством Сызрано-Вяземской и Московско-Казанской железных дорог и с открытием их линий Рузаевка—Пенза, Рузаевка—Сызрань, Ромоданово—Нижний Новгород появляется профессия железнодорожника, отходничество направляется в обслуживание железной дороги.

В связи с развитием земледелия у мещан отходничество обуславливается необходимостью аренды земли у местных землевладельцев. Если в целом по Поволжью отходничество достигало 100 %, то в городах мордовского края, по анализу доступных источников, процент отходников к общему числу мещан был весьма разнообразен³. В Инсаре Пензенской губернии он был незначительным. В г. Краснослободске Пензенской губернии процент отходников среди мещан составлял 88 %, в г. Саранске той же губернии — 51 %. В г. Ардатове Симбирской губернии доля отходников среди мещан приближалась к 95 %, а в г. Темникове Тамбовской губернии достигала 92 %. Очевидно, процент отходников был тем выше, чем слабее был развит в городе «фабричный промысел».

Большая часть городской недвижимости принадлежала мещанам, но иногда доля не соответствовала их удельному весу в населении города. В Ардатове мещане владели 23 % недвижимого имущества горожан при 52 % мещан, живших в городе. В Инсаре мещане составляли 84 % от числа горожан и имели 79 % недвижимого имущества (в Краснослободске — 53 и 13 % соответственно). В Саранске 50 % горожан из мещан имели в собственности 33 %. В Темникове мещане составляли 81 % жителей города и владели 70 % недвижимости.

Мещане традиционно сдавали в наем часть своего жилища. Доход от этого составлял около 2,2 % доходов сословия от предпринимательской деятельности⁴. Это мог быть или «угол», или отдельные комнаты в доме, или флигель, которые строились практически в каждой усадьбе⁵. Мещане владели значительным количеством каменных двухэтажных

домов. Из воспоминаний наследников мещан: «В нашем старом доме на Московской, не та, которая старая, а та, которая раньше Трехсвятской⁶ называлась, всегда сдавались две комнаты: одна была в самом доме, другая — в пристрое. Это не мы такие одни были, соседи вообще весь дом сдавали, а сами жили во флигелечке, который специально для этого построили. Но и у нас, и у них были простые комнаты, дешевые. А вот от нас недалеко была настоящая гостиница, там комнаты сдавали посуточно. Такой двухэтажный белый дом, я его еще застал. Бабушка моя все говорила, что там за сутки могли больше рубля брать, что и мы бы так смогли зарабатывать. Рубль — это много было, значит там были просторные комнаты, зеркала, умывальники, цветы, постель всегда чистая и застеленная»⁷. Мещанская экономическая активность заметно выделялась на фоне других сословий. Например, среди 15 мещанских семей названной улицы Трехсвятской г. Саранска мещане Каляпины, Урванцевы, Шапошниковы, занимавшиеся калачным, кожевенным, сапожным промыслами соответственно, сумели построить большие дома, по размерам уступавшим лишь дому купца Л. Котлова⁸.

Мещане представляли ядро мелкого и среднего предпринимательства. Их торгово-промышленная деятельность в основном регулировалась «Положением о пошлинах за право торговли» 1865 г., который устанавливал для мещан не гильдейский, а мелочный сбор. Законы предполагали определенные льготы для мещанских семей, которые занимались торговлей и ремеслом, привлекая не более одного работника: им разрешалось не получать патентов. Согласно закону от 8 октября 1870 г., мещане, выкупившие свидетельства на мелочной торговле, были освобождены от уплаты налогов в пользу города и не платили подати.

Мещане являлись посредниками и поставщиками в казенное ведомство хлеба, мяса, сала и других продуктов. Они становились представителями торгового капитала, выделяясь из среды мелких производителей. На начальной ступени отделения скупщика он еще не оставлял производство, а выступал лишь более состоятельным производителем. Взяв сбыт в свои руки, скупщики удешевляли расходы, из случайного делали его регулярным, отделяли мелкого производителя от рынка.

Сравнение поземельных переписей показывает укрепление мещанского землевладения в количественном и стоимостном выражении⁹. Это была одна из непривилегированных форм частного личного землевладения. Мещанское землевладение складывалось после Указа императора Александра I от 12 декабря 1801 г., разрешившего мещанам, купцам и государственным крестьянам приобретать ненаселенные земли. К 1877 г. мещане владели 1,9 млн дес. земли (2,1 % от всего личного землевладения в европейской части России), к 1905 г. мещанское землевладение составило 3,8 млн дес. земли (4 %), в 1915 г. — свыше 3,8 млн дес. (5,2 %)¹⁰. Большинство мещан-землевладельцев (свыше 94 %) в конце XIX в. были мелкими собственниками, владеющими 40 % всех мещанских земель. Столько же земли находилось в собственности средних землевладельцев, которые составляли 5 % от общего числа владельцев. В начале XX в. происходило укрепление мещанского землевладения. Средний размер владений увеличился: в 1877 г. — 32,0 дес., в 1905 г. — 44,3 дес., в 1915 г. — 42,2 дес. Укрепились позиции среднего мещанского землевладения, на его долю приходилось около половины всех помещичьих земель. Росло крупное мещанское землевладение (до 20 % от общей площади мещанских земель).

Во второй половине XIX в. увеличилась доля мещанского землевладения в изучаемых губерниях. Так, в Пензенской губернии в 1877 г. в собственности мещан были 20 700 дес. (1,6 % всех землевладений губернии), а в 1905 г. — 51 300 дес. (4,6 %). Таким образом, рост составил 59,6 %¹¹. Мещане создавали фермерские хозяйства, где использовалась передовая агротехника (часть земли сдавалась в аренду), развивали предприятия, где эффективно соединялись сельскохозяйственное и промышленное производство, основанное на хорошей технической базе и наемном труде.

К началу XX в. доля мещанского землевладения оставалась незначительной, как и доля других групп традиционных земельных собственников, но тенденция к увеличению была заметной. Стоимость фондов мещанских земель в 1877 г. в изучаемых губерниях была следующей: в Пензенской губернии — 982 072,65 руб., Симбирской губернии — 555 100,3 руб., Тамбовской губернии — 1 452 812,92 руб. В 1905 г. циф-

ры увеличились значительно: в Пензенской губернии — 5 117 644,95 руб., Симбирской губернии — 2 426 372,55 руб., Тамбовской губернии — 1 167 301,2 руб.¹²

В 1889 г. появился закон, разрешающий крестьянам и мещанам на льготных условиях переселяться на государственные земли. Н. П. Дружинин так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Во многих городах мещане занимаются земледелием, и немало мещан живет в селениях, занимаясь сельскохозяйственными промыслами и сливаясь собственно с сельскими обывателями; в значительной степени эти последние мещане суть прежние крестьяне, вышедшие из своего сословия»¹³. Материалы поземельной переписи 1877 г. свидетельствуют о том, что большинство мещан владело мелкой земельной собственностью. В 1905 г. значительная часть мещанских земель принадлежала средним и крупным землевладельцам.

Мещане занимались преимущественно мелкой и средней торговлей (по закону — только в розницу) и промышленностью, кустарным производством. Однако часть мещан была довольно состоятельной в плане торговли. В течение всего своего существования мещанство играло роль одного из основных источников пополнения купечества¹⁴. В то же время это редкие примеры для истории сословия исследуемых городов. Используя данные «Посемейного списка мещан города Саранска», в котором были зафиксированы род деятельности и уровень доходов мещан в начале XX в., мы можем более подробно описать род занятий этого сословия. Часть мещан занималась строительными работами (300—400 руб.); несколько человек работали в должности счетовода и бухгалтера (475—540 руб.), чертежника (350—400 руб.), а также служили при магазине (475 руб.). Из мещан вышли преподаватели мужского ремесленного училища (375 руб.); заведующий училищем (825 руб.); преподаватель и надзирательница женской гимназии (900 руб.); агроном, нотариус, фельдшер, зубной врач, секретарь волостной земской управы (600 руб.)¹⁵. Можно сделать вывод, что мещане работали в самых разнообразных областях, уровень их доходов был различным, но в среднем довольно невысоким. Следует напомнить, что в пореформенный период в городах аграрных губерний, к которым относились изучаемые территории, значительную конкуренцию мещанам на рынке труда составляли крестьяне.

Согласно разным источникам, из всех мещан, задействованных в товарно-рыночных отношениях, в торговой сфере работали от 71 до 77 % мещан, ремеслами занимались от 11 до 22 %, в сфере обслуживания (бани, трактиры, чайные, постоянные дворы, цирюльни, швейные и фотомастерские и пр.) — от 5 до 12 %¹⁶. Развитие торговой инфраструктуры городов определило и увеличение числа торговых служащих. Основная их масса приходилась на мещан, что соответствовало общероссийской тенденции. Из мещан комплектовалась самая большая категория служащих. Ими были так называемые «мальчики» — подростки, которых родители «из харчей и учения» отдавали в лавки и трактиры.

Торговая специализация мещан выглядела следующим образом: 35 % торговых заведений от общего их количества занимались сбытом мучной продукции (хлебобулочных и кондитерских изделий); мясо продавало около 8 % торговых точек, а земель — около 5 %; реализовывало рыбу 5 %; галантерея была представлена небольшим количеством мещанских торговых заведений (3 %); содержанием постоянных дворов и сдачей жилья занималось около 2,5 %, а продажей дров, глиняной посуды, мануфактуры, кожи — приблизительно 1,5 %. Другие виды торговли не достигали 1 %¹⁷. Очевидная ориентация мещанской торговли на продовольствие определяется, с одной стороны, простотой изготовления и обработки, стабильным и традиционным спросом в условиях притока иногородних и крестьян, с другой — дешевизной сельскохозяйственных товаров, их низкой закупочной ценой в условиях постоянной нехватки у крестьян «скорых» наличных денег для уплаты налогов.

Симбирское, Пензенское и Тамбовское мещанство к рубежу XIX—XX вв. сделало традиционными ремесленные занятия, развивая определенную специализацию. Представители сословия исторически составляли большинство городских ремесленников Ардатова, Инсара, Краснослободска, Саранска, Темникова (2/3 от численности их населения)¹⁸.

Прядением песцовой шерсти, тканьем рогож и кулей из лыка занимались в Краснослободске. Там же развивали бондарный и гончарный промысел, плели кружева, развивали ткачество полубумажной пестряди. Кружевной промысел, как и ткацкий, был распространен также в Темникове. Колесно-тележным промыслом занимались мещане Саранска

и Краснослободска. В Саранске многие мещане зарекомендовали себя кустарными портными. Изготовление мебели и деревянной посуды было специализацией горожан Инсара. В Ардатове и Темникове развивались лесные промыслы (рубка леса, изготовление телег и саней, гонка дегтя).

Женщины из мещанского сословия во многих городах традиционно вязали пуховые платки. Этим в городах занимались и позднее. Н. А. Шароватова вспоминала, что ее мать Татьяна, саранская мещанка, традиционно пряла кроличий пух и вязала платки для продажи на рынке. Она утверждала, что «у матушки было всегда 5 коз и кроликов без счету... Женщина должна семью обвязывать. И прокормить должна суметь честно»¹⁹. Винокурение было распространено по всей России, доходы от него были весьма высокими. Любопытно, что именно краснослободский мещанин П. П. Линьков-Кочкин организовал трезвенное движение против наступления государства на эти доходы, против винных откупов, которое охватило Ардатовский, Инсарский и Темниковский уезды²⁰. Высоких объемов достигла мукомольная промышленность. Если деревенская мельница производила не более 10—15 пудов в сутки, то крупное мукомольное предприятие перерабатывало ежедневно до 7 тыс. пудов зерна. Так, товарищество «И. П. Колокольников и Ко» производило до 6 тыс. пудов муки, а мельница братьев Колмаковых — более 3 тыс. пудов²¹. Служащими (конторщики, учетчики, кладовщики и т. п.) на таких предприятиях работали мещане. Строительство и функционирование железнодорожного сообщения стимулировали лесоперерабатывающую промышленность, в которой был велик удельный вес малых предприятий с числом рабочих от 10 до 49 чел. Мещане были как хозяевами, так и смолокурами, плотниками, пильщиками. Однако в силу отдаленности производств от городов в качестве рабочих они встречались реже, чем крестьяне.

Реформа 1870 г. особенно сильно (в экономическом и социальном отношении) повлияла на мещан-земледельцев, которые долгое время жили в условиях поземельной мещанской общины. Мещанские общества, распорядившиеся землей до реформы, потеряли на нее права и не получили никакой компенсации. Для увеличения городских доходов стали сдавать землю в аренду. В малых и средних городах, к которым относились города изучаемой территории,

сохранившие аграрный характер, поземельные мещанские общины оказались в тяжелейшем экономическом положении и стали разрушаться, а промыслы, связанные с сельским хозяйством, — разоряться. «В настоящее время миллионы мещан лишены права на землю, тогда как право это искони принадлежало им, и на этом праве основывалось все их благополучие»²². В конце XIX — начале XX в. мещанские семьи обрабатывали землю на городских окраинах, что сохранялось в укладе изучаемых городов на протяжении всего XX в.

Неотъемлемой частью городской торговли явились лавки. Понятие «лавка» было универсальным для провинциального города России XIX в. Типичной формой внутреннего обмена для губерний мордовского края можно назвать ярмарочную торговлю. Внутренняя торговля в городах была развита достаточно слабо, не связывалась с местным спросом и ориентировалась именно на ярмарочный торг. До проведения железнодорожной магистрали ярмарка была единственным средством обмена между регионами. До конца XIX в. в крае функционировали около 60 ярмарок и 300 базаров, на которые «особенное упование возлагает мещанин»²³. В значительной мере хозяйственно-экономическая жизнь сословия ориентировалась на потребности ежегодных ярмарок в Ардатове (Сергиевская ярмарка 18—28 августа), Саранске (Александровская ярмарка)²⁴. Александровская ярмарка играла роль важного перевалочного пункта Нижегородской ярмарки: в Саранск съезжались купцы из Москвы, Владимира, Пензы, Нижнего Новгорода и других российских городов. Александровская ярмарка не утратила своего значения и после введения в строй железнодорожного сообщения. Торгующие мещане мордовского края имели исторические экономические связи с Казанью, Москвой, Нижним Новгородом, Пензой, Рязанью, Саратовом, Симбирском, Тамбовом, Ярославлем, а также торговали с Прикаспием и Причерноморьем.

Таким образом, хозяйственная деятельность мещанства мордовского края носила разнообразный характер. Главной ее особенностью было сочетание разных форм и способов дохода. Мещане являли собой единственное сословие, которое участвовало практически во всех видах хозяйственно-экономической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России: сб. науч. тр. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 312—340.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 1288. Оп. 11. Д. 103. Л. 52.

³ См.: Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI — нач. XX вв.). М.: Наука, 1973. С. 268.

⁴ См.: Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России. М.: Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 1998. С. 149.

⁵ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 75. Оп. 1. Д. 39; Государственный архив Пензенской области. Ф. 110.

⁶ Московская улица города Саранска — одна из самых старых улиц города. До 1918 г. она именовалась Трехсвятской. Частная застройка сохранилась на ней и по сей день.

⁷ Полевые материалы автора. Записано со слов Е.Ю. Лапицкого.

⁸ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 51. Оп. 3. Д. 18.

⁹ См.: Каплуновский А.П. Мещанская община // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 296.

¹⁰ См.: Захарова В.В. Мещанское сословие пореформенной России. С. 152.

¹¹ См.: Каплуновский А.П. Мещанская община. С. 301.

¹² См.: Всероссийская поземельная перепись 1877; 1905.

¹³ См.: Дружинин Н.П. Мещане и земельный вопрос. М.: Типогр. Г. Лиснера и Д. Совко, 1906. С. 24.

¹⁴ См.: Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов ... С. 336.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Каплуновский А.П. Мещанская община. С. 361.

¹⁷ Там же. С. 191.

¹⁸ См.: Всероссийская перепись населения 1897 г.

¹⁹ Полевые материалы автора. Записано со слов Н.А. Шараватовой.

²⁰ Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. 51. Оп. 1. Д. 21.

²¹ См.: Арсентьев Н.М. Промышленное развитие Мордовии в XIX в. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. С. 86.

²² Абрамов Я. Мещане и город // Отеч. зап. 1883. № 3. С. 1—21.

²³ См.: Денисов В.И. Ярмарки Российской империи. СПб., 1911. С. 96.

²⁴ Там же. С. 102.

Поступила 15.09.10.

Е. В. ПОЛУТИНА

**ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ТЕАТРЫ
МОРДОВСКОГО КРАЯ
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.**

Ключевые слова: домашний театр, любительские спектакли, социокультурные гнезда, благотворительность, любительский театр, крестьянская оперная группа

Key words: home theatre, amateur performance, socio-cultural nests, charity, amateur theatre, peasant opera group

В начале XIX в. любительское театральное искусство входило в повседневную реальность дворянина вместе с другими видами искусства, воздействуя на стиль его жизни. Новому увлечению в дворянских усадьбах (домашним спектаклям) предшествовали совместные вечерние чтения по ролям пьес русской и западной классики и постановка «живых картин».

Во второй половине XIX в. «культурный быт старой усадьбы не исключал художественного дилетантизма»¹. Это ярко проявилось в театральном начинании помещиков, так как участниками любительских спектаклей являлись не актеры-профессионалы, а люди, увлекающиеся театром. Среди актеров, занятых в таких спектаклях, чаще всего бывали члены одной или нескольких семей, их друзья и знакомые. В то же время в любительских спектаклях, устраиваемых дворянством, нередко играли дворовые люди и крестьяне. Ставились эти спектакли с целью оживить жизнь семьи, сделать ее более эмоционально насыщенной, интересной, деятельной.

Специально для новогоднего представления шили наряды, делали маски, короны. О празднике оповещали дворовых, которым также готовили костюмы. В этих праздниках

ПОЛУТИНА Елена Владимировна, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

разыгрывались «французские зуавы», «маркитантки», «карлики», «повара», «шуты с горбами», «цари» с золотыми и серебряными коронами. Нередко «актеры» из народа исполняли роли «маркизов» и «царей», а простолюдинов — представители дворянства. Помимо участников маскарада, на представлении в качестве зрителей присутствовали местные жители. Участие простых людей в театрализованных постановках было обусловлено как демократическими тенденциями исторического развития России в середине XIX в., так и ситуацией сближения, которая складывалась между помещиками и крестьянами².

Любительские спектакли середины XIX в. стали неординарным социокультурным явлением, значение которого вышло за пределы семейного досуга. История развития любительского театра в провинциальных городах мордовского края берет начало с 20-х гг. XIX в. Первый любительский театр был создан в г. Краснослободске, однако его деятельность носила эпизодический характер. Анализ архивных источников показывает, что до появления любительского народного театра в г. Саранске домашние спектакли ставились в дворянских имениях П. Б. Огарева, в с. Яхонтово-Долгоруково — имени А. А. Тучкова.

На рубеже XIX—XX вв. не было целенаправленной государственной политики в области театрального искусства, оно возникало стихийно. В качестве яркого примера можно привести театр, который возник не в уездном городе, а в сельской местности благодаря деятельности В. С. Серовой. Будучи незаурядной личностью в литературе, музыке, театральном искусстве, В. С. Серова внесла значительный вклад в культурную жизнь провинции, положив начало оперному театру в с. Судосево.

Однажды семью Серовых посетил один из знакомых, некто Юрьев, рассказавший, что он в своей деревне в Тверской губернии поставил спектакль «Не так живи, как хочется». Рассказ этого человека произвел на В. С. Серову сильное впечатление. «Тут я впервые узнала, — пишет она, — что даются спектакли для народа; вся душевная жизнь моя заколыхалась от этого известия: значит, может быть найдено дело для артиста и в деревне»³. В конце 80-х гг. XIX в. В. С. Серова едет в д. Сябринцы Новгородской губернии, где создает крестьянские хоры, знакомит

крестьян с музыкальной культурой, произведениями русских композиторов. Позднее в Сябринцах был построен Хоровой дом им. А. Н. Серова.

Зима 1891—1892 гг. стала началом работы В. С. Серовой среди крестьян с. Судосево. Нищета крестьян была ужасающей, население гибло от голода и болезней. На свои средства и средства друзей В. С. Серова покупала медикаменты, муку и крупу для оказания помощи селянам, а также открыла в селах Судосево, Косогоры и Большие Березники столовые. В 1892 г. в Судосево она создала сиротский дом. Была построена новая школа для крестьянских детей. Через два года она привезла в село рояль, книги и стала вести музыкально-просветительскую работу.

На сцене Судосевского театра с успехом шли «Илья Муромец» (автор В. С. Серова), «Князь Игорь», сцены из «Рогнеды» и «Вражьей силы» А. Н. Серова и др. Особенно большой успех имела опера Глинки «Иван Сусанин». Когда слава о крестьянской оперной труппе вышла далеко за пределы Судосево, в феврале 1900 г. труппа (32 чел.) совершила успешную гастрольную поездку в Пензу и Симбирск. В. С. Серову поддерживали А. Г. Рубинштейн, Л. Н. Толстой, Ф. И. Шаляпин, газета «Русские ведомости». В. С. Серова широко пропагандировала свои идеи в печати, рассказывала о талантах деревенских детей. «После представления „Вражьей силы“, — писала она, — в деревенском театре ребяташки запоминали напевы из оперы и в холодные зимние вечера, забравшись на печку, громогласно воспроизводили хором „широкую масленицу“, ясно различая мажор веселого напева от минора отдельных куплетов. В Тверской губернии в одной частной деревенской школе было 25 детей, все они очень быстро научились писать ноты и читать голосом написанные на доске нотные примеры»⁴. Спектакли часто ставили под открытым небом, сцены изготавливали из досок. «Что спектакли нравились народу, тому служит доказательством постоянная просьба с их стороны повторить представление и громкое спасибо по окончании его. Для своего удовольствия он не жалеет ни ног своих, ни времени, ни лошаденки — хоть даже в рабочую пору»⁵.

Поездка в Симбирск и Пензу имела большое значение для судосевцев, она обогатила их впечатлениями, расширила кругозор и вместе с тем научила смотреть на свое

искусство как на дело значимое и необходимое. В культурной жизни российской провинции это явление было уникальным и новым. Воспитанники Серовой в дальнейшем сами стали учителями, общественными деятелями, а ее ближайшая помощница Е. Гусева в 70 лет защитила докторскую диссертацию и стала профессором Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1918 г. В. С. Серова по приглашению друзей приехала в Судосево, чтобы, как она говорила, «перед смертью увидеть свободное Судосево». Она поехала туда, плохо оправившись от второго инсульта, не владея рукой, но полная радостного вдохновения. С собой она привезла библиотеку в дар деревне.

Согласно архивным данным, первые благотворительные любительские спектакли в Саранске, Инсаре и Краснослободске состоялись вслед за губернским городом Пензой. Сначала любительские спектакли ставились редко, а сообщать об их постановках было негде. Первая информация о культурных мероприятиях появилась в газете «Пензенские губернские ведомости». Так, в 1865 г. сообщалось о том, что «в начале сентября в Саранске дано два любительских спектакля в пользу пострадавших от пожара. Собрано 102 рубля и деньги розданы беднейшим из погорельцев»⁶.

В 1870 г. в этой газете снова сообщается о благотворительном спектакле в пользу погорельцев. Дважды были представлены «Свадьба Кречинского» и водевиль «Хочу быть актером», подготовленные распорядителем П. Д. Элпидовым. «Спектакль удался как нельзя лучше, — пишет корреспондент-зритель, — и возбудил в публике полное единодушное удовольствие. По окончании спектакля публика вызывала распорядителя снова и единодушными аплодисментами благодарила его за представленное удовольствие. Собранные 153 рубля переданы в комитет для вспомоществования погорельцам»⁷.

Первые сведения о благотворительных спектаклях любителей в г. Краснослободске опубликованы в газете «Пензенские губернские ведомости» от 19 января 1872 г. Уездный врач Г. П. Петерсон пишет: «...Стремление современного общества к общности интересов и целей, выразившихся появлением в различных местах нашего отечества артистических кружков и спектаклей любителей, нашло в себе отголоски и в нашем маленьком городке, мирно дремавшем

среди Мокшанских лесов»⁸. «Первый благотворительный спектакль состоялся в частном доме, в котором с трудом разместилось 40 зрителей. Пьесу показали два раза, было собрано 90 рублей и часть денег роздано бедным. Однако выражаем надежду, что театр в городе приобретет большую популярность и сможет принести гораздо больше пользы»⁹. Надежды врача оправдались. Театральное дело в начале XX в. достигло высокого уровня. Анализируя деятельность артистов-любителей г. Краснослободска с 1888 по 1900 г., можно констатировать, что театр представлял собой социокультурный центр, оказывающий влияние не только на культурные процессы провинциального города, но и на развитие благотворительности и социальной помощи.

Особого внимания заслуживает деятельность любительских театров по культурному просвещению населения, их взаимодействию с государственными структурами. Так, при введении питейной монополии (середина 90-х гг. XIX в.) правительство для борьбы с пьянством учредило губернские и уездные попечительства о народной трезвости. В этом документе представлена продуманная программа создания сети народных театров. Органы попечительства занялись организацией театральной деятельности. В 1903 г. в г. Краснослободске даны 10 спектаклей, из них три были в пользу Комитета попечительства о народной трезвости, четыре — в пользу бедных студентов учебных заведений, три — в пользу бедных семейств города и рабочих винного склада¹⁰. Краснослободский Комитет попечительства о народной трезвости оказывал содействие любительскому кружку драматического искусства. С его помощью в 1904 г. устроены девять спектаклей и построены две постоянные сцены¹¹.

В течение 1904 г. даны спектакли «Бедность не порок» и «Лес» А. Н. Островского, «Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма, «Семья преступника» П. Джакометти, «Из-за короны» Ф. Кони, «Трогирский воевода» и «Чародейка» И. В. Шпажинского, «Каширская старина» Д. В. Аверкиева, «Уриель Акоста» К. Гуцкова (два раза). Посещаемость была высокой, так как цены на билеты были снижены. Спектакли активно посещали малообеспеченные люди, чего раньше никогда не было. Для рабочих казенного винного склада на каждый спектакль отпускались 40 контрамарок. Кроме того, по 20 контрамарок давалось беднейшим жи-

телям города. Летом спектакли проходили в земском саду, зимой — в здании женского училища.

В 1909 г. творческая интеллигенция краснослободского театрального общества объединилась в новое общество «Городское общественное собрание». Его целью было более планомерное и организованное проведение культурных мероприятий. Учредителями его были члены городской и земской управ, учителя, врачи, юристы и артисты-любители. Краснослободское «Городское общественное собрание» создало артистам-любителям условия для активной деятельности и роста их творческого мастерства. 14 мая 1914 г. в городе был создан «Кружок любителей драматического искусства» и в этом же году официально зарегистрирован в г. Пензе¹². Целями кружка были содействие развитию просвещения среди местного населения путем устройства общедоступных полезных развлечений (спектакли, концерты, литературно-музыкальные вечера, базары), сборы пожертвований и оказание помощи пострадавшим лицам и учреждениям.

Театральная деятельность динамично развивалась и в г. Саранске. В феврале 1883 г. в газете «Пензенские губернские ведомости» появилась информация о театральном вечере, состоявшемся в пользу учащегося 4-классного мужского училища. Поставлена пьеса А. Н. Островского «Тяжелые дни». Спектакль о жизни купцов пришелся по вкусу саранским зрителям, в числе которых было немало представителей купеческого сословия. Следующий театральный вечер состоялся через год, в 1884 г. «Наконец-то и наш Саранск посетил отрадное явление, давшее жителям города удовольствие интересно провести масленицу в театре. Представлялись три комедии: „Бабье дело“, „Она его ждет“ и „Живчик“ с участием господ Масловых, Юрловых, С. С. Станиславского, Е. К. Косых и др. Чистая прибыль высокая — 100 рублей. Устроительницей спектакля была Ольга Федоровна Брониковская»¹³. Следующая информация о спектакле появилась в газете от 7 марта 1887 г. «По инициативе и трудом землевладельца Дмитрия Петровича Федочукова в зале Городского Дома 8 и 13 февраля состоялись два благотворительных спектакля в пользу Александровской женской школы и 4-классного училища. Получено чистой прибыли 152 рубля»¹⁴. Театральные представления прошли с большим успехом.

90-е гг. XIX в. стали новым этапом развития народного театра в Саранске. Для одних народный театр стал модой, для других — жизненной потребностью. С 90-х гг. саранские артисты выступали более активно, сменился репертуар. В театральные кружки влились молодые силы: З. С. Деменкова, Л. П. Кубанцева, В. Н. Кубанцев, дочери Г. П. Петерсона, А. Н. Благодарнова, сестры Токаревы, В. Д. Селиванов, И. В. Сыромятников, А. Н. Афанасьева, В. А. Шпейер. В 1892 г. в Саранске поставлены два любительских спектакля, в 1893 г. — семь, в 1894 г. — три, в 1896 г. — семь, в 1897 г. — пять и один концерт, проведен литературный вечер. В 1898 г. были 14 спектаклей и 7 концертов, 1900 г. — 3, 1902 г. — 10, в 1903 г. — 45, в 1904 г. — 12 спектаклей¹⁵.

За 12 лет, с 1893 по 1904 г., саранскими любителями было поставлено около 200 многоактных, одноактных пьес и водевилей. В этих спектаклях приняли участие 168 чел. из числа интеллигенции, чиновников, технических служащих, купцов, мещан. Спектакли саранских артистов ценились зрителями за их демократичность и доступность для всех слоев городского населения. Самыми популярными были пьесы А. Н. Островского, более половины пьес которого прошли на саранской сцене («Пучина», «Доходное место», «Гроза», «Тяжелые дни», «Светит, да не греет», «Не так живи, как хочется» и др.). Неоднократно повторялись «Блуждающие огни» Л. Антропова, «Женитьба» и «Ревизор» Н. В. Гоголя, «Грех попутал» И. В. Шпагинского, «200 тысяч» И. И. Мясницкого, «Домовой шаман» и «Сорванец» В. А. Крылова, «Старое старится, молодое растет» А. Н. Плещеева и др. В типографии братьев Сыромятниковых печатались красочные афиши для саранских спектаклей и театров других городов Пензенской губернии. Это еще раз доказывает, что семья Сыромятниковых была причастна как к развитию любительского театра, так и культуре г. Саранска¹⁶.

Участником многих спектаклей был врач Г. П. Петерсон, обладавший артистическим талантом и любивший театральное искусство. Он был одним из первых организаторов любительских спектаклей и концертов в Краснослободске, Инсаре и Саранске. О. Ф. Брониковская была самой увлеченной артисткой-любительницей. Эрудированная, музыкально одаренная, обладающая организаторскими способностями,

она была душой любительского искусства, а с 1884 по 1904 г. — участницей и устроительницей 20 спектаклей и концертов. Благотворительные спектакли и концерты, подготовленные ею и проводившиеся в зале дворянского собрания, проходили с большим успехом, о чем говорят значительные денежные сборы. В конце XIX — начале XX в. организатором и участницей многих культурно-театральных мероприятий была Е. Л. Токарева, заведующая народной бесплатной библиотекой-читальней. Деньги от спектаклей тратились и на покупку книг в народную библиотеку.

Мастерство саранских артистов-любителей, деятельность драматических кружков с увеличением числа участников побудила самых активных деятелей народного театра объединиться в общество, чтобы совместными усилиями улучшить качество спектаклей, увеличить число зрителей, защитить артистов от произвола полиции и повысить авторитет народного любительского театра. Так, в 1904 г. возникло Общество любителей изящных искусств. В списке устроителей мы находим О. Ф. Брониковскую, члена городской управы Н. А. Сыромятникова, потомственного почетного гражданина Н. И. Кубанцева, Е. Л. и Н. Л. Токаревых, коллежского асессора П. А. Протопопова, потомственного почетного гражданина Н. П. Кузовкова, врача Н. И. Соколова, жену коллежского асессора М. С. Баталину, учительниц М. Н. Ушакову и А. Н. Афанасьеву, В. Л. Шпейер и К. Кузовкову.

30 сентября 1904 г. устав общества был утвержден Министерством внутренних дел, и 9 ноября создан Совет старейшин общества, председателем которого стал Л. Н. Кузовков, а заместителем — И. А. Сыромятников. На собраниях Общества любителей изящных искусств решались различные вопросы: принятие новых членов общества, избрание членов совета и ревизионной комиссии, постановка спектаклей, ассигнования на постройку декораций для сцены, приобретение квартиры для собраний членов общества, устройство кинематографа при театре в Пушкинском саду и его содержание, содержание катка, получение электричества для освещения кинематографа, строительство зимнего театра и т. д. Члены общества читали лекции и доклады, вели культурно-просветительскую работу в городе, давали благотворительные спектакли. По приглашению общества в летнем театре выступали приезжие артисты, драмати-

ческие труппы, хоровые коллективы, солисты из местных любителей искусства.

В 1914 г. газета «Пензенские губернские ведомости» сообщила: «Вот уже четвертый год, как за антрепризу летнего театра взялось местное Общество любителей изящных искусств и театральное дело весьма сильно разрослось... Труппа для Саранска весьма сильная, и артисты пользуются у зрителей заслуженным успехом. Режиссер театра П. Н. Зверев подготовку спектаклей проводит тщательно, спектакли идут на высоком уровне и приносят хорошие сборы. Но сложившийся репертуар не совсем удовлетворяет зрителей. Поэтому режиссеру необходимо подобрать более глубокие по содержанию пьесы. Это замечание руководитель труппы принял к исполнению»¹⁷.

Подводя итоги деятельности народного любительского театра в Саранске в конце XIX — начале XX в., можно утверждать, что театральное искусство получило существенное развитие. Было много талантов среди артистов и организаторов театрального дела. Репертуар театра отражал наиболее злободневные вопросы общественной жизни, имел социальную направленность. Драматическое искусство в городе могло развиваться и более динамично, но отсутствовало здание зимнего театра, а городская управа мало заботилась о развитии театра в городе.

С 27 декабря 1915 г. по 5 января 1916 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд деятелей народных театров. Достижением съезда было признание полного равноправия в области театрального искусства всех народов России, представления спектаклей на их родном языке. Возник вопрос о соотношении профессионального и любительского театров. Одни говорили, что любительство может быть главным средством при создании настоящего художественного театра для народа, другие, напротив, считали, что с этим под силу справиться только профессиональным театральным деятелям. Этого мнения придерживался дважды выступавший делегат из Саранска Б. И. Сыромятников.

Решение этого вопроса предложил директор Малого театра А. И. Южин: «...Пусть будут идти и любительские крестьянские спектакли, и все прочие, но в деле настоящего народного театра они имеют то же подготовительное значение, или добавочное, как и всякие любительские. Но

истинно демократическим народным театром может стать лишь талантливый профессиональный театр»¹⁹. Жизнь подтвердила справедливость вывода А. И. Южина: театрами для народа стали лучшие профессиональные театры страны, а наряду с этим получило бурное развитие театральное самодетельное искусство.

Таким образом, анализ деятельности любительских театров в провинциальных городах мордовского края показал, что любительские театры возникали стихийно, в ответ на культурные запросы населения. Их репертуар свидетельствует о высоких эстетических вкусах провинциальной интеллигенции. Они являли собой образец социокультурного гнезда, оказывающего заметное влияние на формирование культуры населения, и внесли значительный вклад в развитие системы благотворительности мордовского края.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX — начала XX века. Абрамцево: от «усадьбы» к «даче». М., 1984. С. 204.

² См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). СПб., 1996. С. 190.

³ Серова В.С. Мои успехи и неудачи в деревне // Театр и искусство. 1913. № 29. С. 588.

⁴ Ее же. Музыка в деревне // Артист. 1892. № 25.

⁵ Там же.

⁶ Пензенские губернские ведомости. 1865. № 18. С. 407.

⁷ Там же. 1870. № 25. С. 372.

⁸ Там же. 1872. № 3. С. 463.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАПО. Ф. 5, Оп. 1. Д. 7329. Л. 233, 251, 283, 335, 336; Д. 7411. Л. 39, 40, 175, 177, 178, 258, 261.

¹¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 46456. Л. 1—14.

¹² Пензенские губернские ведомости. 1883. № 22. С. 454.

¹³ Там же. 1884. № 21. С. 473.

¹⁴ Там же. 1887. № 15. С. 455.

¹⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6550. Л. 6; Д. 6627. Л. 12; Д. 6763. Л. 7; Д. 6987, Л. 1; Д. 7329. Л. 349; Д. 7411. Л. 516; Д. 7502. Л. 141, 180, 192, 203, 254, 338.

¹⁶ Там же. Ф. 5, Оп. 1. Д. 7181. Л. 121, 125.

¹⁷ Пензенские губернские ведомости. 1814. № 160. С. 472.

¹⁹ Цит. по: Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX в. и начала XX в. М., 1975. С. 260.

Поступила 15.09.10.

АННОТАЦИИ

И. В. Бахлов. Федерация как альтернатива развития российской государственности: федеративные проекты имперского периода.

В статье рассматриваются федеративные проекты трансформации территориального устройства Российской империи. Особое внимание уделяется концепциям декабристов, Н. П. Огарева, Н. Я. Данилевского, представителей анархистского движения.

С. В. Бирюков, А. М. Барсуков. Этнорегиональные партии как фактор демократизации общеевропейского политического процесса.

Рассмотрены возможные пути преодоления дефицита демократии, который стал результатом современного процесса европейской интеграции. Эта проблема анализируется в системе координат альтернативной модели сетевого подхода и деятельности этнорегиональных партий Европы. Осуществлен анализ электоральных перспектив и результатов деятельности европейских этнорегиональных партий.

И. Н. Кузьмина. Демократизация власти в условиях реализации концепции электронного правительства.

В статье рассматриваются особенности реализации концепции электронного правительства и возникающие при этом политические коммуникации. Анализируется деятельность органов государственной власти Чувашской Республики в использовании информационных технологий для налаживания двухсторонней коммуникации с населением.

А. В. Логинов, А. М. Магдеев. Влияние на политический процесс российского менталитета и региональной идентичности.

В статье проанализированы понятия «политический менталитет» и «региональная идентичность», их особенности применительно к российскому обществу. Выделены факторы, способствующие становлению традиционных архетипов российской ментальности. Исследован характер влияния традиционных архетипов на современный политический процесс и сделан вывод, что политические реформы становятся реальностью, если учитывается существующая ценностно-мотивационная область допустимых изменений.

Д. В. Ермолаев. Проблемы повышения эффективности управления социально-экономическим развитием региона.

Анализируется современное состояние социально-экономического развития Белгородской области, выявлены основные проблемы, препятствующие этому развитию.

А. В. Захаров. Система антикризисного управления и обеспечение безопасности региона.

Высказан ряд фундаментальных положений о системе региональной безопасности как элементе общегосударственной безопасности и автономной системе. Система региональной безопасности рассматривается в рамках стабильно-кризисного развития регионального цикла. Анализируются особенности существующих систем безопасности, теоретические и практические аспекты этого направления исследований.

В. П. Бабинцев, Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, Ж. А. Шаповал. Оценка эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения.

В статье рассматриваются методологические основы оценки эффективности регионального управления на основе показателей качества жизни населения. Анализируются технология оценки результативности регионального управления в Белгородской области, используемые для этого субъективные и объективные показатели, процедура составления сводной таблицы значений и итоговой диаграммы «Роза качества». Описываются результаты исследований качества жизни в Белгородской области в 2006—2009 гг.

Ю. В. Кузнецов. Социально-политический универсализм России в историософии евразийцев.

Представлен анализ идей наиболее ярких представителей евразийства (П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Р. О. Якобсон), касающихся исторической судьбы России, поиска социально-политической универсалии ее дальнейшего развития.

А. Н. Дырдонова. Оценка эффективности кластерных образований в регионе.

В статье исследуются подходы к оценке эффективности интеграционных процессов (кластеризации), предлагается методика оценки эффективности кластерных образований на основе сравнительного анализа показателей деятельности промышленных предприятий Республики Татарстан.

А. Ю. Белозерский, В. В. Никитина. Управление рисками металлургического предприятия как составляющая региональной экономики.

Показана роль металлургии в экономике регионов Российской Федерации, рассмотрены риски, возникающие на предприятиях металлургического комплекса, и факторы, их порождающие. Описаны этапы управления рисками, осуществлен анализ методов снижения и управления рисками на примере предприятий черной металлургии.

Н. А. Киселева, М. С. Терешкина. Отличия методик государственной кадастровой оценки земель как фактор влияния на земельные отношения и социальную атмосферу в регионе.

Дается сравнительный анализ отличий государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов, которые могут влиять на земельные отношения и социальную атмосферу.

С. А. Бартанов. Эффективность и динамика энергопотребления в регионе.

В статье анализируются проблемы снижения энергоемкости и энергобезопасности Республики Мордовия, указан ряд мер по снижению этого показателя, выявлена необходимость реализации энергосберегающей политики как системного подхода к снижению энергоемкости валового регионального продукта.

О. Т. Ергунова. Механизм влияния маркетинга на региональную экономику.

Статья посвящена формированию механизма организации маркетинга региона для повышения его социально-экономического развития. Рассмо-

трены особенности реализации этого механизма на региональном уровне, основные маркетинговые функции и структурные элементы, выделены этапы регионального маркетингового цикла.

Н. В. Ивашкина. Формирование этнокультурной образовательной политики в регионе.

Представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление содержания этнокультурной образовательной политики в Республике Мордовия и перспектив ее развития.

Л. П. Канаева. Государственно-общественный характер управления системой образования.

В статье рассматривается влияние различных моделей государственно-общественного управления образованием на совершенствование системы образования Республики Мордовия в контексте ее модернизации. Выявлены основные проблемы, препятствующие эффективному развитию образования в регионе.

Т. В. Гуськова, И. Ю. Рогашова. Использование информационных технологий в образовательном процессе высшей школы.

В статье на примере Пензенской государственной технологической академии рассмотрены возможности использования информационных технологий в образовательном процессе высшей технической школы (информационная и модульно-рейтинговая технология, «Информационный бюллетень» и т. п.).

Е. А. Шевелева. Проблемы развития высшего профессионального образования в малых и средних городах.

В статье анализируются социально значимые проблемы развития российской системы высшего профессионального образования, представлена характеристика специфических особенностей этих проблем в малых и средних городах современной России.

Е. М. Власова. Состояние и тенденции развития среднего класса в регионах Среднего Поволжья.

В статье рассматриваются критерии выделения среднего класса в социальной структуре российских регионов. На основе данных социологического исследования, проведенного в Самарской, Ульяновской областях и Республике Марий Эл, определены факторы воспроизводства российского среднего класса, выделены его региональные особенности, количественный и качественный состав.

О. А. Полюшкевич. Гендерные аспекты социальных представлений населения региона об общественных трансформациях.

Анализируются социальные представления населения регионов Сибири о социальных изменениях, происходящих в российском обществе. Выявляются гендерные особенности восприятия социальных трансформаций, показана гендерная дифференциация социальных представлений об общественных изменениях при помощи трансимволического анализа, а также рассматриваются культурные и психологические факторы, объясняющие эти различия.

И. Н. Пронина. От вещи к бренду: символические практики потребления как поиск идентичности.

Показывается, что процессы глобализации сказываются на человеческой субъективности, определенность которой становится все более многоликой и активной. В статье рассматриваются проблемы идентичности современного человека в контексте потребительских практик.

Е. В. Желнина. Профессиональная подготовка персонала: ответ на кризис.

В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на изучение изменений в отношении менеджеров крупных промышленных компаний к профессиональной подготовке персонала в период нестабильности внешней рыночной ситуации. Выявлено неоднозначное влияние экономического кризиса на процессы, касающиеся управления профессиональной компетентностью сотрудников крупных промышленных компаний.

М. В. Бикеева. Составляющие социальной среды промышленных предприятий региона.

Дана характеристика промышленного развития Республики Мордовия: динамики объема производства ВРП, его уровня на душу населения и структуры. Осуществлена оценка реализации социальных обязательств ведущими предприятиями республики.

А. С. Палибина. Значимость православных ценностей для современной российской семьи.

На основе результатов социологического исследования, проведенного в Республике Мордовия, проанализирована значимость православных ценностей для современной семьи, определено процентное соотношение верующих и неверующих в городской и сельской местности, выявлены основные показатели воцерковления людей, дана характеристика основных православных ценностей и их взаимосвязи с семейными ценностями.

Т. А. Рассадина, Е. А. Семенова. Человек в условиях «общества риска».

В статье представлен анализ некоторых механизмов и тенденций изменения оценок, ожиданий, поведения, ценностных ориентаций социальных акторов в условиях «общества риска».

Н. С. Кулешова. Дети как человеческий капитал общества.

Анализируется специфика современной демографической ситуации во всем мире и России. Показаны познавательные возможности концепции человеческого капитала П. Бурдье для анализа детства в современной России в условиях общего сокращения числа детей и возрастания социокультурных требований общества к подрастающим поколениям.

А. А. Сычев, К. В. Фофанова, Л. А. Якина. Бюджет времени молодой семьи в региональном социуме.

В статье рассматривается структура бюджета времени молодой семьи, выделяются модели бюджета времени в зависимости от типа молодой семьи. Для анализа структуры бюджета времени были выделены переменные (рабочее время, домашний труд и свободное время), определялась временная наполненность каждой из переменных. Проведенный анализ

позволяет судить не только о распорядке дня, распределении времени, но и о качестве и уровне жизни молодой семьи.

К. П. Африкантов. Уполномоченный по правам ребенка как новый институт в системе социальной защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В статье рассматриваются актуальные проблемы становления института уполномоченного по правам ребенка в России. На основе анализа опыта отдельных субъектов Российской Федерации даются рекомендации по повышению эффективности функционирования этого института.

Л. В. Нечаева. Теоретико-практические основания изучения проблемы отказов от новорожденных в регионе.

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию проблемы отказов матерей от новорожденных детей, представлены статистические данные о детях, оставшихся без попечения родителей, и детей-отказниках в Российской Федерации и Республике Марий Эл. Называются факторы, способствующие отказу от детей.

Е. В. Мозеров. Ипотека и региональная государственная молодежная политика.

Рассматривается важность ипотеки в решении жилищной проблемы молодежи Республики Мордовия, раскрывается механизм ипотечной политики, придающей ей социальную направленность.

Л. И. Савинов. Становление и развитие социальной работы в регионе.

Статья посвящена истории становления и развития социальной работы в Республике Мордовия. Особое внимание уделяется роли Мордовского государственного университета и кафедры социальной работы.

В. П. Букин, А. В. Осташков, С. И. Неделько, В. Н. Ретинская. Социальная ответственность СМИ в контексте модернизационных процессов в регионе.

Статья посвящена рассмотрению вопросов модернизационной консолидации российского общества и роли в этом процессе СМИ. Анализируются результаты социологического опроса, посвященного сущностному пониманию социальной ответственности СМИ в контексте региональной идентификации, социального моделирования и обеспечения стратегии инновационного развития государства (на примере Пензенской области).

Н. С. Кузнецова. Веб-сайты региона: соотношение этнокультурного и глобального.

В статье рассматривается, как электронные средства коммуникации изменили характер культурной среды и механизмы формирования образов. Веб-дизайн, став инструментом эмоционального воздействия, имитирует привычную для человека среду обитания в виртуальном пространстве. Веб-технологии в потоке глобализации ориентируются на массового пользователя, лишённого национальной специфики. В условиях веб-манипулирования через игровой поток существует проблема противостояния «иллюзорности». Одним из решений является обращение к формам национальной культуры.

П. Н. Полосин. Ведущие ежедневные новостные СМИ Пензенской области: опыт сравнительного анализа.

В статье представлены итоги исследования ведущих новостных ежедневных СМИ Пензенской области, проведенного методом включенного наблюдения в 2010 г. Осуществлена попытка представить проблему социальной ответственности СМИ через призму реального состояния региональных массмедиа, вынужденных работать в условиях жесткой конкуренции на информационном рынке.

С. И. Сивцева. Региональная демографическая история: население Якутии в XX в. (общее и особенное).

Осуществлен анализ демографической истории якутского края, прослежена динамика его национального состава, городского и сельского населения, численности малочисленных народов Севера и Якутии.

С. Н. Зеткин. Хозяйственная и торгово-экономическая деятельность мещан мордовского края второй половины XIX — начала XX в.

В статье рассматривается хозяйственная и экономическая деятельность мещанского сословия в конце XIX — начале XX в. в уездах, входящих в настоящее время в состав Республики Мордовия. Анализируется роль сословия в хозяйственной жизни региона, деятельность мещанства характеризуется в сравнении с представителями этого сословия в других губерниях Российской империи.

Е. В. Полутина. Любительские театры мордовского края как фактор развития провинциальной культуры конца XIX — начала XX в.

Статья посвящена анализу деятельности любительских театров в мордовском крае в конце XIX — начале XX в., отмечается их значение в культурном просвещении различных слоев населения региона и развитии системы благотворительности.

ANNOTATIONS

I. V. Bakhov. Federation as Alternative to Development of Russian National Identity: Federative Projects of the Emperor Period.

Federative projects of transformation of territory structure of the Russian Empire are considered in the article. Special attention is paid to the conceptions of Decembrists N. P. Ogarev, N. Ya. Danilevsky, representatives of the anarchist movement.

S. V. Biryukov, A. M. Barsukov. Ethno-Regional Parties as Factor for Democratisation of Common European Political Process.

Possible ways for overcoming democracy deficit appeared as a result of the modern process of European integration are considered. This problem is analysed in the coordinates of the alternative model of net approach and activities of ethno-regional parties of Europe. The analysis of electoral perspectives and activity results of European ethno-regional parties is carried out.

I. N. Kuzmina. Democratisation of State Power in the Conditions of Electronic Government Conception Implementation.

Peculiarities in the electronic government conception implementation and political communications emerging at that are treated in the article. Activities of state power bodies of the Chuvash Republic in electronic technologies application for establishing bilateral communication with the population are analysed.

A. V. Loginov, A. M. Magdeev. Influence of Russian Mentality and Regional Identity on the Political Process.

Notions of «political mentality» and «regional identity», their peculiarities in application to the Russian society are analysed in the article. Factors promoting the formation of traditional antitypes of Russian mentality are determined. Character of the influence of traditional antitypes on the modern political process has been investigated. A conclusion that political reforms are sure to become the reality in case of the account of the existing axiological and motivational sphere of the admissible changes is made.

D. V. Ermolaev. Problems in Efficiency Increase in Social and Economic Development Management of the Region.

Present-day state of social and economic development of the Belgorod Region is analysed, main problems hampering the development are determined.

A. V. Zakharov. System for Anti-Crisis Management and Regional Security Provision.

A number of fundamental propositions on the system of regional security as element of state security and autonomous system have been made. The system for regional security is treated in the framework of a stable crisis development of the regional cycle. Peculiarities of the existing security systems, theoretical and practical aspects of this development trend are analysed.

V. P. Babintsev, B. V. Zalivansky, E. V. Samokhvalova, Zh. A. Shapoval. Estimation of Regional Management Efficiency on the Basis of Population Life Quality Indices.

Methodological basis for regional management efficiency estimation on the basis of the population life quality indices is considered in the article. The technology for the estimation of regional management efficiency in the Bel-

gorod Region, applied subjective and objective indices as well as the procedure of consolidated table of meanings formation and the final diagram «Quality rose» are analysed. The results of life quality research held in the Belgorod Region in 2006—2009 are presented.

Yu. V. Kuznetsov. Social and Political Universalism of Russia in Historiography of Eurasians.

The analysis of the ideas of the brightest representatives of Eurasianism (P. N. Savitsky, N. N. Alekseev, N. S. Trubetskoy, G. V. Vernardsky, R. O. Yakobson) on the historical fate of Russia, search for social and political universal of its further development is presented.

A. N. Dyrdonova. Evaluation of Cluster Formations Efficiency in the Region.

Approaches to the evaluation of integration process (clusterisation) efficiency are under research in the article. Methods for cluster formations efficiency evaluation on the basis of comparative analysis of activity indices of industrial enterprises of the Republic of Tatarstan are offered.

A. Yu. Belozersky, V. V. Nikitina. Risks Management at a Metallurgic Enterprise as Component of Regional Economy.

The role of metallurgy in the economy of the regions of the Russian Federation is shown. Risks emerging at the enterprises of the metallurgic complex as well as factors promoting them are considered. Stages in risks management are described, the analysis of methods for risks decrease and management after the example of ferrous metallurgy enterprises are offered.

N. A. Kiseleva, M. S. Tereshkina. Differences in Methods for Cadastral Valuation of Lands as Factor of Influence on Land Relations and Social Atmosphere in the Region.

Comparative analysis of differences in state cadastral valuation of lands in the settlements that can possibly influence land relations and social atmosphere is made.

S. A. Bartanov. Efficiency and Dynamics of Energy Consumption in the Region.

Problems of energy consumption and energy security of the Republic of Mordovia are analysed in the article. A number of measures aimed at the increase of this index are offered. The necessity for implementation of energy-saving policy as a system approach to the increase in energy consumption in gross regional product is underlined.

O. T. Ergunova. Mechanism for Marketing Influence on Regional Economy.

The article is devoted to the formation of a mechanism for regional marketing organisation aimed at the increase of its social and economic development. Peculiarities in the application of this mechanism on the regional level, basic marketing functions and structural elements are considered; stages in the regional marketing cycle are determined.

N. V. Ivashkina. Formation of Ethno-Cultural Educational Policy in the Region.

Results of a sociological research aimed at the investigation of contents of ethno-cultural educational policy in the Republic of Mordovia and perspectives for its development are presented.

L. P. Kanaeva. State and Public Character of Educational System Management.

Influence of different models of state and public education management on the educational system of the Republic of Mordovia modernisation is considered

in the article. Main problems hampering efficient development of education in the region are brought to light.

T. V. Guskova, I. Yu. Rogashova. Information Technologies Application in Higher School Educational Process.

After the example of the Penza State Technological Academy possibilities for information technologies application in educational process of higher technical school (information and model and rating technology, «Information Bulletin», etc.) are considered in the article.

E. A. Sheveleva. Problems in Higher Professional Education Development in Small and Medium Towns.

Socially important problems in the development of Russian system of higher professional education are analysed in the article. Characteristics of specific peculiarities of these problems in small and medium towns of modern Russia are presented.

E. M. Vlasova. State and Tendencies of Middle Class Development in the Middle Volga Regions.

Criteria for the middle class separation in the social structure of Russian regions are considered in the article. On the basis of the data of a sociological research held in the Samara, Ulyanovsk Regions and the Republic of Marij El factors for the Russian middle class reproduction, its regional peculiarities as well as quantitative and qualitative structure are determined.

O. A. Polyushkevich. Gender Aspects of Social Presentations of Population of the Region on Public Transformations.

Social presentations of Siberia population on social changes taking place in the Russian society are analysed. Gender peculiarities of a social transformations perception are determined; gender differentiation of social presentations on public changes with trans-symbolic analysis application is presented; cultural and psychological factors substantiating these differences are considered.

I. N. Pronina. From Thing to Brand: Symbolic Consumption Practices as Search for Identity.

It is shown that globalisation processes influence human subjectivity. Its determination becomes more multifaced and active. Problems of a modern human being identity in the context of consumption practices are considered in the article.

E. V. Zhelnina. Professional Training of Personnel: Answer to Crisis.

The results of a sociological research aimed at the investigation of changes in application to the relations of managers of large industrial companies to personnel professional training in the period of instability of external market situation are presented in the article. Multivalued influence of the economic crisis on the processes referred to the management of professional competitiveness of large industrial companies' employees is determined.

M. V. Bikeeva. Components of Social Environment of Industrial Enterprises of the Region.

Characteristics of industrial development of the Republic of Mordovia (dynamics of gross regional product production volume, its level per capita and structure) are presented. Evaluation of satisfying social obligations by the leading enterprises of the republic is carried out.

A. S. Palibina. Importance of Orthodox Valuables for Modern Russian Family.

On the basis of the results of the research carried out in the Republic of Mordovia the importance of Orthodox valuables for the modern family is analysed; percentage of believers and non-believers in the urban and rural areas is determined. Main indices of people's churching are shown, characteristics of main Orthodox valuables and their interrelation with the family values are given.

T. A. Rassadina, E. A. Semenova. Human Being in the Conditions of «Risk Society».

The analysis of some mechanisms and tendencies of changes in estimations, expectations, behaviour, axiological orientations of social factors in the conditions of the «risk society» is presented in the article.

N. S. Kuleshova. Children as Human Capital of the Society.

Specificity of the modern demographic situation both in the world and in Russia is analysed. Cognitive abilities of the conception of human capital by P. Bourdieu for the analysis of the childhood in the modern Russia in the conditions of general decrease in the number of children and increase in socio-cultural demands of the society to the younger generation are shown.

A. A. Sychev, K. V. Fofanova, L. A. Yakina. Budget of Time of Young Family in Regional Society.

Structure of the budget of time of a young family is treated in the article. Models of the budget of time depending on the type of the young family are presented. For the analysis of the structure of the budget of time variables such as working time, household and spare time were chosen and the time fullness of each of them was determined. The analysis allows making conclusions not only on the schedule and timing but also on the life quality of the young family.

K. P. Afrikantov. Plenipotentiary for the Rights of the Child as New Institution in the System of Social Protection of Orphaned Children and Children without Parental Care.

Actual problems in the formation of the institution of Plenipotentiary for the rights of the child in Russia are considered in the article. On the basis of the analysis of the experience of several constituent entities of the Russian Federation recommendations for the increase in efficiency of this institution are offered.

L. V. Nechaeva. Theoretical and Practical Basis for Investigation of Newborn Children Abdication Problem in the Region.

Main approaches to the understanding of the problem of mothers' abdication from newborn children are considered in the article. Statistic data on the children without parental care, abdicated children in the Russian Federation and the Republic of Marij El are presented. Factors promotion abdication from children are brought to light.

E. V. Mozerov. Mortgage and Regional State Youth Policy.

The importance of mortgage in the solution of the housing problem of the youth in the Republic of Mordovia is considered. Mechanism for strengthening social focus on the mortgage policy is presented.

L. I. Savinov. Formation and Development of Social Work in the Region.

The article is devoted to the history of the formation and development of social work in the Republic of Mordovia. Special attention is paid to the role of Mordovia State University and the Chair of Social Work.

V. P. Bukin, A. V. Ostashkov, S. I. Nedelko, V. N. Retinskaya. Social Responsibility of Mass Media in the Contest of Modernisation Processes in the Region.

The article is devoted to the issues of modernisational consolidation of the Russian society and the role of mass media in this process. Results of sociological research devoted to the essential understanding of mass media social responsibility in the context of regional identification, social modelling and provision of innovative development of the state strategy (after the example of the Penza Region) are analysed.

N. S. Kuznetsova. Web-Sites of the Region: Correlation of the Ethno-Cultural and the Global.

The way electronic mass communication means have changed the character of the cultural environment and mechanisms for images formation are traced in the article. Web-design, having become the instrument of emotional influence, imitates the habitual for the person environment in the virtual space. Web-technologies in the communication stream are geared to the mass user deprived of national specificity. In the conditions of web-manipulation the problem of the opposition to the «illusiveness» arises. One of the ways for its solution is the appeal to the forms the national culture.

P. N. Polosin. Leading Daily News Mass Media of the Penza Region: Experience of Comparative Analysis.

The results of the research of leading daily news mass media of the Penza Region carried out with the application of the method of participant obligation in 2010 are presented in the article. An attempt to represent the problem of social responsibility through the prism of regional mass media operating in the information market in the conditions of fierce competition is made.

S. I. Sivtseva. Regional Demographic History: Population of Yakutia of the XX Century (the Common and the Peculiar).

The analysis of the demographic history of the Yakutia Region is carried out. The dynamics of its national structure, urban and rural population, the number of indigenous peoples of the North and Yakutia have been traced.

S. N. Zetkin. Business and Trade and Economic Activities of the Mordovia Krai Bourgeoisie in the Second Half of the XIX — Beginning of XX Centuries.

Business and trade and economic activities of the bourgeoisie in the end of XIX — beginning of the XX centuries in the districts presently comprising the Republic of Mordovia are considered in the article. The role of this class in the economic life of the region is analysed; activities of the bourgeoisie are characterised in comparison to this class representatives from other provinces of the Russian Empire.

E. V. Polutina. Amateur Theatres of the Mordovia Krai as Factor for Development of Provincial Culture in the End of the XIX — Beginning of the XX Centuries.

The article is devoted to the analysis of amateur theatres activities in the Mordovia Krai in the end of the XIX — beginning of the XX centuries. Their importance in cultural education of different layers of population and the development of charity system is emphasised.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 27.12.10. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 18,2. Тираж 1 000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 4479.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”».
430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.